

Сергей Прокопьев

НЕ НАДЕЙТЕСЬ
НА КНЯЗЕЙ,
НА СЫНОВ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

роман

16+

Сергей Николаевич Прокопьев

Не надейтесь на князей, на сынов человеческих

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45277357

SelfPub; 2019

Аннотация

Волен священнослужитель баллотироваться в депутаты? По существующим нормам – нет. Герой романа «Не надейтесь на князей, на сынов человеческих» протоиерей Виталий выдвинул свою кандидатуру в Горсовет – противостоять мздоимцам, лихоимцам, оборотням. Ещё один реально-фантастический персонаж романа – иерей Виталий Багинский. В Гражданскую войну Багинский (в прошлом кавалерист) с оружием защищал церковь и страну от безбожников. Он появляется в романе в наши дни, видит возрождение поруганной Церкви, новые храмы, но в высокие кабинеты рвутся бесы, сея вокруг себя разруху, нищету, безнравственность.

Не надейтесь на князей, на сынов человеческих Роман

Горе тем, которые постановляют несправедливые законы
и пишут жестокие решения, чтобы устранить
бедных от правосудия и похитить права
у малосильных из народа Моего,
чтобы вдов сделать добычею своею и ограбить сирот.

Книга пророка Исайи

Кандидат в депутаты

Позвонил знакомый и огорошил: а ты знаешь, что батюшка Виталий Кузнецов баллотируется в Горсовет?

Как так? Раве иерею можно? Да и напрасный труд. В депутаты батюшка навряд ли пройдёт (кухню избирательных кампаний немного знаю), а себе, священнику, может всё испортить.

Во времена перестройки хлынула в наши пределы демократия, был учреждён Съезд народных депутатов, среди которых имелись тогда и народом избранные священники, епископы. Однако с роспуском Советского Союза патриарх эту практику прикрыл, запретил священнослужителям вновь созданной Российской Федерации ходить во власть. Они должны днём и ночью духовно окормлять паству, а не политикой заниматься. На сто процентов правильно это или не совсем – не мне судить. Спортсмен должен заниматься спортом, певец – петь песни на сцене или в телекамеру, балерина – танцевать Одиллию или маленьких лебедей под музыку Чайковского, генерал – служить Отчизне в окопе или рядом с ракетной установкой... Но они почему-то многочисленно идут в депутаты Госдумы, Законодательных собраний краёв и областей. Надо понимать так – представляют спортсменов, певцов, воинство в законодательных органах, тогда как православную паству не представляет никто. Интересы

православного человека знающе во власти не защищает никто. Насколько это правильно, не мне судить. Хотя если заглянуть в историю России – среди депутатов царской Государственной Думы каждого созыва были священники. И не один два, а до сорока и более человек. Обязательно избирались в Думу епископы. Есть примеры из советских времён – патриарх Пимен был депутатом Верховного Совета СССР, а в биографии патриарха Алексия II есть факт – он был делегатом Съезда народных депутатов СССР. Но это так – рассуждения на вольную тему.

– Батюшка Виталий, зачем вам это? – спросил при встрече. – Никогда политикой не занимались, а тут...

Батюшка стал горячо говорить, что попросили духовные чада. Кого-то из них крестил, у других крестил детей. Жить дальше так ведь нельзя. Молодёжь ежемесячно тысячами уезжает из города и области, бегут, будто от напасти какой, будто какая катастрофа ожидается. В то же время то и дело разгораются скандалы о воровстве, мошенничестве во властных структурах, а жизнь простого человека становится хуже и хуже. Он взят за горло, как крепостной крестьянин. Пока мы не будем жить по христианской морали, пока не искореним кабальное ростовщичество банков, – ничего хорошего не будет! А кому это проводить в жизнь, чтобы жили по заповедям Божьим, со страхом Божьим, как ни священнику. И не только в церкви проводить. Старец Иона Одесский говорил: «Виталий, рая на земле не будет!» Но и ада не должно

быть.

– Нельзя священникам во власть, – говорю батюшке.

– Я хоть и служу, но пять лет на пенсии. Формально – пенсионер. А пенсионерам в депутаты пока не возбраняется. Батюшки в войну брали в руки оружие, уходили на фронт, уходили в партизанские отряды. Если враг на пороге, от слов надо переходить к действиям, защищать Родину. А разве не война? По официальной статистике половина страны скатилась на грань нищеты. Страна ломится от богатства, а народ бедствует. И что, мириться с этим? Стучите да отверзется, ищите да обрящите. Как ошпаренные запрыгали, когда подал заявку в кандидаты...

Батюшка Виталий заставил поволноваться и властные структуры, и структуры стремящиеся во власть. Всё-то у них под контролем, и вдруг сюрприз – поп в депутаты. Никогда такого не случалось, а тут тёмная лошадка. Вдруг на новенького проскочит, опередит намеченных людей. Опыта работы с подобными оппонентами не было. Отцу Виталию, как только зарегистрировался в кандидаты, тут же позвонили и предложили снять кандидатуру! Он категорически отказался. Последовал звонок в епархию: повлияйте на вашего попа. Дескать, Богу – Богово, а кесарю – кесарево. Пусть своим делом занимается – кадиллом машет, псалмы поёт, крестит, отпевает, с амвона вещает, а не с депутатских трибун. Есть кому этим заниматься. Епархия тоже удивилась, как это священник тихой сапой нацелился в Горсовет? Власти были

успокоены: иерей обязательно отзовёт документы кандидата.

Отец Виталий не отозвал.

– Никогда не шёл на попятный. Раз дал слово духовным чадам баллотироваться, значит, буду. Ни на боксёрском ринге, ни работая в речном флоте, ни иереем не отступал и здесь считаю – прав. Почему просят меня идти в депутаты? Живу честно, хором царских и любых других нет, самое большое богатство – пятеро детей. А сколько сотен взрослых и младенцев окрестил за двадцать пять лет. За моих чад кто как не я в ответе. Заводы стоят, народные деньги разворовываются миллиардами, молодёжи работать негде... Как с этим мириться? А в депутатах кто? Этот вчера был бандитом (если ты среди людей живёшь, многое о многих знаешь не по газетам), а сегодня имеет депутатскую неприкосновенность. Тот вчера наворовал, а сегодня норовит стать государственным человеком, лезет во власть, дабы подняться на новый уровень грабежа, расширить поле деятельности для загребущих ручонок. Один ушлый кандидат в депутаты, мой соперник по выборной гонке, оперативно жалобу настрочил в избирательную комиссию, дескать, у отца Виталия имеется недвижимость на Кипре – квартира. Я ещё удостоверение кандидата не получил, не вступил в эту самую гонку, уже объявился борец за честные выборы, за чистоту рядов на дистанции – грязью меня облил. Прознал, что я неоднократно ездил на Кипр в монастырь святого Лазаря, служил там, и подумал, дай-ка запущу утку, СМИ любят священников обличать, дай

только повод лишний раз пнуть. Это не в губернатора или мэра грязью швырнуть, там быстро ответку получишь. Оппонент мой ни мытьём так катаньем задумал пролезть в депутаты. Бессовестное враньё быстро выяснилось – не только квартиры никогда не было за рубежом, за ту, в которой живу, пятнадцать лет ипотеку плачу. И ещё не рассчитался...

Отец Виталий – романтик. Мы с ним из поколения, чьё школьное детство выпало на шестидесятые годы прошлого века. Время космическое, подъёмное. Полёты Гагарина, Титова, громкие победы наших хоккеистов, великие стройки – Братская ГЭС, Красноярская ГЭС, Саяно-Шушенская ГЭС. Мы читали журналы «Техника молодёжи», «Знание – сила», «Наука и жизнь», в которых воспевалась сила человеческого ума, сила духа, славился труд на благо Отчизны. А какие песни звучали:

Понимаешь, это просто, очень просто
Для того, кто хоть однажды уходил.
Ты представь, что это остро, очень остро:
Горы, солнце, пихты, песни и дожди.
И пусть полным-полно набиты
Мне в дорогу чемоданы:
Память, грусть, невозвращенные долги...
А я еду, а я еду за туманом,
За мечтами и за запахом тайги.

И щемило сердце, и хотелось в эти дали, где пахло тайгой, туманной сыростью, где текли через бескрайние леса гигантские реки, ломила зубы вода хрустальных озёр. Победные дела вершились в Арктике и Антарктике, на просторах су- ровой тундры и на островах далёкой Камчатки, в пустынях и среди гор. Дух захватывало, глаза разбегались перед картой Советского Союза.

Батюшка – плод романтической эпохи, и пусть время изменилось в корне, изменилось на сто восемьдесят градусов, батюшка в душе остался романтиком. После школы окончил речной институт, работал на реке, потом вдруг решил стать художником, поступил в пединститут на факультет художественной графики, окончил его. Кого только нет среди духовных чад и знакомых: учёные, речники, предприниматели, художники, актёры, режиссёры. Главный тренер женской сборной России по волейболу Сергей Овчинников, хоккеист Денис Куляш, борцы, боксёры, артисты. Бывали в его келье на исповеди представители криминальной среды – те самые братки, тоже люди, тоже с душой, которая болит...

Батюшку наивным не назовёшь, многое повидал, о многом и многих передумал. Когда мы с ним познакомились, при каждой встрече настоятельно рекомендовал мне сесть за киносценарий о священнике Багинском.

– Какая судьба у человека! – вдохновлял меня на работу. – Ты можешь написать отличный сценарий. Личность более чем колоритная! Столько интригующих поворотов, нежи-

данных ходов в его жизни. Кем только ни был – семинарист, студент университета, офицер-кавалерист, священник, управляющим банком, командир боевого отряда колчаковцев, а после того как колчаковцев разбили, был священником и директором совхоза, пока органы не добрались до него... Понятное дело – если ни в чём не повинных священников расстреливали тысячами, его-то и подавно поставили к стенке. Напиши сценарий, фактов на бестселлер хватит. Съезди в Большереченский район, в Евгашино, где у него бы приход. Село с очень интересной историей. Казалось бы – глухомань, ан нет – жили купцы первой и второй гильдий. Если бы все священники как Багинский встали на защиту России, Церкви, разве смогла бы страна ухнуть в кровавую Гражданскую войну, где русские истребляли русских на радость врагов?

Батюшку люблю и уважаю, только идея сценария не вдохновляет. Не моё. И всё же прежде чем поведу подробный рассказ о батюшке Виталии Кузнецове, посвящу главку протоиерею Виталию Багинскому, раз уж зашла о нём речь. В чём-то схожи эти два отца Виталия. В разные эпохи жили, разные изгибы судеб, но у того и другого в натуре неугомонность, неуспокоенность, оба деятельные, оба романтики, болеющие душой за паству, обеспокоенные, как бы не свалилась Россия в ад безбожия. И детей у каждого по пять человек...

Отец-настоятель Багинский

Кто-то из отцов церкви сказал: в последние времена треть священников отойдёт от церкви, треть встанет под знамёна врага рода человеческого, а треть будет за Христа до расстрельной стенки, до виселицы, до плахи. В первые годы советской власти так и получилось: часть священников остались верны пастве, в итоге взошли на голгофу, кто-то решил уйти в тень – я не я и церковь не моя, снял с себя сан, кто-то подался в обновленческую церковь, стал служить под дудку безбожной власти.

Священник Виталий Багинский в Гражданскую войну выбрал свою дорогу, отличную от перечисленных: взял в руки оружие и пошёл против большевиков-безбожников. Сын псаломщика, он в ранней юности воспитывался в сельскохозяйственном училище. Затем встал на путь духовного служения – три года учился в Волынской духовной семинарии, сдал экзамен по богословским предметам, после чего решил сан не принимать, а получить светское образование – поступает на физико-математический факультет Киевского университета. Хватает этого порыва ненадолго – на втором курсе разочаровался в физике и математике, ушёл из университета подался ни куда-нибудь из студенческой вольности, а в кавалеристы. Будто знал, что понадобятся в жизни военные навыки, поступил в Елисаветградское кавалерийское училище.

ще. Три года учёбы, и Багинский – унтер-офицер русской армии. Каких-то двадцать лет молодому человеку. Погоны, шашка, восхищённые взгляды барышень. Но нет, Багинский делает ещё один головокружительный поворот – меняет китель на рясу. В 1903 году уходит с военной службы и рукополагается в священники Волынской епархии.

Через пять лет следует географический скачок в судьбе: в 1908 году отец Багинский уезжает в далёкую Сибирь, в Тобольскую губернию, Омскую и Семипалатинскую епархию. Шесть лет служит священником в только что отстроенной Серафимовской церкви совсем небольшого села Рагозино Седельниковской волости Тарского уезда. Служит истово, вдохновенно, в одной из статей о нём написано: «Проводимые Багинским богослужения казались прихожанам идущими от самого Бога». С двадцать третьего октября 1914 года Багинский начинает служить в церкви Святителя и Чудотворца Николая села Евгашино Логиновской волости Тарского уезда. Мне думается, кто-то из купцов Евгашино приглядел рагозинского священника – молодого и энергичного, умного и яркого – и поспособствовал переводу его в Евгашино, которое было более чем уникальным селом Сибири. Это сейчас деревня и деревня, пусть не обижаются на меня его жители, в XIX веке и начале XX было одним из крупнейших в экономическом и культурном отношении сёл Тобольской губернии. Назовите другое село в царской России, которое могло похвастаться подобным: купцы первой и вто-

рой гильдии жили в Евгашино. Самый знаменитый из них – купец первой гильдии Алексей Дмитриевич Калижников, владелец предприятий, пароходов, его магазины торговали в Москве, Петербурге, Семипалатинске и Харбине (Китай). Широко вели свои дела купцы Сергей Васильевич Ярков, братья Мельниковы – Иван Артемьевич и Пётр Артемьевич, Филипп Осипович Резин, владелец кожевенного завода.

Кроме кожевенного работали в Евгашино овчинный, кирпичный, обозный, салотопный, были ветряная и паровая мельницы, нефтебаза, пимокатная мастерская, пристань на Иртыше. Делаю акцент – для детей Евгашино работали две школы. И ещё один акцент того же порядка: два училища было открыто в селе – коммерческое и техническое. Не рядовое село. Имелась в Евгашино небольшая группа зажиточных крестьян, а основная масса – средние крестьяне, свои хозяйства они вели крепко и жили в достатке.

Ежегодно в Евгашино проводилось две ярмарки восьмого июля и тринадцатого ноября.

Отец Виталий на новом месте дела церковные повёл твёрдой рукой. И паству воспитывал, и коллегу отца Флегонта Шепетова, чрезмерно склонного к винопитию, наставил на путь трезвой жизни, тот стал исправно нести службу. Отец Виталий взял на себя и педагогическую нагрузку – законоучительствовал в Евгашинской церковно-приходской школе. Человек неординарный, был вхож в дома всех влиятельных людей села, везде ему были рады, везде принимали с

почтением.

Страна жила в эти годы как на вулкане: война с немцами, отречение царя, Временное правительство, созыв Учредительного собрания, переворот большевиков. Всё менялось с головокружительной скоростью, и кипящая натура Багинского не могла остаться в стороне. Он занялся политической деятельностью, в 1917 году вступил в партию кадетов и создал в Евгацино отделение кадетской партии, поддерживал связь с центральным комитетом партии в Петрограде.

Какая политика без денег. Багинский участвует в создании союза кредитного товарищества «Союз-Банк», играет едва не ключевую роль в его успешной работе. С конца 1917 года становится членом Тарской земской управы. Он постоянно в движении, постоянно в работе. Обладая природным талантом организатора, привлекает к работе в «Союз-Банке», влиятельных и богатых тарских и евгацинских купцов. Церковный амвон использует для внедрения в массы своих политических антибольшевистских взглядов.

В январе 1918 года новая власть выпустила декрет об отделении Церкви от государства, нововведение было воспринято православным людом с подозрением, а не начнётся ли притеснение церкви? Вскоре подозрения подтвердились. В конце января восемнадцатого выходит декрет о переходе страны советов на григорианский календарь. Его ввели в пикку юлианскому, по коему вела летоисчисление православная Россия. В январе восемнадцатого года власть в Омске захва-

тили большевики, а третьего февраля по старому стилю на воскресной литургии во всех храмах Омска с амвона прозвучал призыв: все на всеобщий церковный ход. Его назначили на следующий день. В понедельник едва не весь город высыпал на улицы. Такого шествия православных едва ли доселе видел когда-либо Омск.

Отец Виталий узнал о крестном ходе, будучи в Саргатке, он не мог остаться стороне, тут же решает срочно ехать в Омск, подвернулась оказия, евгачинские мужики везли обозом в Омск масло и кожи. Мужики дали батюшке овчинный тулуп, посадили в сани.

Багинский не был монархистом, на ура воспринял отречение царя, говорил в проповедях, что теперь в стране будет республика, она принесёт народу благоденствие. С надеждой на будущие благие перемены вступил в партию кадетов, стал активным её членом.

С опозданием доходили в Евгачино вести из Петрограда и Москвы. Новость о победе в октябре-ноябре семнадцатого большевиков и известие об убийстве в Царском Селе при большом стечении народа солдатами-большевиками протоиерея Ионна Кочурова пришли одна вслед другой. В деревнях у мужиков не изменилось отношение к церкви за эти бурные месяцы после отречения царя, но было в Евгачино несколько вернувшихся с фронта солдат, они частенько сбивались вместе, пьянствовали, матерились, а напившись, открыто богохульствовали. Это было невиданным явлением, мужик не

позволял себе подобного. Убийство Иоанна Кочурова подтверждало опасения – большевики круто берутся за церковь.

В Омске отец Виталий пошёл к Свято-Успенскому кафедральному собору. Площадь перед ним кишела народом. Кого здесь только не было – мужики, бабы, гимназисты, студенты, встретил знакомого преподавателя учительской семинарии. В длинном пальто, в шапке, типа скуфейки.

– А какое сегодня у нас, батюшка, число? – спросил тот, хитро улыбаясь.

– Четвёртое, – ответил Багинский.

– А вот и нет, а вот и нет, – захихикал преподаватель, только сейчас батюшка понял, педагог подшофе. – Нет такого дня в феврале. Сегодня у нас аж семнадцатое.

– Тьфу-ты, – вспомнил батюшка о переходе на новый календарь, который сделал скачок на тринадцать дней вперёд, февраль начинался сразу с четырнадцатого.

Несколько тысяч прошли по Омску с хоругвями, иконами, возглавлял крестный ход владыка Сильвестр, он шёл впереди в окружении священников. Двигались от храма к храму, у каждого преосвященный Сильвестр служил молебен, обращался к народу с пастырским словом, призывал всех оставаться верными вере Христовой в тяжелую годину и не отдавать безбожникам на поругания церкви.

Многотысячное шествие привело в ярость недавно захвативших власть в городе большевиков. Они задумали обезглавить омскую церковь, арестовать «главного попяру Силь-

вестра», уж больно большой у него авторитет в Омске. В ночь с пятого на шестого февраля за владыкой пришёл отряд матросов. С установлением новой власти в Омске появилось немало лихих людей, которые проникая в дома под видом обысков, чинили грабежи и насилия. Владыка запретил открывать ночью дверь кому бы то ни было. Матросня прикладами колотила в двери и ставни архиерейского дома, устрашающе стреляла в воздух, грозила устроить взрыв, если не пропустят в дом. «Перестреляем всех, как собак!» – угрожали криками. Эконом Николай Цикура дал команду бить в набат на соборной колокольне, чтобы собрать набатом народ к пастырскому дому.

Отец Виталий, бывая в епархии, не один раз сталкивался с Цикурой, он производил впечатление умного и решительного человека. Ворвавшись к владыке, обозлённые матросы, матерясь и угрожая оружием, начали требовать:

– Где архиерей?

Владыка шагнул навстречу:

– Я – архиерей!

Его грубо схватили, не дали одеться, в подряснике, а мороз стоял нешуточный, повели из дома на улицу. Цикура попытался защитить епископа, хотя бы передать ему тёплую одежду и получил разрывную пулю от главаря отряда. Это было настолько неожиданно, настолько жутко, безоружный человек был застрелен вот так запросто, походя.

О смерти эконома Багинский узнал на второй день после

возвращения в Евгашино. Будь отец Виталий в ту ночь рядом с владыкой, при его характере – бросился без раздумий, отстаивать своего архиерея. И не избежал бы своей пули. Но до неё оставалось ещё девять лет.

Вскоре скорбная весть пришла из Киева, там власть переходила из рук в руки, при этом шли грабежи монастырей и церквей, в Киево-Печерской лавре солдаты схватили митрополита Киевского и Галицкого Владимира (Богоявленский) и зверски убили вблизи лавры. Митрополита Владимира отец Виталий видел. В соборе Святой Софии был на его архиерейской службе, когда учился в Киевском университете. В голове Багинского не вмещалось, как братия лавры допустила кучке бандитов схватить и увести владыку. Тысяча с лишком монахов, голыми руками можно раскидать

В июне восемнадцатого года большевистская власть в Омске пала, Гражданская война во всей своей кровавой беспощадности пришла на омскую землю, и отец Виталий решил, что пора и ему действовать на передовой. Если безжалостный враг в твоих пределах, недостаточно лишь призывать паству с амвона к борьбе с ним. Монахи Пересвет и Ослябя вышли на Куликово поле биться с ордынцами Мамаю, пришедшими уничтожить Христову веру, а сейчас новые ордынцы-безбожники нагрянули на Русь. Тут или-или, не мы их, так они нас изведут, а значит, надо и ему братья за оружие.

Вот где пригодились офицерские знания и навыки, полученные в кавалерийском училище. Багинский становится ко-

мандром отряда, организует в Евгашино дружину самообороны, которая распространяла своё влияние на добрый десяток волостей, противодействуя распространению идей большевизма, срывая мобилизацию местных жителей в Красную армию. Если быть до конца точным, отсутствует информация, архиепископ Омский и Павлодарский Сильвестр благословлял его на командование отрядом самообороны с оружием в руках или нет. Хотя владыка не мог не знать о командире отряда в сане священника, но и отрицательной реакции архиерея на воинственность иерея не имеется в распоряжении историков.

Самоотверженная борьба отряда Багинского с большевиками стала известна Верховному правителю Колчаку. По представлению адмирала Багинский был награждён Церковью наперсным крестом. В ответ Багинский послал Верховному правителю благодарственную телеграмму, причём серьёзно подкрепил благодарность – перевёл адмиралу двести тысяч рублей из кассы тарского «Союз-Банка», которым он к этому времени управлял.

Осенью 1919 года колчаковские войска стали терпеть одно поражение за другим, в ноябре был сдан Красной армии Омск, но ещё раньше, в октябре, Багинский исчезает из Евгашино. Владыка Сильвестр остался с духовенством и паствой в Омске, не покинул город с колчаковцами, что привело его к мучительной смерти – был распят на полу и заколот шомполом. Багинский, зная, что его не пощадят, скрыл-

ся на юге Сибири, осел в Минусинске. Там натурализовался и занялся мирной жизнью. Служил священником в местной церкви, а также заведовал свечным заводом и даже одно время руководил совхозом. И это было для него делом знакомым – в детстве воспитывался в сельскохозяйственном училище. Много что умел отец Виталий. Возникает вопрос: почему не уехал он как можно дальше из большевистской России, не ушёл, к примеру, в Маньчжурию? На что надеялся? Скорее всего, самоуверенно посчитал, что и без того затеряется, как иголка в стоге сена. Страна огромная, где то Евгацино, а где Минусинск. Да и жена с детьми осталась в Евгацино. Он ушёл со старшим сыном. Скорее всего, поэтому не бежал за границу. Надеюсь со временем соединиться с семьёй. Однако страна бурлила, люди перемещались по необъятным российским просторам. В 1927 году Багинский случайно был опознан сотрудниками ОГПУ. Арест, суд, обвинение в преступлениях против советской власти и убийстве мирных жителей. В 1927 году был расстрелян в Минусинске. Всех священников, которые погибли в ГУЛАГе, реабилитировали, Багинского – нет.

Что там говорить, колоритная личность. Его образ в кино-сценарии можно выстраивать как воина Христова, который идёт на крайний шаг, берёт в руки оружие, активно противостоит силам, объявившим безбожие своей религией и ведущим беспощадную войну с духовенством. Это решение даётся священнику непросто, взять в руки оружие, значит, стре-

лять в своих вчерашних прихожан... Другой вариант сценария – выписывать образ Багинского, как человека склонного к авантюризму, человека, который так и не определился, что же главное в его жизни – священство, политическая борьба...

– Если бы каждый священник организовывал в Гражданскую войну такие отряды, – горячо говорил мне батюшка Виталий Кузнецов, – разве смогли бы безбожники победить! А разве сейчас не нужны отряды самообороны против пьянства, разврата, наркомании, коррупции! Телевизионные каналы травят нас гадостью. Интернет забит мерзостью, порнографией. Надо бить в набат с амвона! наших детей, наших церковных чад планомерно, целенаправленно, цинично губят. Россия нужна Западу без русских, об этом открыто говорится. И многие годы идёт тихая война против русского народа и любого другого народа России... В том числе и руками находящихся у власти. А мы, церковнослужители, делаем вид, что ничего нет, тишь да гладь да Божья благодать!

Не буду я браться за киносценарий о Багинском, не моя тема, зато начну рассказ о батюшке Виталии Кузнецове. Он один из тех священников призыва девяностых, кто пришёл в церковь сформировавшимся человеком. Если Багинский из духовного сословия, с детства рос в православной среде, и как ни бросала судьба незаурядного человека, всё одно пришёл к служению Богу. Батюшка Виталий ни в детстве, ни в юности не представлял себя священником. Никогда не думал

об этом... Но есть интересный факт в его биографии. Учась в Новосибирском институте инженеров водного транспорта, несколько раз видел сон, казавшийся странным, идёт церковная служба, будто всё в золотистом свете, а он в алтаре в облачении... Рассказывал однокурсникам, они в ответ подшучивали, даже короткое время звали Пономарём. Это прозвище не прижилось... Другое сопровождало все годы учёбы – Шурик...

Комик по жизни – злодей на ринге

– Ты пиши, – сказал в одну из наших встреч батюшка Виталий, – если Бог дал тебе такой дар – пиши! Не откладывай на потом. Что не сделаешь сегодня, не сделаешь никогда. Завтра будет новый день, и ты напишешь уже другое. Если чем-то интересен мой жизненный опыт – используй.

Батюшка из тех собеседников, с которым всегда легко. И не устаёшь с ним. До его политического казуса я много раз приходил к нему в Крестовоздвиженский собор. В его распоряжении была небольшая комнатка, этакая келья. В ней стояли друг напротив друга два дивана, большой стол у глухо задрапированного, полностью затемнённого окна, в углу у двери низенький, типа журнального, столик с электрочайником, по стенам иконы, полки с книгами. Уютная комнатка.

В ту нашу встречу батюшка говорил про учебу в институте (обязательно дадим ему слово на данную тему), но первым делом пожаловался: у дочери возникли проблемы. Учится в консерватории, один преподаватель начал её домогаться. Тот случай, когда седина в голову бес в ребро. Ему под шестьдесят, а он влюбился. Да не просто пофлиртовать. Женюсь, дескать, жизнь без тебя не в радость. Жену готов бросить... Влюблённый-то влюблённый, но и административный ресурс подключил. Величина не слабая – профессор. Начали девчонку прессовать, один предмет сдать не может, второй.

До этого без сучка и запиночки училась, тут началось... Профессор напрямую говорит, соглашайся и учёба пойдёт как по маслу... Получишь диплом, пойдёшь по преподавательской стезе – кандидатскую защитишь. Девчонка умница, деятельная, без такого «спонсора» может всё сделать... И вдруг в самом начале пути...

– Беспредел! – возмутился батюшка.

Рассказал, что у них в институте однажды случилось подобное, преподаватель физики начал интимное предлагать студенте, дескать, за это «пятак» ставлю, можешь вообще не учить. Сокурсники девушки бучу подняли на весь институт, собрали комсомольское собрание, обратились к ректору. Кончилось тем, что преподавателя убрали.

– За дочь не знаю, что могу сделать! Я ведь боксом занимался в студенчестве и потом много лет.

На этих словах я вспомнил...

Память наша прихотлива, парадоксальна, что-то начисто забывается, а, казалось бы, незначительный эпизод остаётся в тёмных глубинах и вдруг выныривает на свет...

Середина девяностых годов, проходя мимо Крестовоздвиженского собора, заглянул на короткое время в храм, а потом на выходе из церковного двора оказался невольным свидетелем диалога двух старушек:

– Батюшка поднёс бы ему в лоб, он ведь боксёр, да нельзя священнику кулаки распускать.

– А надо бы хулигана проучить, нашёл, где безобразни-

чать.

Я посмотрел, куда были устремлены взоры бабушек. На другой стороне улицы у одноэтажного дома спиной к нам стоял священник в подряснике, напротив него мужик крепкого телосложения, похоже, крепко выпивший. Он что-то громко выговаривал иерею. Из слов бабушек я понял, мужик начал безобразничать, обижать нищих, батюшка его погнал...

Через много лет память вытолкнула картинку того эпизода. Вот, оказывается, когда я впервые увидел батюшку Виталия. Позже не сталкивался с ним, в Крестовоздвиженский собор заглядывал раз в полгода, не чаще, записки подать, свечи поставить, на службы туда разу не ходил, священников не знал.

– Меня звали в институте: комик по жизни – злодей на ринге, – начал батюшка, когда я попросил рассказать о спортивном прошлом. – У меня был друг в группе Володя Казанцев – чемпион республики по боксу, мастер спорта, он увлёк этим делом. Учился я в Новосибирском институте водного транспорта, на гидротехническом факультете. Жил в общежитии. В один год в общежитие вошли в моду кулачные бои. Мы говорили: бои на звание коридорного чемпиона. Молодые парни, кровь играет. Казанцев сам не участвовал, это и понятно, кто против пойдёт. Меня выставял. Собираются две группы, каждая выпускает своего бойца. Ребята звали меня Шурой. Тогда только что прошёл фильм «Золотой те-

лёнок», где Шуру Балаганова играл Леонид Куравлёв. Я любил похохмить. После института со многими ребятами переписывался, писать письма по сей день люблю. Сейчас в основном в «Одноклассниках» или по электронке. Некоторые из ребят и в письмах после института обращались: «Шура, привет». Прилипло. Меня звали Шуриком, а Казанцева – Графом. Была популярна песня Юрия Визбора:

Вставайте, граф! Рассвет уже полощется,
Из-за озерной выглянув воды.
И, кстати, та вчерашняя молочница
Уже поднялась, полная беды.

Казанцев любил эту песню. Есть неправильное убеждение: боксёр – значит, одна извилина. Встречал и таких. Голова непробиваемая, а кулаки чугунные, думать не надо – молотит без усталости, как заведённый. Интересны другие на ринге – боксёры-интеллигенты. Казанцев был хорошим шахматистом, отлично играл на гитаре. Богато одарённый и всё успевал. Вид имел аристократический – среднего роста, сухопарый, интеллигентное лицо. Граф.

В тот раз за звание коридорного чемпиона бились в комнате общежития. Всё как положено: перчатки, секунданты, судья на ринге. Кровати к стенкам сдвинули.

– Боцмана выставляем! – сказали ребята из комнаты напротив.

Боцман – Толик Морозов, восемьдесят килограммов веса. Альпинизмом занимался. Казанцев в ответ:

– Мы – Шуру.

А во мне шестьдесят три килограмма. Отказываться стыдно, надеваю перчатки. Боцман хоть и не боксёр, зато двухпудовку запросто бесщётное количество раз выжимает, постоянно тренирует руки-ноги по горам восхождения делать. Я старался под его прямой не попасть, уходил, уклонялся, да всё равно Боцман поймал, мячиком я с одного конца комнаты в другой на кровать улетел. Поднимаюсь, но не сдаюсь – стыдно опозориться, на кону честь комнаты. Потанцевал вокруг Боцмана и в прыжке со всей дури боковой впечатал. У Боцмана кровь из носа хлынула фонтаном. Перчатки сорвал, бросил на пол:

– Пошли вы все к едрене-фене...

Часто кулачные бои в подвале общежития устраивали. Там оборудовали спортзалчик с тренажёрами. Ринга не было. Вместо канатов зрители кругом встанут. Учился у нас в группе Руслан Бойко. Мать кандидат наук, историю КПСС в нашем институте преподавала. Отец журналист областной газеты. Известные в городе люди. Жили рядом с общежитием, Руслан часто у нас пропадал, я у него дома бывал. Добрый парень. Городского воспитания, раскованный, эрудированный, с юмором, много стихов на память знал. В нём было что-то гусарское. Одевался не чета нам, при таких родителях была возможность помодничать, мы говорили – помод-

нячить. Джинсы фирменные, рубашки красивые. Девчонки увивались вокруг него. На втором курсе нахватал хвостов, пришлось в академический отпуск пойти, отстал на один год. Как большинство из нас – занимался боксом. В тот раз его выставили, а Граф – меня. Говорил, надо больше тренироваться, использовать любую возможность, тогда точно боксёр из меня выйдет. Ладно бы одной весовой категории с Русланом, в нём семьдесят пять килограммов. Во мне всё те же шестьдесят три. Им потеха, мне слёзы. Но раз тренер сказал, не откажешься. Руслан накаченный, торс как у Шварценегера, а из моих шестидесяти трёх килограммов все рёбра торчат, можно брать в мединститут изучать строение скелета.

– Шура, – дал установку перед боем Казанцев, – близко Русланчика не подпускай, на дистанции держи. Спокойно работай.

Я и сам знаю, да у Руслана руки, как у гориллы длинные. Хитростью надо брать, иначе быть битому. И тянуть резину не тот случай. Пока Руслан в раж не вошёл, надо его обессточить, иначе разгорячится и мне хана... Побоксовались секунд двадцать, потом я делаю уклон вправо, будто бы испугался выпада Руслана, сам ныряю под его правую руку и со всей дури по печени. Поймал шанс, второго может и не быть, нырок делаю и заворачиваю левой. Он на пол падает, ногами заперевирал, и как ребёнок завыл: ой-ой-ё-ёй. Я растерялся. Казанцев мне: «Виталья, беги отсюда».

Руслана на «скорой» увезли. Я ему два ребра сломал.

– Шура, – подвёл итог боя Казанцев, – ты прямо злодей на ринге. Молодец!

Но на кулачные бои перестал выставлять, только на тренировках мог подсунуть из более тяжёлой категории. И дал кличку: «Комик по жизни – злодей на ринге».

На спарринг поставит какого-нибудь незнакомого парня из торгового института. Тот здоровый, на голову выше, Граф укажет на него: с ним будешь работать. Мне куда деваться, слово тренера – закон. Бывало, в нокдаун попадёшь. А ещё девчонки наши придут на тренировку:

– О, Шура, молодец, хорошо бился!

Был у нас Ваня Рымаренко, по кличке Фан. Кандидат в мастера спорта. Амбициозный. Он раньше меня поступил в институт, но его в армию призвали. В тот день шли соревнования, я два боя выиграл. Фан к концу соревнований появился, в солдатской форме. Все разошлись, мы остались: я, Граф, Люда Новичкова, из нашей группы, сейчас в США живёт. Сидим, разговариваем, Ваня подходит. Рост под метр восемьдесят, физически крепкий. В большой теннис хорошо играл, гребцы его на свои соревнования привлекали. Граф говорит:

– Ну чё, Ваня, с Шурой будешь драться?

– Нет, не буду, – мотнул головой.

У меня от сердца отлегло. Я на месте Вани с моим характером не сумел бы отказаться. Тем более в присутствии дев-

чонки. Про себя думаю: как хорошо! Фан не с улицы боксёр, не будет ждать, когда я его достану, сам постарается первым...

Казанцев второй раз:

– Ваня, ну че ты, побоксируй с Шурой, он уставший, только что соревнования прошли.

Ваня повторил своё «нет».

Видит, я боем разогрет, воодушевлён. Рационально подошёл, не то, что я бы на его месте... Хотя, если какая стычка на улице случалась, а я был один, старался не доводить до обострения конфликта. Лучше ноги включить, удрать, чем в драку ввязаться. Хуже, когда не один, не убежишь, не бросишь...

Учился в нашей группе Фарид Ризаев, подрабатывал в детском саду сторожем. Мы к нему иногда навевались. Общежитие надоедало. А тут спокойно, уютно. Парень из соседней группы в бане сторожил, так в его дежурство мы одну зиму парились по ночам. Завалимся компанией человек десять. И ну париться часов до трёх. Пока это дело директор бани не распознал и сторожа не выгнал. У Фариды всё пристойно, к нему шумными компаниями не ходили – максимум вдвоём. Заведующая детским садиком всегда ему каких-нибудь булочек оставляла. В тот раз мы с Мишей Ложкиным, тоже из нашей группы, пришли. В общаге троём в одной комнате жили. Пьём чай. Хороший цейлонский чай. Почему запомнил, Фарид несколько раз повторил «цейлон-

ский». Сидим, вдруг стук в дверь. У заведующей сын был непутёвый – играл в ресторане на ударных, вёл ресторанный образ жизни, частенько выпивал. Заведующая Фариду строго-настрого наказала не пускать сынка. Пьём чай, вдруг стук в дверь, мы на втором этаже сидели, я спустился – сын собственной персоной, и как водится выпивши. Сказал ему похорошему – не пушу. Он завозмушался:

– Да кто ты такой?!

– Немазанный, – говорю, – сухой.

Бесполезно пьяному что-то объяснять.

Закрыл дверь перед его носом. Через полчаса снова стук. Открываю, приготовив грозную тираду, отшить хулигана. Вместо него на пороге бугай. Здоровенный шкаф во весь проём. Тирада испарилась, будто не было, я заторопился захлопнуть дверь. Захлопнуть успел, на завов закрыть – нет. По двери ручища с лопату величиной как шибанёт. Я пушинкой отлетел. Шкаф с головой и ногами танком двинул на меня. Думаю, сейчас начнётся кровавое побоище. Нас хоть и трое, да Фарид вообще легковес, килограммов пятьдесят пять в нём, пальцы музыкальные – на баяне играет. Мишка спортивный парень, хоккеист, но не Алёша Попович. Надеяться можно только на себя. Громила наступает... Плечищи, ручищи, на лице выражение: сейчас порву всех, как обезьяна газету. Я сначала попятился, а потом остановился и по всем правилам, как учил Казанцев, делаю шаг навстречу, с правой ноги на левую ступаю и наношу короткий прямой удар,

рука полностью разгибается в локте, пальцы кулака строго параллельно земле идут... Со всей силы вложился и точно в подбородок правой попал. Громила разом интерес ко мне потерял и всей тушей на спину грохнулся! Ребята услышали шум, со второго этажа прибегают... В углу стоял, таз, крышкой накрытый, мясо размораживалось, громила затылком об него. И лежит, сучает. Отключился. Мы его за руки за ноги вынесли на улицу. Сын заведующей отбежал к калитке.

– Забирай карифана! – крикнули ему.

Поднялись наверх, в окно смотрим, громила полежал-полежал, очухался. Тяжело сел, головой помотал, ставя мозги на место, если они, конечно, были под черепной коробкой, поднялся и тяжело пошёл от садика.

Мишка с Фаридом давай меня нахвалитвать:

– Как ты его уделал! Что значит боксёр!

А я сижу и думаю, други мои ненаглядные, знали бы вы мои ощущения, когда он ввалился. Страх обуял с ног до головы – этакий громила инвалидом сделает и не заметит. Жить захочешь – сделаешься храбрым.

***

Я рассказал батюшке Виталию о картине, увиденной мной много-много лет назад вблизи Крестовоздвиженского собора, когда он хулигана усмирят.

– Я тогда отчаянный был. Мог и в драку влезть. Нищих у храма не один раз защищал, бабульки прибегут, пожалуются, я туда. Прямо в облачении. Во мне всё переворачива-

ется, когда нищих обижают... Убогие люди, инвалиды... Ты попробуй встань вот так с кружкой... А к ним начинаются ввязаться... Бывало, и стукнуть приходилось, если русского языка не понимал человек. Потом настоятелю отцу Иоанну на исповеди покаюсь. Один раз батюшка Иоанн раскипятился, от службы отстранил. Получилось таким образом: я приехал людям квартиру освящать, пятиэтажка, захожу во двор, а там жених с невестой приехали. Свадьбу по дороге из загса отстала, они первыми приехали, из машины вышли, откуда ни возьмись парни подвыпившие. Начали требовать бутылку, дескать, мы должны за ваше здоровье выпить... Нагло напирают. Я подошёл, сделал замечание: ребята идите своей дорогой, видите, праздник у людей. Молодых и защитить некому, рядом лишь свидетель со свидетельницей. А хулиганов четыре упитанные рожи... Один поворачивается ко мне:

– Да пошёл ты, попяра! Иди кадиллом маши, бабки на своём Боженке зарабатывай!

Меня всего перевернуло, саквояж из правой руки в левую переложил и врезал. Хорошо приложился – грубиян рухнул на колени. Остальным говорю:

– Дуйте отсюда или сейчас всех перелопачу!

Видимо у меня был такой зверский вид, поверили, что «перелопачу». Куда их воинственность девалась, дружка схватили под руки:

– Ладно-ладно, мы пошутили.

Покаялся отцу Иоанну: не сдержался, кулаки распустил,

он разгневался:

– А если бы ты его покалечил, не дай Бог! Он бы упал и ударился головой о камень. Ты же боксёр!

Отстранил от службы. Неделю без дела в церкви слонялся, прежде чем отец-настоятель отошёл.

– Хватит прохлаждаться, – сказал, – завтра раннюю литургию служишь. И не распускай больше кулаки.

Такой я «злодей на рынке». А владыка Феодосий, когда я пригнал из Германии подержанный «форд», учил быть предельно внимательным на дороге:

– Ты, священник, а значит, что ни случись, когда в руках руль, даже если пострадавший сам прыгнет под колёса, виноват будешь ты перед Богом.

Владыка, надо сказать, и сам машину хорошо водил.

***

С дочерью батюшки вопрос без бокса разрешился. Духовные чада с серьёзными милицейскими погонями посодествовали. Позвонили в Екатеринбург своим коллегам, те поговорили с профессором, посоветовали не обострять ситуацию. Профессор сначала послушался, поджал хвост, обратно полюбил жену. Но прошло какое-то время, снова воспылил страстью к студентке. Бес, которому наплевать на седину в бороде подопечного, ещё сильнее впился ему в ребро. Пришлось дочери отца Виталия из-за любвеобильного преподавателя уйти из консерватории...

Мой самый лучший институт

Уже со второй беседы я понял, батюшке надо первым делом дать выговориться. Не наскакивать с порога с намеченными вопросами. Дать ему выговориться, он обязательно расскажет что-то интересное. А вопросы попридержать.

– Ты знаешь, – начал батюшка в ту нашу встречу. – Пришла сегодня молодая женщина. Не прихожанка... Лет двадцати пяти, двадцати семи. Внешне топ-модель. И на третьем месяце беременности. Два высших образования. Самое страшное, её ребёнок никому не нужен и как разменная монета. Она собиралась замуж, наметили дату свадьбы, хоть и неверующие, но собрались повенчаться. Несостоявшийся свёкор крупная, очень крупная величина в столице, устроил сына, мальчишку в общем-то, на должность, до которой тому, по-хорошему, расти и расти. Не бывает сказочно, раз – и ты руководишь большим предприятием. Без опыта, знаний. В наше сказочное время – бывает, если папа у тебя при деньгах и власти. Дело идёт к свадьбе, вдруг его родители решают, невеста им не ровня. Ей заявляют: свадьбы не бывать, езжай в свой Омск.

И отец у неё ненормальный. Она оказалась в мире, где все сошли с ума. Отец снегом на голову завалился к несостоявшимся сватам требовать себе должность. Раз вы мою дочь кинули, говорит, вы должны мне помочь перебраться

в Москву. Так сказать, платите неустойку. Ему в ответ: вот тебе Бог, а вот порог. Выперли. Он обещает за это устроить небо в алмазах и подбивает дочь шантажировать беременностью. Гадюшник. Так называемый жених ещё до разрыва, особо не таясь, успевал сожительствовать с её подругой. И подруга не стала скрывать связь с ним.

Рассказывает мне и плачет. Говорю ей, забудь всех, успокойся. В тебе новая жизнь, это главное, остальное отбрось. Одна мать её поддерживает. Но тоже с оглядкой на отца, материально полностью от него зависит, а тот клянёт дочь, что наотрез отказалась поддерживать его аферу с шантажом.

Девчонка добрая по натуре, хорошая.

Может, говорю, и к лучшему. Бог отвёл от большей беды. Рассказываю ей, что бывая в тюрьмах, не один раз сталкивался с людьми, которые с поднебесных должностей падали ниже некуда. Обладали всем, а стали зеками. А ребёнок – это Божье благословение. Станешь матерью, говорю, поймёшь насколько всё происходящее с тобой сегодня мелко, гадко. Родишь, и у тебя в доме появится ещё один Ангел-хранитель, дом будет под небесным покровительством святого, имя которого дашь своему чаду. И к церкви прилепляйся, будешь просить, Бог даст хорошего человека. Не все же подлецы во круг. Она говорит (и смех, и грех) сквозь слёзы: «Да, собаки, очень преданные существа». Люди, говорю, тоже бывают неплохие. А если вдруг окажется – ребёнок тебе не нужен, приноси мне, у меня пятеро, одним больше будет.

Всем дурёхам, приходящим в церковь с дилеммой «рожать, не рожать», говорю: обязательно рожай! Сколько таких бывает. Родителям сказать боится, виновник беременности слышать не хочет про ребёнка, ей, бедняжке, не к кому с бедой прислониться, хоть батюшке поплакаться. Всем говорю, если что, приноси ребёнка, воспитаю и шестого. Ни одна ещё не принесла...

***

С такой истории начали мы тот разговор. Я его запланировал повести на тему учёбы батюшки в институте. По первому образованию он инженер. Но утверждает, всё же больше гуманитарий, чем технарь и, скорее всего, надо было сразу в жизни идти по пути гуманитария. С иронией вспоминает старшего брата Александра, который продвигал идею, что они должны вырасти в вундеркиндов, сказать своё слово в физике, химии, математике, сделать открытия в науке и технике. Отец учил сыновей рисовать, а брат склонял нажимать на естественные науки. Если батюшка и гуманитарий, всё же не «чистый», в девятом-десятом классе довольно успешно решал варианты задач по математике и физике, которые давались на вступительных экзаменах в Московский государственный университет. Сам туда не поехал поступать, а брату одного балла не хватило для зачисления в МГУ, в конечном итоге он Уральский политехнический институт окончил.

– Я вместе с одноклассником Вовкой Ногиным отправил-

ся сразу после школьного выпускного вечера в Томск, в политехнический институт, – рассказывает батюшка. – Решили поехать за месяц до вступительных экзаменов, осмотреться, на подготовительных курсах поучиться. Дядя Вова, брат моей мамы, прислал из Иркутска финансовую помощь – триста рублей. Это были серьёзные деньги. Поселились в общежитие студенческого городка. Жили весело, дружно, ходили на занятия, а также компанией в кино, на пляж. Июль, самая летняя пора, и ты сам себе хозяин. Мы с Вовкой без проблем сдаём математику письменно, математику устно, физику. Набираем по четырнадцать баллов. Я на математике ошибку допустил, Вовка на физике чуток споткнулся. Но это, в принципе, мелочи, можно праздновать зачисление, остаётся сочинение, да оно в зачёт не идёт, хоть на тройку напиши. И вот тут-то я даже тройку не получил. Предприимчивые граждане продавали абитуриентам фотоспособом отпечатанные шпаргалки. В гармошку собранные, а страничка чуть больше спичечного коробка. На ладони разместил и никому, кроме тебя, не видно. Я кое-что списал с такой шпоры. На мою беду ещё один в нашей группе точно таким же гармошечным источником воспользовался. Обоим нам поставили по два балла. Вовка на четвёрку написал, поступил. Мне предложили пересдать сочинение и поступать на вечерний факультет. Что я и сделал.

Вовка готовится ехать в колхоз, всех первокурсников, кто на дневном, отправляли на месяц на сельхозработы, мне как

вечернику в колхоз не надо. Я подумал-подумал и махнул к дяде Воле в Иркутск. Время до занятий было, я и рванул. Как снег на голову свалился. Дядя Вова меня сразу начал агитировать:

– Зачем тебе этот Томск. Переводись в Новосибирск в мой институт инженеров водного транспорта. И учиться интересно, и работа живая – каждую навигацию на реке, и заработки не сравнить с городскими. Всегда будешь при деньгах.

Решительности мне было не занимать. Дядя Вова снова денег подкинул, я вернулся в Томск, забрал документы и в Новосибирск. Отец думает, я Томске, а я уже на Оби. Город понравился, мощная река. Пришёл в институт, почему-то уверен был, сейчас меня с руками и ногами... Ничего подобного, из одного деканата в другой перехожу – не берут, группы давно укомплектованы. Прошёл судомеханический, электромеханический, эксплуатационный факультеты и приуныл. Гидротехнический был последним в моём списке. Дядя Вова сказал – на нём труднее всего учиться. Захожу в деканат. Секретарь Клавдия Федоровна Гашникова. Павел Николаевич Орлов – декан, она у него секретарь. Не любила, когда начинали юлить студенты, откровенно врать, ругала парней за длинные волосы, а так душа человек, болела за нас. Если видела, кто-то не сдал не по причине конченного разгильдяйства, а так сложились обстоятельства, и горит у студента стипендия, могла переговорить с преподавателем, упросить поставить «удовлетворительно», ручаясь за

подопечного – сдаст обязательно.

Выслушала меня и говорит:

– У нас все места заняты, давай-ка мы возьмём тебя кандидатом. После первой сессии, а то и раньше, обязательно кто-то отсеется, и тогда станешь студентом.

Так попал в группу Г11.

Одно «но» – общежитие и стипендия кандидату не положены. Существенное для меня, порядком поиздержавшегося, обстоятельство. Пока до Новосибирска доехал, денег в кармане осталось – кот наплакал. Да мне опять повезло – Клавдии Фёдоровне в тот день помогала в деканате Люба Крохалёва. Когда сказал, что пока не определился, где буду жить, Люба на листочке из блокнота написала адрес своих родителей.

– Езжай на электричке на станцию Инская, они что-нибудь придумают

Поехал. Родители Любы всего лет на десять старше моего отца, но я почему-то воспринимал их как бабушка и дедушка – бабушка Катя и дед Иван. Жизнь обоих потрепала, выглядели старше своих лет. Оба прошли немецкие концлагеря. Этот факт сблизил их, когда познакомились. Пережив одно и то же, лучше понимали друг друга. Дед Иван шутник, балагур, а баба Катя строгая. Она Любину записку прочитала, на меня внимательно посмотрела.

– Садись, студент, – пригласила к столу, – борщом покормлю.

Я навернул целую миску.

– Может, добавки?

Не отказался. Ещё одну миску уговорит. Сверху картошку в мундирах добавил.

– Работаешь так же, как ешь? – хитро прищурившись, спросил дед Иван.

– Как кормят, так и работаю, – не остался я в долгу.

– Оставайся ночевать, а завтра разберёмся, – предложила баба Катя.

«Разобрались» так, что я стал в их доме на все годы учёбы своим. Октябрь и сентябрь на первом курсе жил постоянно, и все пять институтских лет заглядывал в гости. Бывали моменты, может, в два месяца раз, надоест до печёнок общага, сяду на электричку и в Инскую. Еду, а на душе так хорошо. Много позже критиковал себя: какой я всё-таки был наивным. Взбрело в голову, собрался и поехал. Не задумывался, ко двору буду или нет, может, людям не до меня. Как здрастье среди ночи свалюсь. И когда бы ни приехал, всегда с искренней радостью принимали. Так мне казалось. В доме у них было хорошо. Друг к другу баба Катя и дед Иван относились бережно, на войне, в концлагерях поняли – главное не осуетиться в жизни, не разменяться по мелочам – из-за пустяшных обид, ссор, осуждений. В красном углу висели иконы, рушниками убранные, оба верили в Бога. Недалеко от дома была церковь в честь Николая Угодника. Маленькая деревянная церквушка. Уютная, красивая. Идём мимо, баба

Катя скажет:

– Ну-ка зайдём.

Свечек купим, постоим. А то и на службу в воскресенье утром разбудит:

– Пойдёшь?

Ходил. Больше бабе Кате приятное сделать. Да и сам постою, и как-то хорошо потом весь день.

При мне не видел, чтобы молились они дома. Но каждый раз, как за стол сядем, баба Катя замрёт на минутку, про себя молитву прочитает, перекрестится, еду перекрестит, только тогда начинаем есть. Почему-то про себя молитву читала, может, меня не хотела смущать.

Ездил с ними на дачу, помогал сажать, убирать, землю копал. Сходу вписался в их семью, приняли как родного. Баба Катя знала, что я страшно люблю её солёные помидоры. Что уж был у неё за рецепт? Солила в деревянном бочонке. Помидорки небольшие, но до того вкусные. Приеду, обязательно наберёт большую миску, картошки наварит, я один всю миску уговорю.

Сейчас вспомню и корю себя. До чего глупый был, нет бы, конфет привезти им в гостинец, пряников – даже не подумаю.

В те первые два месяца рано утречком проснусь, завтраком баба Катя накормит, и бегу на электричку. В Новосибирске от вокзала поднимусь по Красному проспекту к нашему институту. Рядом консерватория, кинотеатр «Победа»...

Закрою сейчас глаза и всё это ясно-ясно вижу, будто только вчера был в тех местах...

В один из первых институтских дней с Володей Казанцевым познакомился. Он тоже не поехал на уборочную и тоже перевелся в НИИВТи – из строительного института. Полгода на строителя проучился, первую сессию сдал, во втором семестре заболел воспалением лёгких, и не стал дальше учиться, решил в речники податься. Володя был мастером спорта по боксу, а декан наш, Орлов, спортсменов привечал. С Володей в коридоре института столкнулись. Что-то он у меня спросил, разговорились, и до самой его смерти оставались друзьями. На второй день знакомства идём мимо Вознесенского собора, Володя предложил:

– Зайдём?

Купили по свечке, поставили.

– Ты попроси у Бога, чтобы ты студентом стал, – шепнул Володя, – попроси, не смущайся, Бог есть.

Удивило – серьёзно говорит о Боге. Я-то ладно, бабушка у меня верующая.

Володя был коренастый, крепкий, в очках (небольшая близорукость). Скромный, даже стеснительный в каких-то ситуациях, не наглый. Физически очень сильный. На соревнованиях, бывало, против тяжеловеса выходил. В нашей команде некого выставить, он выходил. В одежде не скажешь, что атлет, а в спортзале разденется – сразу видно, очень сильный. Танцевал хорошо. Все наши девчонки без ума от него

были. И вообще – имел успех у женщин. Обаятельный, предупредительный, ум острый.

Однажды меня поразило. Вроде мелкий случай, но запомнился на всю жизнь, и Володя открылся по-новому. Мы уже три года были знакомы, на четвёртом курсе заняли вдвоём комнату в общежитии. Октябрь, холодно. А в комнате хомячки от прежних хозяев. Пара забавных хомячков. Думаю, зачем они нам?

– Сейчас, – говорю, – в окно выкину или на улицу отнесу. В подвале пусть живут, на кой они сдались нам! Гадить будут, жрать просить!

Ух, Володя напустился на меня. На полном серьёзе отчитал:

– Ты чё такой живодёр? Они околеют на улице, или собаки с кошками прикончат! Это домашние зверюшки! Какой подвал? Пусть живут! Это наши братья! Беречь надо!

Много позже в письмах владыки Венедикта (Пляскина), нашего омича, прочитал, что Господь Иисус Христос купил вместе с человеком всю тварь поднебесную, а наше Евангелие есть Евангелие всей твари. Жалеть животных – значит проповедовать Евангелие всей твари. Пронзительные слова. Прочитал и вспомнил Володю. Он по-другому сказал мне то же самое.

Не был сентиментальным, нет, и вот – хомячки. Поразило реакцией. У меня число по-деревенски рациональное отношение – бегают под ногами, гадят. Однажды голубя принёс

со сломанной конечностью. Наложил шину из палочек, перебинтовал. Жил у нас бедолага, пока не околемаля.

Володя всего на год старше, да у меня тогда ветер в голове гулял, а он ко всему подходил основательно, серьёзно, не одним днём жил. Я от природы не был расположен к боксу. Он убеждал: «Тебе надо!» Раз друг настаивает. На первых курсах в разных комнатах жили, идёт на тренировку, за мной зайдёт. Тренировался (и сам тренировал) в «Динамо», в «Локомотиве», в нашем «Воднике». И везде лидер. Я ходил в «Водник». Если утро Володя начинал с пробежки, звал с собой. Рассказывал уже о боях на чемпиона коридора. Это как раз на первом курсе, когда Казанцев меня к боксу приучал.

В любом виде спорта чувствовал себя уверенно, в гребле, настольном теннисе... В игровых видах – ручном мяче, баскетболе... Везде нарасхват. За факультет надо выступать – Володя, выручай. Не отказывался, раз надо. Яхтами одно время увлёкся... Я лучше всех в группе бегал на короткие дистанции – сто и двести метров. Он меня по весу более чем на десять килограммов тяжелее, да и не бегун. Но ни за что не уступит на дистанции, даже если начнёт отставать, взорвётся и обгонит. Пришёл новичок в секцию бокса и продемонстрировал трюк. Ставит стул спинкой перед собой и с места перепрыгивает его. Мы языками цокаем: вот это ноги! Стали пробовать – ни у кого не получилось. Казанцев подошёл, постоял, посмотрел, примерился и перемахнул. Нико-

гда до этого не делал, а тут раз. После чего парень удивился – впервые его трюк кто-то повторил.

И на гитаре виртуозно играл. Казалось бы, спортсмен, боксёр. А он серьёзно гитарой занимался. На институтских концертах выступал как классический гитарист. И сольно, и в ансамбле. Играл с ребятами из консерватории. Рядом с ним и я немного научился тренькать. Моему старшему сыну Казанцев внушил: осваивай гитару. Тот в конечном итоге музыкальное училище по классу гитары окончил.

Володя был из тех, кто последним мог поделиться. Этим пользовались. Когда в девяностые занялся бизнесом, его подло подставили. С товарищем развернули дело, доверился ему, а когда хорошо пошло, компаньон, така сказать, по-товарищески кинул Казанцева. Дешёвкой оказался. В общаге Володя был притчей во языцех. Деньги занять у кого? Да у Казанцева. Последние отдаст. Скажу:

– Володя, ну чё ты такой простодырный.

– Ну как же – человеку надо.

Не мог отказать. Сам из Усть-Каменогорска, оттуда много училось в НИВТИ. Земляки постоянно за деньгами к Володе бегали. Был Гоша Ротов, любитель выпить, а займёт, клещами долг не вытащить. Сто надо напомнить, прежде чем совесть проснётся.

Я выработал тактику. Гоша на порог, но рта не успеет раскрыть, я на опережение:

– Гоша, займи трюк. Решили врезать с Казанцевым,

шланги горят, а не хватает на пузырь.

Гоша кислую физиономию скорчит:

– У меня самого не хватает, думал у вас перехватить.

– Так ты дай нам, у тебя всё одно мало.

Он быстренько за дверь.

Казанцев мне давал деньги на сохранение:

– Шура, возьми, эти балбесы выклянчат, а мне туфли надо купить.

Или за гитарой придут. У него концертный инструмент, не дрова с мебельной фабрики за семь рублей. А берут не на концерт, а под пиво песни поорать. Залапают руками в селедке. Володя потом вытирает гитару и чуть не плачет. Сказать «нет» не в его характере, как же – ребята попросили.

Вижу такое дело начал гонять гитаристов, у которых всё мастерство на трёх аккордах заканчивается.

– Не-не-не! – хватаю гитару. – Не дам, сам сажусь заниматься. И вообще, что вы за музыканты без своего инструмента?

Казанцев давай благодарить:

– Шура, ой, спасибо! У меня сердце болит давать в такие руки гитару.

После окончания института Казанцева профессор Дегтярёв оставлял на кафедре. Володя под его кураторством научной работой занимался, Дегтярёв ставку на него делал. Володя выбрал Пермь, ему хорошее предложение оттуда поступило, и не прогадал в плане карьеры, быстро продвинулся до

капитана-наставника земснарядов. Эту должность получали обычно, кто десять и более лет на земснаряде отработает, а тут совсем молодой получил. Я после армии в Молдавии работал, к нему в Пермь в гости поздно осенью приехал. В лёгоньком плащике, в Молдавии тело, а в Перми мороз под двадцать.

– Володя, – говорю, – одевай, пропадаю.

Он свой китель отдал. Я-то не знал, что на кителе серьёзные нашивки, пошёл в нём в кафе, а оно относилось к ОРСу речников. Не успел за столик сесть, ко мне директор заведения летит. Как же высокий чин пришёл, а вдруг с проверкой. Я быстро в роль Хлестакова вошёл... Хорошо откушал и выпил...

Бог призвал

Батюшка не пропустил ни одной встречи однокашников по случаю круглых дат со дня окончания института. Ездил на каждый юбилей. Праздник возвращения в юность ждал с нетерпением. Дружная группа едва не полным составом съезжалась. Заранее списывались, созванивались, договаривались. В тот раз батюшка пришёл в институт в облачении. Мало кто из сокурсников знал, что однокашник недавно рукоположен в священники. Да и то, одно дело знать, другое воочию лицезреть. Удивил батюшка Виталий друзей, несказанно удивил. Любимец группы Шура – балагур, шутник, вечно настроенный на позитив, и вдруг он иерей. Кое-то откровенно смутился. И Шура перед ними, и не Шура. Как обычно с широкой улыбкой, огоньком в глазах, громкоголосый, но на груди крест серебром отлиывает, чёрный подрясник до пола. Шурой такого не назовёшь, да и Виталей язык не повернётся.

– Слушай, – спросил Казанцев на правах друга, – ты и в ресторан так пойдёшь?

– Нет, переоденусь?

– Разве в гражданской одежде можно?

– Почему нельзя.

– Переоденься, не знаю как кому, мне вино при священнике не с руки употреблять...

В ресторане скажет батюшке:

– Ты молодец, Виталя, Бог призвал – ты всё отринул и пошёл. Я бы не смог...

Подобного не было никогда в нашей церкви, никогда больше не будет. В девяностые и нулевые годы Господь Бог мобилизовал армию священников из мирян – призвал к себе на службу сотни и сотни взрослых мужчин. Инженеров и учителей, музыкантов и врачей, водителей и каменщиков, офицеров и профессоров, партийных работников и милиционеров. В этом была жизненная необходимость и Промысел Божий. Иереи прибыли не откуда-то, они были воспитаны той же системой, той же средой, что и паства. Не молодые, только что оперившиеся юнцы, а сформировавшиеся мужи, за плечами которых опыт мирской жизни.

У меня был хороший товарищ – Александр. Эрудит, интеллигент, историк по образованию, изучал философию, писал стихи. После окончания университета работал учителем, затем чиновником, наконец – журналистом... Он повлиял на моё воцерковление, наши столы в редакции стояли рядом, мы много о чём переговорили с ним. В возрасте сорока лет Александр окончил Омское епархиальное духовное училище. Это был один из первых выпусков. Ему, гуманитария до мозга костей, учёба давалась легко. Учился с интересом, погружаясь в новый для себя мир.

– Александр, пора бороду отпускать, – говорил владыка Феодосий перед окончанием учёбы, – батюшка из тебя им-

позантный выйдет.

Бог призвал его к Себе: пойдём, поможешь Мне, послушишь во спасение ближних, но Александр не отозвался. За время учёбы в духовном училище романтики в нём поубавилось, понял, какое бремя берут батюшки на свои плечи, и отошёл в сторону. Как те ученики, которые ходили за Христом до той поры, пока Он не сказал: «Кто хочет идти за мною, отвергни себя, и возьми крест свой и иди за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет её, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережёт её». Александр придумал себе отговорку: «Ну, какая, спрашивается, из моей жены матушка? А иерей без матушки – ничто». Знал я его жену – совершенно невоцерковлённый человек, но, думаю, была бы не хуже других матушек. Они тоже в подавляющем большинстве были воспитаны атеистическим миром. Откуда другим взяться? Мужья служили в церквях и параллельно возрастали духовно, и матушки с Божьей помощью.

Александр не смог «отвергнуть себя», в корне поменять жизнь. Любил комфорт, сибаритство... Рос у матери один – пыль с сына сдувала, всё для Сашеньки. Супруга, может, и не сдувала денно и ночью, но снизу вверх на интеллектуала супруга смотрела. Не знал он, что такое ходить по магазинам, заниматься бытом. Воспринимал своё положение в семье как данность и вдруг всё изменить. А если владыка пошлёт в село на приход? Где и церкви нет, строить надо, и

туалет во дворе, а вода в колодце...

Когда настигнет его смертельная болезнь, коротко произнесёт: «Зря, наверное, не пошёл в священники...» В голосе прозвучит и вопрос, и утверждение – «зря»...

Батюшка Виталий не испугался расстаться с холостяцкой жизнью, не испугался взвалить на себя крест иерея. В сорок лет круто поменял жизнь...

***

А тогда на встрече с однокашниками в Новосибирске крестил Казанцева.

– Мысли не было, – рассказывал, – что Володя некрещёный. В институте много раз вместе заходили в церковь. Благо, церковь рядом с институтом. Идём мимо, время есть – зайдём. Иконы любил разглядывать. Известных святых знал и меня учил, кто есть кто. Скажет, вот Серафим Саровский, вот Сергей Радонежский, это Никола Угодник. И вдруг – некрещёный. Как обычно в первый день всем курсом пошли в ресторан, а на второй нашей группой поехали на дачу к сокурснику. И зашёл разговор о крещении, человек пятнадцать было, трое некрещённых, Казанцев среди них.

– Как так? – спрашиваю Володю. – В церковь ходил, «Отче наш» знал...

– А вот так, – улыбнулся, – всё собирался... Помнится, говорил тебе однажды, что не крещён, наверное, позабыл...

– Не мог такого забыть...

Батюшка я тогда был ревностный, куда бы ни ехал, обла-

чение брал, требник, миро... Мало ли, в дороге всё может случиться, кому-то священник понадобится. На той встрече покрестил наших, в том числе Казанцева.

Так получилось, и отпевал его. Четыре года назад похоронили Володю. Будь другим по натуре, жил бы ещё, а он склада Эрнеста Хемингуэя. Любил его книги и в бокс пошёл, следуя примеру Хемингуэя и его героев. Меры не знал – горел по жизни. Будучи в возрасте не давал себе никакой поблажки, ходил в спортзал, в спаррингах дрался с молодыми так, что с ним боялись связываться, взрывался и молотил всех. Пятьдесят пять, шестьдесят лет – старик для бокса, а по выплеску энергии – юноша. Приезжаем на встречу в Новосибирск. Ему под шестьдесят. Покупает катамаран, ещё что-то и тяжеленные сумки тащит. Я на вокзале попробовал – неподъёмные. На катамаране выходил в Бухтарминское море. Врачи строго-настрого наказали соблюдать послеоперационный режим, в противном случае обещали самые печальные последствия. Он чуть почувствовал себя здоровым, сразу начал активную жизнь: спортзал, походы в горы. Сына берёт, и вдвоём на катамаране идут на острова. А Бухтарма – это море. И красоты морские, и шторма нешуточные. Меня всё агитировал сходить с ним. Если Миша Ложкин, сокурсник, по сей день в хоккей с мужиками играет, но это в охотку, без надрыва. Как у русского мужика – по настроению в хоккей поиграл, в баньке попарился, парю рюмок на грудь принял. У Казанцева всегда всё по максимуму.

Такие натуры, как Казанцев, живут на полную мощность всю дорогу, организм в конечном итоге не выдерживает. За спортивную жизнь столько было травм, переломов. И в драки серьёзные попадал. Это не прошло бесследно. Диагностировали онкологию. Сделали две операции. Вроде – всё хорошо. Необходим режим, а тлеть не для него. Много раз говорил Володе: остановись, остепенись. Года за два до смерти звал его к себе в Омск. В соборе была как раз моя неделя. Я рано утром в храм собираюсь, он со мной. Я служу, он в келье поспит, почитает, выйдет погулять по городу, зайдёт в храм, постоит, помолится.

– Хорошо здесь, у тебя, – скажет, – спокойно.

Дня четыре пожил, на большее не хватило. Несколько раз предлагал ему: давай, договорюсь, и поедешь в монастырь в Одессу (тогда на Украине было спокойно). Поживёшь среди монахов месяц-другой. Не будет ни чрезмерных физических нагрузок, ни моральных. Другой мир с размеренной жизнью. Будешь всё делать по воле Божьей и по силам. На службы ходить, в монастырском огороде ковыряться. Захотел – по Одессе погулял, или на море сходил, оно в пяти минутах. Да, соглашался Володя, хорошо бы вот так бы уехать, где тебя никто не знает, пожить без дерготни... И всё собирался. Мол, вот разделаюсь с кое-какими делами и махну. И про-собирался.

Как родной брат мне Володя. Ближе в институте друга не было. И для семьи его я как родной человек. Был и есть. Че-

тыре года назад жена его, Наташа, звонит:

– Володя умер. Просил, перед смертью, чтобы ты по возможности отпел.

***

Батюшка подзывает меня к компьютеру, открывает папку с институтскими фотографиями. Показывает фото Казанцева. Взгляд уверенного в себе человека. На другом снимке группа ребят в общежитие. Молодые, полные жизни, весёлой энергии через край. У одного в руках гитара, на столе трёхлитровая банка с пивом. Вечеринка. На другом фото институтская аудитория. За столом преподаватель с мощной совершенно лысой головой. Могучие плечи, богатырского вида мужчина. Вокруг него несколько студентов.

– Наш декан Павел Николаевич, – прокомментировал батюшка, – это мы пришли на консультацию по курсовому проекту.

Ещё одно чёрно-белое фото. Тёплый летний день. Почему-то думается – воскресенье. Река, брандвахта, лёгкий трап сброшен на берег, на нём стоят две девушки в лёгких коротких платьях. Почему-то босиком. Одна держит туфли в руке. Лет, может, по двадцать, но совсем ещё девчонки. Чистые, скромные. Батюшка открывает новое фото. Скорее всего – май, город залит солнцем, группа парней на фоне здания. В куртках, пиджаках. Батюшка в центре, совсем молодой, двубортный пиджак, поднял руку в приветствии.

– Это мы у нашего общежития, «Домом студентов» име-

новалось. И вправду пять лет родной дом, – говорит батюшка. – Три последних курса жили с Казанцевым в одной в комнате, но начинал я общежитскую эпопею с третьекурсниками. Мама факультета Клава, секретарь деканата Клавдия Фёдоровна руку приложила. На первом курсе, сразу после ноябрьских праздников вызвала меня в деканат и на свой страх и риск, я ещё не был студентом, выписала направление в общежитие по адресу Красный проспект, 75. В этом была вся наша Клава.

Место было только в комнате третьекурсников. Семь человек в комнате, в основном деда – после армии ребята. Витя Доровских, Володя Сидоренко... Уже не ветер, как у вчерашних школьников, в голове. Понимали кое-что в жизни. Я оказался как среди старших братьев. С ними никогда не голодал. Питание в комнате поставили чётко. Вечером сковороду в полметра диаметром картошки нажарим с мясом вперемешку. Садимся всемером, а то и в гости кто придёт. Пять минут – и сковороды как ни бывало, мыть не надо – до блеска выскоблили. Чаю попьем. Бывало, суп или борщ сварят. Я не варил. Повар я такой – сварю, никто есть не будет. По магазинам ходил за хлебом или за крупой, макаронами. Бывало – за водкой пошлют.

– Что, молодой, – скажут, – за фунфыриком сбегаешь?

– Легко.

Не гнушался. Сам никогда с ними не выпивал. Привыкли, что отказываюсь, гостям говорили: молодой у нас молодец –

не пьёт.

Весной к нам Фан – Ваня Рымаренко – нелегальщиком поселился. Я уже упоминал его, боксёр. Его из института выгнали, армию отслужил, собрался восстанавливаться.

В середине декабря я стал студентом, освободилось место в группе, парня одного отчислили, Клавдия Фёдоровна тут же оформила на меня документы, получил студенческий билет и зачётку. Сессию сдавал как полноценный студент.

Первые два курса были самые сложные. Теоретическая механика, физика, высшая математика, черчение, геодезия. Дядя Вова знал, что говорил, факультет был самый сложный в институте. Какие только предметы не читали нам, каждый учить и учить надо – сопромат, гидрология, гидравлика, электротехника. Но я втянулся...

С высшей математикой проблем не было. Не зря брат Александр хотел из меня вундеркинда сделать по математике, химии и физике. «Вышку» преподавала Шабалина Валентина Ивановна, куратор нашей группы, это как классный руководитель в школе. Замечательная женщина, переживала за каждого из нас, не гнушалась участвовать в наших мероприятиях. Зимой с нашей группой ездила в Мочище под Новосибирск на лыжах кататься. Накатаемся, потрапезничаем. По-семейному было. Казалось бы – зачем ей, деньги за это не платили, но понимала – она в ответе за группу.

Что у меня не пошло – теоретическая механика и сопромат тяжело давался, хотя на четыре его сдал. Науки нудные,

душа к ним изначально не лежала. Повезло, термех читала старушка Вольская, с ней друзьями стали. Вечно что-нибудь забывала дома – учебные пособия, плакаты. Боялась, в институте молодые лаборанты засунут и не найдёшь потом. У неё было много пособий лично её. В своё время заказывала, приобретала на свои деньги. А память уже не та. Забудет дома или перепутает, не то захватит, заохает: как же это я? Жила рядом с институтом, идти всего ничего. Но пока она будет бегать с её-то ногами, лекция пройдёт. Она меня в качестве гонца привлекала. Ключи даст:

– Кузнецов, принеси не в службу, а в дружбу.

– Если в дружбу, Вера Андреевна, я всегда готов.

Это лучше, чем на лекции сидеть.

Ещё напутствие даст:

– Не торопись, под ноги смотри, скользко сегодня!

Мне куда торопиться, я у неё успею ещё и чайку попить.

По-свойски вёл себя. Пол подмету, если мусор увижу, ведро вынесу, коврик вытряхну. Смотрю, шпингалет на окне на честном слове держится, прикручу. Частенько забывала свет выключить. Хозяйки нет, а в квартире иллюминация: в коридоре, ванной, на кухне горят лампочки в своё удовольствие. Вернусь в институт, доложу – то и то сделал. Ей нравилось моя самодеятельность. Ставила на экзаменах твёрдую четвёрку. Хотя на твёрдую точно не знал. Да и слабину давал себе при подготовке, считал, двойку всяко-разно не поставит. Вольская послушает мои тык-мыки, улыбнётся:

– Давай зачётку, Кузнецов. Парень ты хороший, жизнь заставит, и термех на пятёрку выучишь.

С геодезией так получилось – думал, точно не моё, в жизни не пригодится, правдами и неправдами сдать и забыть. Но на преддипломную практику после четвёртого курса попадаю в изыскательскую партию на Чулым, и ставят техником. Думал, лебёдчиком-мотористом куда-нибудь на земснаряд, а меня техником. Елки-палки, от чего бегал, туда и угодил. Ну да ничего, всё получилось. А после армии вообще прорабом в изыскательской партии на Енисее работал. Но это отдельный разговор.

Первую сессию сдал, начал стипендию получать, легче стало. И себя уверенней почувствовал. Кто-то отсеялся, а я зацепился.

Не маменькины сынки

Иногда мы перебрасываемся с батюшкой письмами в «Одноклассниках». Бывает, коротко, в телеграфном стиле: вопрос – ответ. Чаще я что-то уточняю. В другой раз «разговоримся», не заметишь, как час промелькнёт. Батюшка горячо реагирует на любую несправедливость. На очередное проявление «заботы» государства о своих гражданах – повышение цен, тарифов, налогов. Не помню, за какую тему тогда зацепились, несколько раз обменялись репликами, а потом батюшка написал, видимо, постоянно об этом думал, что тяжело заболел брат Александр. Онкология.

Когда я пришёл к батюшке в очередной раз, он начал разговор с брата:

– Отец рассказывал, что Саша резко изменился после смерти матери. Мне было шесть лет, а ему восемь. Я ещё толком ничего не понимал. Народ пришёл, мама лежит в гробу. Будто не со мной происходило. Как в кино. Много людей. Никогда так много не собиралось у нас. Даже когда гости приходили. В доме люди, во дворе стоят, все серьёзные... Думал, это временно – она полежит, проснётся. Не хотел, чтобы по-другому. Верил, скоро всё закончится, пройдёт время и будет по-прежнему. Гроыхнёт калитка железной защёлкой, стукнет дверь в сенях, мама ступит на порог и скажет: «А что у меня есть для моих мальчишек-шалуни-

шек? Отгадайте». И достанет жестяную круглую коробку с леденцами. Одна коробка чего стоит! Золотистая, крышка разрисована цветами, или жар-птица изображена. Открываешь, а внутри разноцветные леденцы... Съешь, после чего в коробке можно хранить разные ценные вещи: значки, марки, шарики от подшипников. Мама знала, на двоих одна коробка не делится, каждому своя нужна, поэтому две принесёт. Или достанет из сумки два пряника в форме медведя, зайца или коня. Большие, глазурью облитые, и до того вкусные.

Жизнь-смерть было выше моего понимания. Умел читать, даже писал немного, а так умишко детский. Даже после кладбища не хотел верить, мамы нет навсегда.

Саша на два года старше. Во второй класс в тот год пошёл, ему восьмого мая восемь исполнилось. Мама перед первым сентября за школьной формой для него отправилась, поднялась на виадук, и с ней приступ. С её смертью у Саши изменились темперамент, характер. Из весёлого, жизнерадостного паренька превратился в замкнутого, не по годам задумчивого.

Я каким был, таким и остался. Оптимистом. Как бы плохо ни было, я находил хорошее. Бабушка скажет: завтра встаём рано, идём пасти коров. Конечно, с ребятами играть интереснее, чем за коровами бегать, но я не делал трагедии, наоборот, разве плохо, весь день с самого раннего утра на лугу, у речки. И коров пасёшь, и купаешься. Бабушка разрешала. А то костёр соорудим, опять хорошо.

Летом часто коров пасли. Пастуха не было, деревенское стадо гоняли по очереди, сегодня один двор, завтра другой... Частенько к бабушке придёт кто-нибудь из соседей: «Анна Степановна, выручайте, за нас попасите, пожалуйста». За день платили три рубля. Человеку, бывает, проще заплатить, чем день терять. Или отпроситься на работе не может. Бабушка соглашалась. Три рубля невелики деньги, но если у неё пенсия двенадцать рублей, три очень даже неплохо. Цельный день стадо пасёшь, вечером пригоним обратно, бабушке сразу деньги заплатят, бывало, ещё и поужинать пригласят, корову свою встречают у ворот, скажут: «Анна Степановна, приходите с внуками-помощниками». Накормить пастухов считали своей обязанностью.

Хорошо запомнил одну семью, часто за них пасли: Александр Васильевич и жена его тётя Лида. Любил у них ужинать. Люди хлебосольные, приветливые. Жили в достатке, еда разнообразная, вкусная, лучше, чем у нас. Деньги дадут и ещё накормят. Брат никогда не ходил. Мы с бабушкой пойдём, он насупится: «Не хочу». Считал, унижительным. Как подаяние. Бабушка скажет: «Саша, пойдём, люди от души приглашают, ты работал, они хотят отблагодарить». В какой-то раз поддастся на уговоры, да и есть охота, пойдёт. По лицу видно, через силу идёт, но шагает с нами. И всё равно – или с полдороги убежит, а то и до крыльца дойдёт, но развернётся и даст дёру. Не мог себя пересилить. Принципиальным рос. С голоду умирать будет, не попросит. А я

мог. Не значит, совсем не совестно, пересилю себя, предложу свои услуги. Давайте, что-то сделаю, а вы покормите. В детстве, молодости не один раз такое случалось. И помогало в жизни. Мог приспособиться к окружающему, Саша нет.

У него всё по-честному. Отец говорил: «Саша у нас усидчивостью берёт». Экзамен сдавать, он добросовестно учил все вопросы до единого. Не по нутру со шпаргалками сдавать. Не мог верхушек нахвататься, определения выучить, остальное списать. Всё учил. В Московский госуниверситет один балл не добрал.

Я при случае давал себе поблажку, мог придумать какую-то хитрость. Запомнилось, в классе пятом дали ученикам задание сдать сколько-то веников. Наломать берёзовых веток, связать в веник-голик. Я домой пришёл, брату говорю:

– Чё я буду лазить по лесу, ноги бить, у лесника на заднем дворе целая гора этих веников, тихонько возьму штук несколько и сдам.

Может и не сделал бы так, но мысль в голову залетела.

Брат ну меня стыдить:

– Так нечестно.

– А чё нечестно! Почему мы должны за кого-то делать?

И тут отец выходит. Я думал, его дома нет, он в соседней комнате сидел. Мою предприимчивость не одобрил, пару раз прошёлся ремнём по мягкому месту. Мог всыпать при случае. Саше реже, мне чаще доставалось.

***

Батюшка считает, гибкости не хватало брату. Окончил Уральский политехнической институт, поехал в Минусинск на всесоюзную ударную комсомольскую стройку – энергетический комплекс. Сначала строил, потом работал инженером, конструктором. А когда в девяностых годах всё стало закрываться, решил, раз не нужен как инженер и конструктор, будет рабочим. И устроился кочегаром. Там и здоровье потерял.

– Разные мы с ним, – говорит бабушка, – но путешествовать оба в молодости любили. В последние годы они с женой Наташей стали ездить в паломнические поездки. В основном по Красноярскому краю, надолго Саше не мог оторваться от своих работ. А в студенчестве ко мне в Новосибирск несколько раз приезжал.

Запомнился его визит, когда я первый курс окончил, практику проходил. Он только-только демобилизовался и приехал. Мы два года, пока он в армии служил, не виделись. Приезжает, а у меня практика. После первого курса у нас была геодезическая практика, а после второго гидрологическая. У института имелась учебная база в селе Мочище, на берегу Оби, в лесу. Сейчас там всё разрушили. А при социализме было отлично организовано. Студенты и работали, и отдыхали. Столовая, отличное питание. На первом курсе жили в фанерных домиках, на втором – в деревянном более комфортном корпусе. Рядом с нашей базой институтский дом отдыха. Красивейшее место.

Нас разбили на бригады. На первом курсе в нашей бригаде были я, Казанцев, Егор Назаров, Миша Норкин, Руслан Бойко, Таня Лосева, Люда Новичкова, Лена Николаенко, Витя Краско, Фарид Ризаев, Миша Ложкин, Люба Ушкова... У каждого бригады свой полигон, стояла задача – заснять местность на карту, рельефы все отобразить. Нам выдавали лодки, ялики были. Всё успевали. На остров на яликах плавали, купались. Вечером пойдём на берег, костёр разожжём, вина выпьем, если у кого день рожденья. Егор Назаров рыбак заядлый, вечером уплывёт на остров, утром с рыбой вернётся. Поваров попросим, сделают нам. За это с ними рыбой поделимся.

Мочище – место бойкое, курортное. От нашей базы по крутому берегу сплошь стояли дома отдыха, пионерские лагеря, дачи властных структур. Один забор заканчивается, другой начинается. Где-то колючая проволока. Берег высокий, обрыв – лететь и лететь. От заборов до обрыва узкая, метра в два полоска, по ней тропинка.

По тропке ходили в пионерский лагерь. На первой практике жили втроём в домике: я, Казанцев и Руслан Бойко. Руслан новосибирец, везде у него знакомые, в Мочище тоже нашлись. В пионерском лагере работали воспитателями девочки из пединститута, мы подружились с ними. Хорошие девочки, у меня была Света, я вообще думал – всё, на всю оставшуюся жизнь. В группе смеялись: «Шура снова женится». Было такое, познакомлюсь, и, всё – женюсь, лучше ни

за что не найти. Если со мной встречается, значит, доверяет, надеется на мою порядочность. Всем говорю – женюсь. Сам верил, так и будет. Со Светой аналогичный случай. Спортивная была девчонка, хорошо плавала, в настольный теннис даже Казанцева обыгрывала. С девчонками мы на лодках катались, ездили на остров, жгли костры. По вечерам они воспитанников уложат спать и убегут из лагеря...

Саша приехал ко мне в гости, я попросил разрешения, чтобы пожил на базе дня три-четыре. В тот вечер мы собрались к девчонкам в пионерский лагерь. Саша не пошёл. Робкий был с женским полом и однолюб. Это не я, раз пять в институте собирался жениться. Саша познакомился со своей Наташей на втором курсе, после этого на других женщин не смотрел. В тот вечер договорились с ним, мы с подружками вернёмся, заберём его и поедем на лодках на остров. В пионерский лагерь пошли я, Казанцев и Руслан. Пока девчонок дождались, совсем стемнело. С нами увязалась парочка воспитателей из пионерлагеря, моей Светы подружка со своим парнем. А вечер прохладный, пасмурный. По берегу идём попарно на расстоянии друг от друга. Вдруг за моей спиной крик. Да нехороший. Последней шла парочка воспитателей, что увязалась за нами. Я метнулся к ним. Луна как раз выглянула, что-то мелькнуло передо мной на уровне пояса. Инстинктивно схватил. Девушка была в джинсовом комбинезоне. Тогда в моде были широкие расклешённые брюки, я за штанину схватил. Хорошо, материал крепкий и комбинезон

с лямками, брюки не съехали, за брючину ухватился, сначала одной, потом двумя руками, а девушка орёт...

Они затеяли дурачиться на этой узенькой полоске, у парня нога соскользнула, он, падая с обрыва, вцепился обеими руками в девчонку, на ней куртка была, плечи куртки зажал в кулаки. Ухватился утопающий за соломинку. «Соломинка» не из пушинок, сбитая девчонка, килограммов шестьдесят, и в нём семьдесят не меньше, а во мне всего шестьдесят три. Она бёдрами на краю берега, большая часть тела над пропастью, он, держась за неё, как на турнике повис, я всю эту композицию держу из последних сил. И съезжаю к краю, грунт хоть и сухой, но я в туфлях, они не держат. Света вовремя подскочила, схватила меня за ремень брюк. Со стороны посмотреть – инсценировка сказки: дедка за репку, бабка за дедку тянут-потянут... Жаль, за «бабкой» ни внучки, ни Жучки, ни кошки с мышкой. И «репка» не без дела ждёт-пождёт своей участи – в пропасть всю цепочку утягивает.

Я парню ору:

– Отпусти, не то все полетим!

Он-то вниз ногами висит, ему проще, ну переломает конечности, а девчонка головой вперёд нырнёт в кромешную темень. Шею сломать ничего не стоит.

Парень в истерике вцепился в неё мёртвой хваткой, не отпускает. Своя рубаха ближе к телу.

Девчонка истошно кричит:

– Отпусти! Отпусти!

Мы со Светой, как ни упираемся, миллиметр за миллиметром уступаем «репке», съезжаем к краю. Мне впору разжимать руки, иначе будет сказочный полёт всей честной компании в тартарары. Кричу во всё горло:

– Казанцев, сюда! Скорее!

Володя подбежал в качестве внучки и Жучки, с его помощью вытащили «репку». Девчонка обхватила меня, лицом в грудь уткнулась, плачет навзрыд, её всю колотит. На рыцаря своего набросилась:

– Дурак, иди отсюда! Уходи!

Утром мы с Сашей и Казанцевым пошли осмотреть место происшествия. Жуткий обрыв, лететь и лететь, а внизу не соломка – коряги, ветки, мусор, вывороченный пенёк с корнями. Сверху кидают всякий хлам. Казанцев мне:

– Ну, ты молодец!

Повезло, среагировал на автомате – не думая, схватил за брючину. Прибеги секундой позже, а там высота в несколько этажей...

В тот Сашин приезд показал ему Новосибирск, познакомил со всеми особенностями моей студенческой жизни. Даже одно дежурство на пару с ним отработали на кирпичном заводе. Проходя практику, я продолжал подрабатывать сторожем в столовой кирпичного завода. Тайком уезжал в Новосибирск, а ребята прикрывали мои отлучки. По правилам внутреннего распорядка, надо было находиться на территории базы.

Дежурил я в столовой на пару с дедком – Кириллом Фёдоровичем, на кирзаводе звали его дед Кирюха. Любил повторять: «Виталя, в жизни главное бабу, которая есть жена, хорошую найти. Остальное приложится». – «Ты-то нашёл?» – спрошу. «Отчасти да, – скажет, – отчасти поторопился, можно было ещё поискать. Моя-то генерал, а практичнее пониже званием брать. Генералы они слишком командиры большие! Слова поперёк не скажи. Ты, Виталя, лейтенанта бери, не ошибёшься!» – «Тогда лучше ефрейтора!» – «Беда, Виталя, в том, что ефрейторов среди женщин не водится! У них с лейтенантов начинается счёт! Родилась и, как минимум, лейтенант! А моя сразу в звании генерал-лейтенант появилась на свет!»

Что за генерал у деда Кирюхи – не видел, только мой напарник не очень страдал от генерал-супруги. За её генеральской спиной чувствовал себя вполне. Мы с ним договоримся, он по будням дежурит, я – в субботу-воскресенье за всю неделю отдуваюсь. Дед Кирюха тем временем на даче от своего генерала отдыхает. «Вот где я генерал, так на даче. Моя не любит в земле ковыряться, не генеральское это дело, а моя душа на земле поёт!»

Многие у нас в группе подрабатывали. Люда Новичкова по ночам пирожками на железнодорожном вокзале торговала. Так и пошла после института по торговой части. Женщина умная, хваткая, была директором ресторана в Новосибирске, потом уехала в США, свой ресторан в штатах открыла.

А начинала с тех пирожков. Я с кирзавода утром еду, на вокзал зайду, Люда пирожком угостит, вместе первым автобусом едем в Мочище. У нас были тайные тропы, чтобы через вахту не идти. Приходим, все ещё спят, а мы будто и не уходили никуда. Казанцев тогда работал в молочном магазине сторожем и грузчиком. Тоже ездил на дежурства. Друг друга подстраховывали, и никто нас не застукал.

А вообще, мы не уважали тех, кто не работал. Считали их маменькиными сынками. Ты работаешь – значит, самостоятельный, у тебя свои деньги, ни от кого не зависишь. Я с первого курса начал подрабатывать.

Чем отличались соседи по комнате на первом курсе – все работали. Парни, с которыми в одной комнате жил, против нас школяров взрослые, после армии в институт поступили и учились на третьем курсе. Работали не от случая к случаю, постоянно. У Володи Сидоренко в торговом институте брат преподавал, в сфере обслуживания везде знакомые, помогал нам устраиваться. По его наводкам работали сторожами в самых разных торговых точках: магазины, столовые, кафе, рестораны. Как-то ужинаем, Володя мне:

– Молодой, ты у нас не медаль на шее, иди-ка уже копейку зарабатывай.

Я и сам просился, без стипендии тяжело жилось.

– Появилась вакансия, – Володя говорит, – на должность ночного директора столовой кирзавода. Тебя берут без конкурса.

Через пару дней я вступил в должность сторожа столовой кирпичного завода. Располагался он на краю города, это по дороге, что в аэропорта. Не близко, но место отличное. Сердобольные повара первым делом, как придёшь, кормили. Суп останется, щи, картошка, котлеты. Иной раз с собой в общежитие возьму, ребят обрадую. Сейчас думаешь, вот молодость – всю дорогу есть хотеть, в студенчестве никогда не отказывался, если предлагали что-то в себя забросить.

Володя Казанцев устроился сторожем в молочном магазине. Вообще была красота – молочный рядом с институтом. Володя, как ему понадобится на соревнования ехать, просил меня за него подежурить. Придёшь, продавцы угостят твоим, сметаной. С сочувствием к нам, студентам, женщины относились. В столовой кирзавода была тётя Клава, сын в армии служил. Та мне всегда что-нибудь вкусенького припасёт – пару-тройку пирожков, булочек или ватрушек.

– Как ты на моего Генуходишь, – скажет.

Сын в Гаджиево в морфлоте служил.

Иногда я в дежурство Казанцева приходил в молочный. Помогу молоко принять, он мне по начертательной геометрии поможет. В магазине кабинетик был, сядем в нём (это не общага с постоянны гвалтом, здесь никто не мешает), домашние задания делаем, задачи-примеры решаем. Потом завалимся спать, утром поднялись, институт рядом, дорогу перебежали. Удобно. Ночью машина молоко привезёт, прием его... Разгружали каким образом: наклонная плоскость

(дощатый помост, оббитый оцинкованным железом), по ней крюками затаскивали ящики с молоком в стеклянных бутылках, а также фляги с молоком и сметаной.

В институте не приветствовалась наша подработка. У работодателей существовало правило: устраиваешься – принеси справку из института с разрешением совмещать работу с учёбой. Так было поставлено, чтобы работа не мешала учёбе. Доставили справки правдами и неправдами. Декан, Павел Николаевич Орлов, с неохотой выдавал, факультет серьёзный, предметы сложные. В советское время жёстко было: два экзамена завалил, вовремя не пересдал, выгоняли без разговоров. Понятия не было, как сейчас сплошь и рядом, за деньги сдавать. Во всяком случае – я такого не слышал ни разу. Паша-декан, считал, подработка во вред учёбе. Одно дело разгружать вагоны от случая к случаю, поработал день, получил деньги и свободен, другое – сторож, которому постоянно приходится отвлекаться от учёбы.

Официальный механизм получения справки выглядел следующим образом: берёшь в канцелярии бланк, пишешь заявление, подписываешь у декана, вторую подпись ставила наша незабвенная секретарша Клавдия Фёдоровна, после неё с четвёртого на второй этаж спускаешься, заходишь в канцелярию, ставишь печать – готово, работай на благо страны и студенческого кошелька. Прежде чем подписать справку, декан обязательно начнёт смотреть, как у тебя с учёбой, нет ли хвостов? Обнаружит: ты троек нахватал, долги по за-

чётам – ни за что не даст. Умолять бесполезно.

Да уж если голь на выдумки хитра, тем паче бедный студент. По сей день помню замысловатую подпись Паши-декана. Я наловчился делать её один к одному. А Люда Новичкова лихо копировала росчерк с вензелем Клавы – Клавдии Фёдоровны. Ребята бланк возьмут в канцелярии, а «обходят» с ним не Пашу с Клавой, а меня с Людой, потом идут в канцелярию печать ставить. Девчонки из канцелярии, конечно, не будут делать экспертизу, подделана подпись или истинная, не будут звонить Клаве, был у неё студент или нет, хлопнут печать – иди, работай.

Володя Сидоренко истопником работал на почте. Отличное место. Неподалёку от Красного проспекта, в самом центре города, стоял обычный домик с печным отоплением, а в нём почта. Володя скажет:

– Молодой, у меня сегодня дела срочные, подмени.

Я с удовольствием – место спокойное, лучше не встречал, печку углём натоплю и спать. Я на сон никогда в институте не жаловался, но всё равно, когда в общежитии семь человек в комнате, раньше двенадцати не уснёшь, а тут тебе никто не мешает.

Немало мест за пять лет сменил, даже монтировщиком сцены в театре был. С актёрами перезнакомился. Был актёр, фамилию запомнил, Бармалея в сказке играл, здоровый парняга, мордатый. Сейчас часто в кино снимается.

Работой дорожили. Я после первого курса, после практи-

ки поехал на каникулы домой и потерял место на кирзаводе, только через полгода туда вернулся. Поэтому на каникулы после второго курса никуда не поехал. Давид Извеков по той же причине остался в Новосибирске. Он работал сторожем на строительстве ресторана «Садко».

Давид был старше меня курсом, а я учился с его братом Мишей. Они пришли из института инженеров железнодорожного транспорта. Обоих выгнали оттуда за драку. Наш Паша-декан взял их, несмотря на чёрное пятно в биографии. Парни умные и боксёры отличные. Давид и Миша секундировали классно. У обоих был этот талант. Мне выпал однажды жребий биться с Виктором Сысоевым, приличный боксёр и левша. Так-то он по жизни был добрейшей души, но боксировал отлично. Давид секундировал, я даже в нокаут Витю послал. Он сильнее меня и боксировал грамотно, но тут я, благодаря подсказкам Давида, выиграл. На курсе и факультете много было боксёров. Олег Затонский красиво смотрелся на ринге. Скажу ему при встрече: «Олег, любовался тобой, когда ты выходил на ринг». Он улыбается: «Да брось ты». Искренне считает, ничего в нём особого не было – дрался и дрался. Мы с ним время от времени встречаемся, он всю жизнь в Омском пароходстве работал. Настоящий интеллектuala в боксе. Будто не боксировал, а на шпагах сражался. Красивый, аристократичный бокс.

Давид на уровне кандидата в мастера дрался. И упорный. Никогда не забуду один бой. Был у нас Саша Инякин, до се-

мидесяти килограммов выступал. У Давида родная категория до шестидесяти семи, а тут он вес набрал и пришлось против Саши выходить. Тот высокий, а Давид ростом ниже среднего. Оба страшно упёртые. Бойня у них была... Бокс спорт жесткий. Один на один выходишь, и никто тебе не поможет. Давид выиграл по очкам, но до того трудно пришлось. Я заглянул после боя в раздевалку, Давид один сидит и у него слёзы по щекам. Нервное напряжение выходило. Увидел меня, поспешно отвернулся...

Давид в девяностых и нулевых годах руководил крупной строительной компанией в Москве, а его брат Миша – проектной в Новосибирске.

Строящийся ресторан, который сторожил Давид, находился рядом с институтом и его вот-вот должны были открыть, Давид хотел зацепиться за ресторан, чтобы дальше в нём работать и ребят наших туда устроить. Всё получилось удачно, человек пять сразу приняли, Казанцева – вышибалой. Понятия «охранник» тогда если и существовало, только на режимных объектах. Это сейчас сотни тысяч здоровых мужиков чего только не охраняют. Если раньше в школе хватало технички, которая могла половой тряпкой уладить любой конфликт, а конфликтов серьезнее уровня половой тряпки и не возникало (никаких терактов, наркоторговцев и т.д., и т.п.), то сейчас нужно обязательно ставить охранника, вертушку с металлоискателем. В ресторан в наши времена следить за порядком брали в штат крепкого мужчину. Ос-

новная его задача, если кто из посетителей переберёт, тихо-нечко выпроводить за дверь. Казанцев с полгода в этой должности состоял.

Давид звал и меня в «Садко», я подумал, и не стал переходить с кирпичного завода. Посчитал, к чему от одного добра другое искать. И правильно сделал, как показало время. Новый ресторан приобрёл статус модного, народ повалил, каждый вечер аншлаг. Случалось, любимцы Новосибирска, хоккеисты «Сибири» заглядывали. Нарушали режим спортсмены. В тот раз защитник хорошо нарушил. День рождения у него или что, лишка принял на широкую грудь. Сначала тихо сидел, вдруг начал куражиться: да я вас всех поувольняю. Дело к закрытию, а он вразнос. Парень здоровый. Товарищи по команде разъехались, а он разгулялся. Как раз в дежурство Казанцева. Володя незаметно в уголке за пальмой сидел с журнальчиком. Сразу не стал ввязываться в ситуацию, прибегать к крайним мерам. Вопрос деликатный, хоккеист известный в городе человек, нельзя с ним как с рядовым посетителем обращаться.

Официантки растерялись, все исключительно женского пола, не знают, что с буяном делать. Тот, поднимаясь из-за стола, смахнул пару тарелок на пол, бутылку. Грохот, звон, визг официанток. Сторожем в тот вечер был дедок-пенсционер, который свои сто граммов уже принял, официантки его вытолкнули к хоккеисту, дескать, ты мужик, разберись с ним. Казанцев слышит из-за пальмы, страсти накалились,

пора выходить, тихонько вынырнул из своего укрытия и принял радикальное решение – коротким ударом отправил хоккеиста в нокаут. Тот на колени рухнул, головой в пол уткнулся. Казанцев тут же обратно за пальму скользнул, будто его и не было. Нельзя афишировать рукоприкладство, пойдёт слух – хоккеиста в «Садко» избивали, реноме ресторана надо блюсти. Дедок-сторож не заметил, кто поверг хоккеиста на пол, только что был на ногах, а уже в отключке. Но желая получить ещё порцию водочки, пошёл козырем перед официантками: это я его запрещённым приёмом уложил. Есть у меня, дескать, в арсенале, один запрещённый приём, любого бугая секретным ударом могу обесточить.

Хоккеист в себя пришёл, понять ничего не может. Посчитал – резко поплохело с перепоя, вот и рухнул, как подкошенный. Поплёлся к выходу.

Рестораны, кафе места искусительные. Если ты к алкоголю пристрастен, лучше не работать, где выпивка дармовая. Ваня Рымаренко, тот самый Фан, устроился в «Садко» сторожем. Казанцев спиртное почти не употреблял, а Фан, хотя был отличным боксёром, не отказывал себе. Раз загулял с официантками после закрытия ресторана. Да так, что море по колёно, закуски не хватило – вскрыли холодильник. Наутро протрезвели, замок у холодильника раскурочен, самым варварским способом – следы взлома не скроешь. Казанцев всех выгнал и сам пошёл к ресторанному начальству отдуваться. Умел убедительно говорить. Сказал, что к официант-

кам пришли чужие, кто-то залез в холодильник. Убедить он убедил, дело на тормозах спустили, в милицию заявлять не стали. Но постепенно наших всех по одному уволили. Так что правильно я не позарился на злачное место, остался на кирзаводе.

...С братом Сашей мы в тот его первый приезд в Новосибирск всю ночь на кирзаводе проговорили. Рассказывал про армию. Вспоминали детство, бабушку, маму, как она нам леденцы приносила. Осиротел он со смертью мамы. Рана эта осталась у него на всю жизнь...

Как молоды мы были

В тот день по дороге к бабушке я вспомнил слова протоиерея Андрея Ткачёва. Речь в проповеди шла о взрослении человека, вхождении в старость. И утверждалось: все, кто старше сорока, обязаны трудиться на ниве христианского просвещения общества, его духовного возрастания. Каждый христианин по мере сил должен вносить свою лепту в прославлении Христа, трудиться во славу Божию. Трудиться в семье, на приходе, где только есть возможность.

У бабушки Виталия так и получилось. В тридцать три года, поехал в Одессу в Свято-Успенский монастырь, был на распутье – его ли дело священническое служение? Будущий старец схиархимандрит Иона, а тогда обыкновенный инок посоветовал: «Виталий, ты попроси Кукшу. Если он благословит, всё получится». Святой преподобный Кукша Одесский будет прославлен через семь лет, мощи его торжественно перенесут в храм монастыря, а тогда Виталий пошёл на могилку к старцу. «Отец Кукша, – попросил, – благослови служить Богу. Грешен я, наверное, не достоин, помоги определиться: быть мне иереем или нет». Как говорит сам бабушка, попросил да и забыл, но прошли годы и выяснилось – святой Куша благословил его. В сорок лет стал раб Божий Виталий иереем.

Ещё вспоминает, через два года после рукоположения

снова поехал в Одессу в монастырь и посетовал старому знакомому, эконому архимандриту отцу Виталию, что не силён в богословии, плохой из него миссионер. На что отец Виталий сказал: «Кому благовестить, а кому крестить. С тебя и «Отче наш» хватит. На всё воля Божья. А благодать не зависть от количества святой воды, важности нашего внешне-го вида. Служи, молись за своих прихожан, помогай им».

В тот мой приход к батюшке увидел в его келье сумку с болгарским перцем. Перец один к одному. Перчины крупные, мясистые. Разбираюсь в этом овоще. Тесть и тёща, Царствие им Небесное, русские болгары и перец выращивали отменный. Тесть рассказывал, раньше старики на базаре купят бутылку, а стакана нет под рукой, не долго думая, верхушку у перчины срезают и – наливай, поехали. В хороший плод граммов двести входит. Выпил, «стаканом» закусил...

Рассказал батюшке.

– Не пробовал, – засмеялся. – А с этим перцем целая история с географией.

И поведал историю с перцем и географией.

– Проблема из проблем для граждан – банковские кредиты, – начал рассказ батюшка. – Народ наш юридически тёмный, его и держат в безграмотности умышленно. Мало того, тёмный, ещё и наивный. Особенно молодёжь. В голове ветер, одним днём живут, понадобились деньги и рассуждают: а возьму кредит, как-нибудь потом выкручусь. Банкам только дай заманить в свои жульнические сети. Формула извест-

ная: без лóха жить плохо, без лохá жизнь плоха. Раньше ещё и на счётчики бандиты ставили. У Марата так и получилось. Он татарин, но сибирский, и то лишь на одну половину – отцовскую, по матери – самый что ни на есть русский. Михаил в крещении. Самого в церкви только на Пасху видел, а мать ходила и ходит на службы.

Как припекло, и Марат-Михаил прибежал:

– Батюшка, что делать?

Крупно задолжал. Берём чужие – а отдавать свои. Марат легкомысленно думал, возьмёт кредит, крутнётся (свой бизнес решил открыть), и погасит долг. Да пролетел. Банк полубандитский. По сути – все они бандитские. Потому-то православие считает грехом давать деньги под проценты. Марата начали прессовать. Как всегда в таких случаях посыпались звонки с угрозами жене, матери. Марат не знал, куда бежать, что делать.

Я, конечно, батюшка многогрешный, и всё же Господь по молитвам подсказывает... У Марата вышло как в задачке на логику. Девять точек ставятся на расстоянии друг от друга в три ряда. Получается – по три точки в каждом ряду. Стоит задача соединить все точки четырьмя линиями, с условием – не отрывать карандаш от бумаги. Крайние точки образуют квадрат, он-то и сбивает твою логику на стандартный подход. Начинаешь перебирать варианты в пределах квадрата. И так пытаешься, и эдак – ничего не выходит, линий получается больше. Решение состоит в сломе стереотипа мышле-

ния – надо выйти за границы квадрата. Запрета на это нет в условиях задачи.

Подобное бывает в жизненной ситуации. Нет выхода из проблемы в пределах привычной среды обитания, нужно покинуть её пределы. Говорю Марату:

– Пошли в храм, помолимся.

Помолились у иконы Николая Чудотворца, вернулись в келью, спрашиваю Марата:

– У тебя есть кто-то за границей?

– Сестра Муслима в Израиле.

– А если к ней поедешь, не будет против?

– Постоянно зовёт к себе.

– Так езжай.

Лет пятнадцать прошло с того разговора, Марат до сих пор в Израиле. Начинать с того, что устроился на работу к состоятельному деду-еврею. У того жена умерла, сын в другом городе. Дед хоть куда для своих лет – ни с ложечки кормить не надо, ни утку под него подкладывать. Ему понадобился домоуправитель. Многоцелевой. В одном лице сторож, охранник, дворник, водитель – на побережье деда свозить или за лекарством съездить. Дед неплохую зарплату положил. Марат начал высылать матери деньги, рассчитываться с кредитом. Выйдя из «омского квадрата», Марат ситуацию разругал. Потом и жену в Израиль забрал.

Мать Марата в благодарность каждой осенью мёдом меня снабжает, брат её пасеку держит, и отличным болгарским

перцем, который искусно выращивает у себя на даче. Как ни встретимся, повторяет:

– Спасибо, батюшка, если бы не вы.

А что я, Бог подсказал единственное правильное решение для Марата – уехать.

***

В ту нашу встречу стояла задача направить батюшку в русло разговора про учёбу в институте, накопилось немало вопросов. Про институт и армию любил рассказывать, но следовало нить беседы не упускать, батюшка из тех, кто как заяц петли накручивает. Материала много, историй всевозможных хватает. Напомнил батюшке – на чём остановились в прошлый раз – геодезическая и гидрологическая практика в селе Мочище. После первого разговора с батюшкой на эту тему, посмотрел в интернете, оказывается, название Мочище появилось оттого, что в стародавние времена местные жители мочили в озере лён. Умели наши предки сказать не в бровь, а в глаз.

Рассказал батюшке о своих топонимических изысканиях, он удивился, не доводилось слышать историю названия дорожного сердцу места.

И с удовольствием перешёл к рассказу об институте.

– После второго курса, – начал батюшка, – опять поехали в Мочище на гидрологическую практику. Как и на геодезической нас разбили на бригады. В нашей были я Казанцев, Егор Назаров, Миша Норкин, Таня Лосева, Люда Новичко-

ва, Лена Николаенко, Фарид Ризаев, Миша Ложкин, Люба Ушкова. Почти тот же состав, что и на геодезической практике, только на втором курсе Руслан Бойко ушёл в академический отпуск, а Витю Краско забрали в армию. Каждой бригаде выделили свой участок на Оби. Делали съёмку береговой линии, русла реки, промеры глубин. Утром позавтракали и на реку. В распоряжении каждой нашей бригады были ялы. При надобности мы заказывали для работ катер. Один был на все бригады, со своей командой. На складе брали геодезические приборы. Начинаем работать на реке, там же отдыхающие на пляже. Красиво. Хорошо. Плохо стало в постсоветские времена, довелось побывать там в конце девяностых. Как Мамай прошёл по нашей базе, дому отдыха. Есть в наших правителях страсть разрушать. Советская власть начала с того, что принялась рушить храмы, монастыри. Нынешняя – уничтожает заводы, сельское хозяйство, образование.

В конце практики зачёт, ни раньше, ни позже у Мишки Норкина приступ аппендицита, утром идти сдавать, а ему не до гидрологии, боль страшная. Дело безотлагательное. Вызываем машину, Казанцев мне:

– Вези!

Надо так надо. Отвёз Мишку, сдал в больницу и быстрее обратно, тешил себя надеждой к концу зачёта успеть. Опоздал, отстрелялась моя бригада.

Смотрю, преподаватель на автобусную остановку идёт:

– Кузнецов, где тебя носит?

– У Норкина, – говорю, – приступ аппендицита ни раньше, ни потом, отвёз в больницу.

– Зачётка с собой?

Молча мне зачёт поставила.

Мне везло по больницам развозить. Таня Лосева, это на третьем курсе случилось, в положении была, ей скоро рожать, она до последнего ходила на занятия, девчонки вообще у нас все старательные учились. Ко мне подошла, тихонько шепчет:

– Виталя, никому не говори, у меня, похоже, схватки начинаются, воды пошли, найди, пожалуйста, чистый кусок ткани, в роддом надо ехать.

– Давай, – говорю, – свой номерок в гардероб, сейчас поедем.

Бегу в гардероб, по пути залетел в лаборантскую к химикам, они мне отчекрыжили хороший кусок марли, отдал Тане, потом поймал такси.

В роддоме Таню быстро увезли на каталке, меня успокаивают:

– Папаша, только не волнуйтесь, всё будет хорошо!

– А я и не волнуюсь, – говорю, – спокоен как удав перед кроликом! Пусть папаша волнуется!

– А вы кто?

– Ответственный в НИИВТе по беременным! – с дурковато серьёзным видом доложил. – По родильным домам девок развожу! Эти студентки то и дело рожают, увеличивают на-

селение Новосибирска, вот и приходится быть на подхвате.

Смотрят на меня – на самом деле так или сочиняю на ходу.

Таня сына родила. Муж не знал, как благодарить меня, встретимся, обязательно начинает рассыпаться в благодарности «спасибо-спасибо».

– Да я-то что, – скажу, – вы с Танькой молодцы! Давайте и дальше продолжайте арифметику, а я завсегда готов в роддом везти, теперь уже и опыт появился.

Но они не продолжили арифметику.

Таня всё удивлялась – я, как ни приеду на встречу выпускников, у меня пополнение в семье.

– Ну, ты, Кузнецов, и молодец! – восхищалась. – И не останавливайся!

– Дак я с тобой прошёл практику по доставке в роддом, после этого ничего не страшно, вожу и вожу матушку без усталости!

Муж Татьяны подарил мне фляжку никелированную поллитровую, тогда это было страшным дефицитом. Но кто-то в общаге у меня её спёр.

А Мишу Норкина, которого с аппендицитом отвозил, звали Миша-йог. Йогой занимался. Был не от мира сего. Аскет и умница. Чувствовалось, в голове у него постоянно что-то варится, и думает Миша не о всякой чепухе. Держался сам по себе, особняком. Невысокого роста, не по годам степенный. Хотелось называть его Михаилом Ивановичем, хотя бы в шутку. Учился более чем хорошо. В отличие от большин-

ства из нас спортом не занимался, но запросто садился на шпагат, показывал замысловатые позы йогов. Не скажу, были с ним близкими друзьями, но нет-нет Миша приходил ко мне в комнату, побеседовать. Я был не таким начитанным, как он, Миша разбирался в музыке, живописи, ходил на концерты симфонического оркестра, выставки картин. Симфонические концерты я не посещал, а в картинную галерею, бывало, вместе с Мишей и Казанцевым ходили. Миша позвёт, мы идём.

Был он человек с юмором, мог под Ленина сыграть:

– И что, батенька Виталий Ефимович, – спросит меня, картавя, – как у вас с историей партии дела обстоят?

Приходил чаще в нашу комнату поздно вечером. Дела сделает, захочется поговорить. Бывало, улягусь, а Миша заходит. Сядет на кровать:

– Вы, батенька Виталий Ефимович, не суетитесь, не надо мне кресло пододвигать, тем более у вас его нет, и чай не предлагайте, как говорится в народе: сыт чаем по горло, молока давай!

И начнёт рассказывать, как он, к примеру, летом ездил в Красноярск, ходил на Столбы. Всю хронологию событий досконально изложит. Всё-то он помнил по времени, по мельчайшим событиям. Рассказывает, а я думаю, когда ты уже, «батенька», закончишь? Спать хочется, предыдущую ночь в столовой на кирзаводе дежурил, толком не выспался, но терплю. С Мишей надо было жить дружно, я у него тек-

сты английские, те самые «тысячи» брал. Мы с ним железно договорились, он сдаёт, я забираю. Никому другому не даёт – только мне. Английский я по-честному никогда бы не сдал. В школе, можно сказать, не учил. Из одной сельской школы в другую переходил, в одной вообще не было учителя, в другой поучила-поучила да в декрет ушла, беда с англичанками была. Миша – находка для меня, выручал постоянно.

А ещё мне крупно повезло, на третьем курсе преподавателем английского была сестра Вити Доровских, с которым на первом курсе жили в одной комнате. Витя после армии, на два курса старше. Я рассказывал, как у них в комнате, как самый молодой, по магазинам бегал. Витя и позже по старой памяти мог заглянуть в нашу комнату:

– Виталя, не в службу, а в дружбу, сбегай за бутылкой, мы тут с ребятами стогошили.

– Да запросто, – скажу.

Казанцев ворчал:

– Что ты как мальчик на побегушках! Отшил бы его!

– Володя, – скажу, – длинно всю логическую цепочку моих «побегушек» рассказывать, устанешь слушать. А мне не тяжело прогуляться.

Не без умысла просьбу выполнял, дело подошло к экзамену, я к Доровских подкатываю:

– Витя, замолви слово сестре, у нас экзамен по английскому.

Витя в своём стиле:

– Молодой, не мандражируй, считай, пятак у тебя в кармане.

– Не надо пятака, ты что! Мне маленькую-маленькую еле заметную троечку, еле заметную, лишь бы не завалить. В школе практически английского не было!

– Я тебе сказал, молодой, всё будет как в аптеке! И не морочь мне голову!

Как не мандражировать, сестра у Доровских женщина строгая, на экзамен пришёл, сам думаю: вдруг Витя забыл сестре сказать. Билет взял, начал отвечать, тук-мык, что-то мямлю. Она послушала-послушала, смотрю, пишет в ведомости «отлично». У меня глаз выпал, едва за руку не схватил: не надо «отлично». Стыдно перед ребятами, Казанцев «хорошо» получил, а его английский и мой разве можно сравнить! Если и ответил, на трояк не больше.

Миша Норкин узнал о моём успехе, сказал с укоризной:

– Ну, батенька, ты жук! «Тысячи» всю дорогу попрошайничал, сам оказывается!

Миша был непревзойдённым англичанином в группе. Половину песен «Битлз» знал наизусть. В общежитии почти в каждой комнате магнитофон, и обязательно записи «Битлз». Спросишь у Миши, о чём та или иная песня, сходу переведёт. Разбирался в английских диалектах. Мог с сестрой Доровских заспорить на английском о ливерпульском диалекте. Миша в любом деле профессор. А по жизни непритязательный, нос не задирает, на Зейскую ГЭС (об этом обязательно

расскажу) с нами ездил, бетонщиком работал. В перерыве сядет в позу лотос, роба брезентуха и – лотос...

Упокой, Господи, душу раба Божьего Михаила и даруй ему Царствие Небесное. Я и отпевал Мишу. Лечили от одного, а болезнь в другом. До шестидесяти не дожил. Работал в Омском пароходстве. Частенько мы с ним виделись. Или я к нему в пароходство зайду, а то он в собор в келью мою заглянет.

– Ну что, отец Виталий, – скажет, – достойно есть, достойно пить будем!

– Запросто, – поддержу питейную тему. – Я-то не буду, мне ещё всюнощную служить, а тебе могу кагора кружечку одну-другую-третью налить.

– Наливай, отец Виталий, чайку покрепче! Это благодатнее для нас с тобой!

Лучше меня знал Библию, святых отцов, разобрался в богословии, в иконописи. Если увидит незнакомую икону, обязательно разузнает, чей лик на ней изображён. Говорили с ним о конце света, современном состоянии церкви. Грустно иронизировал по поводу фарисействующих в миру и в церкви. Мыслил всегда нестандартно, неожиданно, не любил шаблоны, брать безоговорочно на веру. От Миши первого, пожалуй, услышал аргументы в пользу эпохи сталинизма. В девяностые годы как только не полоскали, не поносили вождя народов. Заговорили о нём, я начал про коллективизацию, тридцать седьмой год, на что Миша возразил:

– А ты не задумывался, как это оказалось, что под ноль разрушенная Гражданской войной страна вдруг стала индустриальной, образованной, деревенские пацаны выучились инженерами, учителями, главными конструкторами ракет и самолётов, генералами, маршалами. Наш институт не когда-нибудь, в ту самую эпоху, в 1951 году образовался. Кто-то очень старается выпятить в той эпохе одно и затемнить, убрать, замолчать, исказить другое. Вождь народов Гитлера заломал. А победителей не любят. Ой, не любят. Та же Америка всячески пытается примазаться к победе, но понимает, кто одолел Гитлера. И злится.

У Миши и о Солженицыне было мнение, отличное от распространённого, как-то в беседе затронули эту тему, он говорит:

– Давай мы с тобой порассуждаем. Солженицын умный человек, не желторотый юнец из глухомани, он позиционировал себя глобальным мыслителем, как это он в письмах с передовой допускал откровенные крамольные высказывания? Неужели не знал, что есть цензура? Сто процентов знал. Высшее образование, офицер, капитан. Мой отец рядовым воевал и то знал. Тогда что? А то, что попахивает самострелом. Ну, попаду под трибунал, зато останусь живым. Так рассуждал. А если человек подловатый в одном... Я был на встрече с ним в Омске, когда он ехал из Владивостока в Москву, тоже шоу устроил – заграничный гуру спустился с вершин учить тёмный народ, как ему жить надо. Ух, как

взмыл от вопроса из зала: «Александр Исаевич, не получилось – вы метили в коммунизм, а попали в Россию?» Будто углей в штаны насыпали, подскочил! В больное ткнули... За это его запад на щит поднимал, жить безбедно давал... В Россию он попал...

В церковь Миша ходил не сказать, что часто. Исповедовался, но не у меня, причащался. Много раз обращался ко мне, кого-то из знакомых или родственников понадобилось крестить, отпеть, жилище кому-то освятить.

Отличная у нас была группа, отличные ребята на курсе. И преподаватели в большинстве своём... Легендарной личностью был декан нашего факультета Павел Николаевич Орлов. Я ещё не родился, он уже стал деканом гидротехнического. Доцент, кандидат технических наук. Высоченный и как Котовский лысый. Выйдет из своего кабинета в коридор, лысую голову из самого дальнего угла видать.

– Полундра, парни, – кто-нибудь скажет, – Паша идёт!

Лучше куда-нибудь юркнуть, не попасться на глаза. Особенно если звонок уже прозвенел:

Попадёшься под горячую руку, врежет, несмотря на все твои спортивные и другие заслуги:

– Кузнецов, ага, ты что тут прохлаждаешься, почему не на занятиях?

Было у него в речи это «ага». То и дело вставлял!

– Пять минут, ага, как лекции начались, а ты филонишь!

Не доходя до кинотеатра «Победа», был кафетерий, лю-

били заскакивать перекусить. Продавались булочки, посыпанные дроблёными кедровыми орешками, с кусочком масла внутри. Булочка разрезается и туда масло. До того вкусные, до того сытные. Парочку с кофе уплетёшь и можно горы свернуть. Одно плохо, после кафетерия сломя голову бежишь на занятия. Пока своей очереди дождёшься, пока кофе пьёшь. Я ещё такой по натуре – сначала тяну до последнего (успею, чё там), потом лечу язык на плече. Бывало, наскочу на Павла Николаевича, он заагакает по своему обыкновению.

– Это что мы, ага, совсем краёв не видим? Закон для нас не писан? Когда взбредёт в голову, тогда и появляемся в институте! Звонок для кого звенел? Для меня?

Или вызовет к себе:

– Кузнецов, ага, я бы этим твоим проектом тебе морду набил. Его в руки противно, ага, взять, запачкаться можно. Иди и переделывай!

Он на третьем курсе «Водные пути и порты» преподавал. Над курсовым я корпел-корпел, и на тебе – «иди и переделывай». А куда денешься – пришлось доводить до ума. А вообще Паша как отец родной для нас был. Мог наорать, но за каждого боролся, так просто не отчислял никогда. Если только человек вконец обнаглел, учёбу забросил. А секретарша Павла Николаевича – Клавдия Федоровна Гашникова – матерью была. Казалось бы – кто я ей, абсолютно чужой человек, нет, думала обо мне, заботилась, общежитие организо-

вала на первом курсе. В то же время – гроза общежития. Заявится как снег на голову, только порог переступит, уже слух по всем этажам: полундра, Клава пришла! Особенно длинноволосые парни в разные стороны разбегались. Клава увидит – прощай причёска.

Сопrotивление материалов читал Викентий Викентиевич Варнелло. Тоже легендарная личность. Один из дедов института. Шутка ли – в молодости участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа. Доктор наук, профессор. И принципиальный, за красивые глазки ни за что не сдашь сопромат, но и не злой. Известное дело, студенту только дай повод над преподавателем подшутить. У Варнелло дикция хромала, вместо сечение, вращение, кручение говорил сечение, врасение, крусение. Поначалу хихикали на лекции, потом привыкли. Но при случае не могли не поиронизировать. Привычным делом было услышать от сотоварищей: «Ты сесение, врасение, крусение думаешь сдавать или как?» Умер Варнелло скоропостижно, во сне. Лёг спать здоровым, а утром не встал. Царствие ему Небесное.

По электрооборудованию был Карпенко, звали за глаза – Карпуха. И не переваривали его. Сначала старшекурсники про него страсти рассказывали, а потом на себе узнали. Мог запросто всю группу на экзамене завалить. В нём была и гордыня, и комплексы... Поговаривали, разлад в семье, то сходятся с женой, то расходятся... Ему доставляло удовольствие над студентами поизгаляться. Казанцев говорил

в сердцах: «Прищучить бы Карпуху в тёмном месте! Да настучать по кумполу». Но я Карпенко сумел обвести вокруг пальца. Предмет – голову сломишь... Электрооборудование шлюза или корабля – там столько всего... А ты должен знать, что когда включается, выключается, запитывается... В экзаменационном билете два вопроса и схема. Чуть начинаешь путаться при ответе – иди «два». На что Казанцев голова и то с первого захода не сдал. У него в институте раза два всего случилось несдача. Карпуха всю группу завалил. Не в настроении был. У него было заведено, листы, на которых мы ответы писали, выдавал свои. Хорошо, не подписывал их. Я приглядел, какие у него – тетрадные. На пересдачу пришёл с ответами в кармане. Пришил к подкладке пиджака носовой платок размером с тетрадный лист, получился отличный карман, в него ответы на все билеты поместил. Карпуха усаживал нос к носу к себе. Его стол, а ты перед ним за своим столом. Беру билет, сажусь. У меня путеводитель в ладони, маленькая бумажка, на которой написано, сколько надо отсчитать листов, чтобы достать ответ. Я тихонько вытащил нужные листы, под чистые листочки, что Карпуха выдал, сунул. На чистых что-то пишу, чиркаю, потом нужный листок сверху положил. Маленько почиркал для правдоподобного вида – будто родился в творческих муках. Электросхему, что в билете, проработал.

Карпуха мне:

– Ну что, Кузнецов, отвечать будешь? Или не готов?

– Да готов, – начинаю заикаться, картину гнать, – но боюсь, как бы не ошибиться. Может, поможете немного, я сопоставлял одно с другим...

Включаю всё актёрское мастерство. Делаю испуганный вид – вызвать снисхождение удава, перед которым кролик трясётся.

Начинаю отвечать. Он послушал:

– Ну, правильно ведь. Вижу, учил.

– Учил, ночь не спал, но маленько перемешалось в голове.

– Давай второй вопрос, первый твёрдо сдал.

Ух, прокатило. Второй начинаю. Тоже заикаюсь, хотя один к одному с лекции списано.

– Вот здесь, – говорю, – не уверен, вроде вот так должно быть!

– Не вроде, а так и есть! Правильно! Схему давай.

– В прошлый раз мне такая же попадалась, я вот здесь ошибку сделал.

Уже не жду его реакции, уверенно говорю:

– Ток вот сюда идёт, эти реле срабатывают...

Он меня перебил:

– Ладно, иди.

Гора с плеч. Ребята в коридоре со всех сторон:

– Не сдал?

Я грудь колесом:

– Почему не сдал – четыре балла!

– Да ты что?!

– А что тут удивительно! – свысока на всех смотрю. – Заниматься надо! На лекции ходить, лабораторные не пропускать. А то мы всё норовим на дурачка сдать. Учить надо, а не прохлаждаться по кафе! Я вам скажу, Карпуха нормальный мужик! Зря на него наговаривают!

Казанцев готов был пришибить меня!

Гидравлику Долгашов читал. Проект сдаёшь, он посмотрит-посмотрит, сунет тебе логарифмическую линейку – пересчитывай. А то и сам начнёт проверять с линейкой. Всех приучил пользоваться логарифмической линейкой. По сей день могу. Как-то вещи перебирал и попался артефакт, начал старшим детям показывать, как считать с логарифмической линейкой, они смеются – каменный век.

И ещё один легендарный преподаватель – Сергей Иванович Галкин. Вёл строительную механику. Интеллигент до мозга костей. Доктор наук, профессор, а никакой заносчивости. Культура во всём, в речи, в отношении к студентам, голос на тебя никогда не повысит. И преподаватель идеальный, всё у него чётко до мелочей.

Он участвовал в проектах создания новых самолётов, разрабатываемых фирмой Туполева, делал расчёты. Время от времени летал в Москву.

Стоим однажды с Казанцевым в коридоре, группа вся в аудитории, звонок прозвенел, а Галкина нет. Наконец показался в конце коридора, к нам подошёл:

– Вы меня извините, к Туполеву летал. Самолёт из-за

непогоды задержался. Вот опоздал, извините.

Мы с Казанцевым снисходительно:

– Да ничего-ничего, бывает.

Думаю, был Галкин из потомственных интеллигентов. Выделялся из преподавателей. Разве сравнить с тем же Карпенко. Галкин месяца два у нас уже читал, когда случайно узнали, он лауреат Государственной премии. Ни словом об этом не обмолвился, от Клавы узнали. Никогда не козырял, что с легендарным Туполевым работает.

Позже Галкин перебрался в фирму Туполева в Москву.

В подавляющем большинстве хорошие преподаватели нас учили. Единственный, подлая душонка, – физик. Начал на первом курсе приставать к Любе Ушковой. Воспылал страстью. Давай предложения откровенные делать. Дескать, ты мне, а я тебе пятак поставлю на экзамене... Люда Новичкова ко мне подошла, так и так. Я к ребятам... Не дали в обиду. Люба заявление написала, ребята пошли к ректору – Володя Казанцев, Витя Краско, Руслан Бойко... Физика быстро наладили из института... Не то что в случае с профессором консерватории, который моей дочери начал домогаться, не он, а она в конечном итоге ушла из консерватории, мы, наоборот, отстояли товарища...

Зея, Буря, мак, василёк

Сижу у батюшки Виталия в келье, заходят женщина и мужчина среднего возраста, с ними девчущка-егоза, лет пяти от роду. Женщина говорит:

– Вот, батюшка, твоя Надежда.

Надо сказать, в батюшкиной келье порой набивалось человек по семь-восемь, больше не было посадочных мест. Он придерживался технологии: пришёл к нему посетитель – заходи. Даже если, с кем-то ведёт разговор, всё равно проходи. Секретов нет, вдруг пришедшему тоже полезно послушать. Отец Иоанн, настоятель храма, под его началом батюшка служил много лет, неоднократно отчитывал: превратил келью в проходной двор, вечно народ торчит.

– Покаюсь ему, – вспоминал батюшка, – мол, не буду так делать, а всё равно. Не могу я прогнать человека: жди в коридоре. Будто он к чиновнику пришёл. Если надо ему со мной один на один поговорить, посидит со всеми, подождёт. Случалось, посидит-посидит, послушает беседы с другими чадами, а потом скажет: батюшка, я всё понял.

Духовные чада с девчущкой-егозой были, как потом выяснилось из медицинской среды, дантисты, владели клиникой. После слов женщины: «Вот, батюшка, твоя Надежда», – мужчина поднял брови:

– Не понял?

– Ну как же, – посмотрев на меня, улыбнулась женщина, – не проводи батюшка с нами работу, Нади у нас с тобой не было.

В своё время они пригласили батюшку Виталия освятить помещение клиники, с той поры он стал их духовным отцом. Соберутся ехать в отпуск или в другую поездку обязательно берут у него благословение. Сыну поступать в медицинский университет, тоже пришли: благословите Максима. Серьёзные дела без батюшки не решали.

Но однажды отец Виталий «наехал» на духовных чад, рассказывал об этом так:

– Говорю им: «Вам по сколько лет? По сорок. Я в этом возрасте только женился, а у меня пятеро детей. Вы двадцать лет в браке и всего-навсего один сын! Молодые совсем, а крылышки уже сложили! Не заметите, как Максим получит диплом, скажет вам: гуд бай, мама-папа, и упорхнёт в ту же Москву! И что тогда? Одни будете куковать?»

Не прошло года, дантисты родили Надежду. У её отца память оказалась короткой, забыл, кто надоумил «крылышки расправить», потому-то и удивился словам жены – «батюшка, твоя Надежда».

Когда духовные чада ушли, батюшка посетовал, Максим, сын их, стал к другому священнику ходить.

– Отец Сергей моложе меня, может, из-за этого. Не так стесняется Максим, исповедуясь в каких-то вопросах. Опять же отец Сергей не знаком с его родителями.

***

Тема нашего разговора с батюшкой в тот день была его практика после третьего курса. Батюшка человек азартный, рассказывая, может войти в азарт, соскочить с места. Воспоминания об институтской молодости частенько сопровождаются такими эмоциональными всплески. Не исключением стал рассказ о практике на Зее.

– Практика после третьего курса – это что-то, – начал батюшка Виталий. – Наш факультет в институте стоял наособицу, готовил не только речников, но и одновременно строителей. Не зря как бы два названия: гидротехнический или водные пути и порты. Готовили специалистов, которые кроме всего прочего могли проектировать и строить порты, шлюзы, плотины, причалы и другие подобные сооружения. Практика после третьего курса относилась к теме строительства. Будущие многопрофильные речники должны оценить почём фунт изюма на стройке. В тот год на факультете сформировали стройотряд для работы на самом что ни на есть гидротехническом объекте – строительстве Зейской ГЭС.

Половина нашего курса, сорок человек, одели в стройотрядовскую форму с эмблемой, где фигурировала Зейская ГЭС. Стройотрядовская форма – особый шик. В Новосибирске как лето – полгорода в ней. У каждого института своя эмблема. Помню, после Зеи приехал к отцу в Богданович, всю дорогу щеголял в стройотрядовской куртке.

Ехали на Зею железной дорогой, обратно самолётом, а ту-

да вагон целиком заняли. Это был вагон щенячье радости, счастья, безмятежности. Позади курсовые, зачёты, экзамены, впереди безразмерное лето! Да что там впереди, оно везде – припадай к окну и любуйся! Половодье зелёного шума накрыло Западную и Восточную Сибирь, а также Прибайкалье, Забайкалье, Дальний Восток. Стучат колёса на стыках, в окна врываются запахи тайги, степей, Енисея, Байкала, Амурса... Четыре дня пути. Вагон последний в поезде, в торце тамбура окно. Встанешь напротив и смотришь, как полосато убегают назад шпалы, уходят к горизонту отполированные до блеска рельсы. «А я еду, а я еду за туманом, за туманом и за запахом тайги». Песни в вагоне звучали с утра и до позднего вечера (гитаристов пруд пруди). И конечно разговоры, и, само собой, постоянное броуновское движение-хождение из одного купе в другое по одному и целыми компаниями.

Миша Норкин придумал считалочку:

Зея, Буря, мак, василёк!

Едем с песня́ми на Дальний Восток!

Роза, берёза, тополя пух!

Кто сидит на печке, тот лопух!

Шпалы мелькают, колёса стучат!

Катит на Зею наш стройотряд!

Зея, Буря, мак, василёк!

Ждёт не дожётся нас Дальний Восток!

На правом берегу Зеи стройотряды выделили фронт работ – участок будущей плотины. Задача: подготовить в скальном грунте ложе плотины, на которое укладывается бетон. По технологии должно быть идеальным. Чтоб ни одной трещинки. Выбирали их, отбойными молотками вгрызаясь в скалу. Комиссия приняла, дала добро на бетонирование. Я, и ещё двое наших, Егор Назаров и Миша Ложкин в Новосибирске окончили курсы сварщиков – мы варили арматуру, ребята заливали бетон. Работали в три смены. Своя столовая, девчонки наши готовили.

Жили в палатках, девчонки – в вагончиках, мы – в палатках. Было ещё несколько студенческих отрядов на стройке, у каждого свой городок. Рядом с нами стоял мединститут из Владивостока. Командовал нашим отрядом Миша Извеков. Мой постоянный секундант на соревнованиях по боксу. Миша вообще исключительный организатор, я уже говорил, что он много лет руководил крупным проектным институтом. И боксёр с головой. Настоящий секундант не только с полотенцем бегают. Видит состояние противника, сильные и слабые его стороны. Миша соображал мгновенно и давал дельные советы, как лучше вести бой. И командиром отряда был отличным. Мы никогда не простаивали и очень хорошо заработали.

Наш лагерь стоял на краю поляны. Когда мы его обустроивали, нас предупредили: будьте бдительны, не исклю-

чены инциденты с местными. Я сунул под кровать хороший берёзовый дрын. Кулаки кулаками, да один вид дрына может отрезвить ретивого забияку. Особенно, если он с толпой единомышленников пожаловал. И-таки пожаловал. Крепко сплю, вдруг шум за стенами палатки и призыв: «Полундра, местные». Я отбрасываю одеяло, просыпаясь на лету, хватаю дрын. Вооружившись, выскакиваю из палатки, бегу на шум. Следом ещё человек двадцать...

Утром оказался героем анекдотов.

– Шура местных нижним бельём распугал!

Парни успели что-то натянуть на себя, я как был в трусах, так и выскочил. Трусы белые, полуспортивные, ночь лунная.

– У Шуры семейные трусы парусами развеваются, дубина народной войны в руках! А ещё лысина сверкает!

Лысина – это особая статья. В то время кумиром молодежи был ансамбль «Битлз». Заслушивались музыкой «ливерпульской четвёртки», равнялись на их длинноволосые причёски. В большинстве технических вузов имелась военная кафедра, офицеры не признавала никаких «Битлз», «Роулинг Стоунз», заставляли стричься под армейский формат – накоротко. В НИИВТе военки не было, ходи, как хочешь. Что мы и делали. Кто-то до плеч отращивал волосы. Правда, не совсем «ходи как хошь», свободу ограничивали комитет комсомола и деканат, следили за внешним видом. Длинные волосы расценивались как тлетворное влияние запада. Больше всего боялись мы Клаву, Клавдию Федоровну – сек-

ретаршу деканата, говорил уже, она время от времени заявлялась в общежитие, вооружённая ножницами, и не успокаивалась, пока одному-другому, попавшему под руку «волосатику» причёску кардинально не поправит. Увидит, подзовет к себе... Убегать – себе дороже. Нельзя портить отношения с таким могущественным человеком. Выстрижет из роскошной причёски клок, после чего бедолага, проливая слёзы об утраченной красоте, отправлялся в парикмахерскую.

Сдав сессию после третьего курса, мы с Володей Казанцевым решились на отчаянный шаг для проверки силы духа. Хоть в чём-то не идти слепо в толпе, скованной одной цепью, поплыть против течения. Для чего Володя предложил остричься наголо. Это был вызов всему и вся. В то время встретить в городе наголо постриженного было практически невозможно даже среди стариков и детей старшего садиковского возраста. Прическа «под ноль» ассоциировалась с человеком, побывавшим в вытрезвителе, или зеком, который только-только вышел из зоны. Да и то последние старались задрапировать свои причёски кепками.

Мы с Володей добровольно отправились стричься налысо. Так как оба занимались боксом, до плеч волосы не отращивали, но всё одно довольно длинные носили. Меня однажды наша Клава обкарнала своими ножницами. Но и тогда я насыло не стригся. Попросил парикмахершу максимально длинные оставить. Приходим с Володей в парикмахерскую, мастер, молоденькая девчонка, своим ушам не поверила:

– Да вы что, мальчики! Зачем наголо? Вы такие симпатичные! Вы, наверное, шутите.

Казанцев тут же придумал, что нас взяли в кино снимать в роли зеков. Он умел красивые истории сочинять для девушек.

– Ну, тогда, конечно, – уважительно посмотрела на нас парикмахерша. – Искусство требует жертв.

Первым на алтарь искусства была принесена причёска Казанцева. Парикмахерша старательно оболванила «артиста». Когда в мою шевелюру запустила машинку, Володя решил усилить тест на проверку силы духа:

– Для большего эффекта давай ещё побреем головы.

Сказано – сделано.

В нашем детстве был фильм «Банда бритоголовых», мы с Володей как из той банды, сверкая свежевыбритыми лысынами, вышли из парикмахерской. В общаге был поначалу шок, а потом нас подняли на смех. Чего только не наслышались.

– Вас что в вытрезвон замели?

– Неужели пятнадцать суток впаяли?

Старались не обращать внимания на насмешки, продолжали укреплять силу духа индивидуумов, которым наплевать на людскую молву. И по городу ходили без кепок с гордо поднятыми лысыми головами, ловя на себе недоумевающие и пугливые взгляды прохожих. Милиционеры смотрели на нас с подозрением.

Я в стройотряде дал повод для дополнительного веселья.

Бритоголовый, в трусах, с дрыном над головой погнался за местными хулиганами. Те как увидели орду студентов во главе со мною, дали стрекача, не стали вступать в сражение, уклонились от боя. С того раза больше ни разу не появлялись на горизонте. Так что берёзовый дрын пролежал без дела оставшиеся полтора месяца. Но все полтора месяца, как спать укладываемся, какой-нибудь острослов непременно бросит:

– Шура, ты главное свои белоснежные надень, вдруг опять местные нагрянут!

Или:

– Шуру надо отпросить от ночных смен, без его устрашающей лысины и нижнего белья нам кранты.

Уже и волосы более-менее отрасли, всё одно короче, чем у всех.

А от третьей смены я и сам бы с удовольствием отказался – самая тяжёлая.

А вообще, мы успевали всё. В свободное время играли в футбол. Зея город небольшой, но двенадцать футбольных команд участвовало в городском турнире. Команды выставили строительные управления, автопредприятие, Зейская ГЭС... Мы тоже играли... Бокс я тоже не забывал, привёз две пары боксёрских перчаток, грушу. С Мишей Извековым спарринги устраивали.

Одно из развлечений – ходили в Зею на базарчик. Что удивительно – китайцы попадались среди торговцев. Страшная

редкость в то время. Нынешней молодёжи сей факт покажется фантастическим, на уровне – быть такого не может, чтобы китайцы редкость! Тогда за исключением Москвы в любом другом месте Советского Союза проще было столкнуться с негром из Нигерии или Чада, чем с китайцем. Это сегодня желтолицых граждан Поднебесной от тайги до всех наших морей тьма-тьмушая, куда ни плюнь – в китайца угодишь. Тайгу валят под самый корешок, рыбу выгребают до последнего рака, землю, выращивая непонятно на каких химикатах непонятно какой вредности овощи, губят. Подход всё пожирающей саранчи из апокалипсиса. При этом ни одного китайца не встретишь в церкви, ни одного – им чуждо православие. В Гражданскую войну, кто нередко был заплечных дел мастерами у красных – китайцы. Посему не хочешь да начнёшь задумываться на досуге, если завтра Китай отдаст команду тем своим согражданам, которые в России: «Все под ружьё и вперёд», – мы на каких врагов будем ракеты направлять, когда миллионы их среди нас? По детству помню плакат – китайский и русский рабочие стоят рука об руку, надпись под ними: «Дружба навек». Лет десять век продолжался, потом куда что делось? В 1969 году вчерашние друзья посыпали мурашами с автоматами да пулемётами через границу. Русские воины дали им прикурить на острове Даманский. А потом ещё «Градами» хорошо посыпали китайскую территорию. Поджал Китай хвост с лозунгом: Сибирь до Урала наша. И китайцы, что жили в Советском Союзе,

куда-то исчезли.

Только на рынки Дальнего Востока, получается, просачивались, с зеленью и другой мелочью...

Частенько мы ходили компанией в город на танцы, были на концерте Иосифа Кобзона. Ему устроили экскурсию на строительство ГЭС и подвели к нашей бригаде, даже сфотографировался с нашими девчонками. Люда Новичкова недавно выставила то фото в «Одноклассниках».

Наш институт отличался в XX веке тем, что в любом городе, где протекала судоходная река, на флоте работали выпускники НИИВТа. Не было ни одного случая, чтобы я, попадая в Красноярск, Хабаровск, Казань, Тобольск не нашёл кого-то из наших. В Зее студенты-судоводители НИИВТа проходили практику на корабле. Они нашему стройотряду устроили выезд на Гилюй – приток Зеи. Утром отвезли, вечером забрали. В Гилуюе я, было дело, едва не пошёл на дно. К нам в стройотряд частенько приходил испанец Раймонд. Сам с Кубы, родители гидростроители, а он учился в Горьковском институте водного транспорта. Их стройотряд тоже работал в Зее. Раймонду нравилась Люда Новичкова, она полшутя отвечала на его ухаживания. Раймонд увязался с нами на Гилюй, и – слава Богу. Кстати, Люда потом встретила его в США. Столкнулись в Нью-Йорке на Махеттене и узнали друг друга. Тесен наш шарик земной.

Мы с Раймондом надумали Гилюй переплыть. Никто нас не поддержал. Миша Ложкин попытался меня образумить:

– Ты что ку-ку?

Я оказался на самом деле «ку-ку»... Обь не один раз переплывал. Решил и Гилюй добавить в коллекцию. В районе Новосибирска Обь раза в два шире Гилюя. Тогда как течение не сравнить... Важный фактор не учёл по своей легкомысленности. Плыву изо всех сил, а полное ощущение, стою на месте: ни тпру, ни ну, ни кукареку... Вода тащит со страшной силой, берег нисколько не приближается... Запаниковал, натуральным образом запаниковал. Кабы не Раймонд... Кубинец плыл впереди, потом увидел, я отстаю, вернулся и поплыл рядом. Начал подбадривать: «Ты потихоньку-потихоньку, не торопись, потихонечку работай». Я успокоился от его слов, всё-таки не один... Стал размеренно руками работать, вперёд продвигаться... Испанец моей комплекции, а плавал лучше. Тяжело бы пришлось, не поддержи он вовремя. Самоуверенно посчитал: что там Гилюй, раз Обь могу перемахнуть! Выносливость у меня есть, силёнка имеется, как-никак боксёр, мне всё нипочём... Одним словом, позайчился...

Собираясь с сокурсниками в Новосибирске на юбилей по случаю окончания института, обязательно вспоминаем стройотряд, поездку через полстраны, работу на Зее, песни под луной на берегу... Золотое время... И, конечно, вспомнят дорогие мои друзья-товарищи полную драматизма картину: сверкая лысиной я в белых трусах и с берёзовым дрыном разгоняю хулиганов...

Кстати, после стройотряда впервые попал в Омск. Направлялся к отцу в Богданович. До Свердловска на самолёте, в Омске пересадка. Утром прилетел, во второй половине дня рейс на Свердловск. Побродил по городу, погулял по набережной. Ни одна жилка в душе не ёкнула, ничто не шевельнулось: вот бы жить на Иртыше! Город как город, ничего особенного, река да – отличная для судоходства... И только... А через несколько лет связал судьбу с Омском...

Не будь пустоцветом

Я ехал в собор на встречу с отцом Виталием. Стоял благодатный день. Первая декада августа баловала теплом, солнечными днями. До условленного времени оставалось полчаса, я решил прогуляться, вышел из автобуса двумя остановками раньше. Город жил летней жизнью. Под разноцветным зонтиком за столиком сидела торговка с квасом, бодрящий напиток наливала из сверкающего никелем бочонка, поставленного прямо на асфальт. Шагах в десяти не скучала ещё одна торговка – мороженым. Улицы украшали женщины в лёгких платьях, мужчины были в светлых брюках, рубашках с коротким рукавом, молодёжь в шортах. Лето.

У ворот церкви скучал нищий с пластиковым стаканчиком в руке. Всё стало одноразовым, даже кружка нищенствующего.

Батюшка сидел в келье на диване, вытянув ноги... Выглядел уставшим... Предыдущую неделю служил в соборе, в текущую крестил, выезжал на требы. Только что вернулся с отпевания.

– Я Вику крестил шестилетней девчонкой, – начал рассказ. – Вчера звонит отец и как обухом по голове – просит отпеть. Глупая, страшная смерть. Лежит в гробу красивая молодая женщина. А вокруг полные жизни молодые красивые люди. Так и хотелось сказать, что вы делаете со своими

родителями?

Вике тридцать лет. Состоятельные родители. Поехала с компанией отдыхать. Нашей молодёжи вбивается в голову – живите в кайф! Они лезут вон из кожи, придумывая себе этот кайф. Друг пригласил Вику покататься на квадроцикле, перед этим подвыпил, море по колено, сел за руль, а машина мощная, тяжёлая. Не справился с управлением, квадроцикл слетел с дороги, перевернулся и всей своей массой на них. Врачи ничего не смогли сделать.

Умная, образованная, успешная, а я отпеваю её, вместо того, чтобы венчать... Мать рассказала: в мечтах о венчании Вика только меня видела священником: «Только батюшка Виталий». Я этого не помню, но, оказывается, Вике при крещении, ей было семь лет, пообещал: «Подрастёшь, станешь невестой, повенчаю». После крещения расспрашивала родителей, что такое венчание? Почему платье у невесты обязательно белое? Зачем венцы держат над женихом и невестой? Ей бы выйти замуж в двадцать, ну в двадцать два года... Зачем девушке тянуть – после окончания университета заводи семью, строй отношения с мужем. Не с друзьями бы гоняла на квадроциклах, а поехала к морю с детьми, мужем. Вместо того, чтобы держаться храма Божьего, мы как обезьяны копируем пустое западное, эти развлекаловки: ночные клубы, шоу, квадроциклы, скутера, гоняемся за пустяками, проходя мимо главного... Это остро понимаешь, когда смотришь на такую Вику в гробу...

В келью заглянула пожилая женщина.

– Сейчас-сейчас, – поднялся батюшка, а мне сказал: – Минут на десять-пятнадцать отлучусь.

Я решил подождать на улице. Солнце слепило глаза, на небе стояли разрозненные облачка. Хорошее время сибирское лето, но с первыми днями августа закрадывается в сердце грусть. В июне какая бы ни стояла погода, живёшь надеждой – впереди целое лета, ещё будет тепло, ещё погреемся, подышим луговыми ароматами, насладимся ласковой прохладой речной волны. Август приходит, и ловишь себя на мысли: летние солнечные дни могут быть последними. Ночи прохладные, по утрам туманы. Налетят северные ветра, принесут дожди и союют остатки лета...

Батюшка вышел из собора, мы вернулись в келью.

– Давай чайку попьём, – предлагает он, достаёт из тумбочки печенье.

Мы пьём чай. Батюшка молчит. Я не лезу с вопросами, чувствую, не время. А потом напоминаю о теме нашего разговора. Он какие-то мгновения думает, улыбается чему-то своему и начинает рассказывать:

– После четвёртого курса была преддипломная практика, проходил её в изыскательской речной партии в Томской области, на Чулыме. Поездом доезжаешь до Асино, дальше едешь в посёлок Первомайское, через реку переправляешься на пароме, и вот он пункт назначения – посёлок Беляй, с его техучастком. Для несведущих: техучасток – это органи-

зация, обеспечивающая судоходство на данном отрезке реки.

Поехал на практику в «малиннике» – я и три девчонки: Люда Новичкова, Лена Николаенко, Иринка Шамонаева. Меня поселили в общежитие, а их в домик. Что отдельный – хорошо, да отопление печное. А девчонки городского замеса, увидели печь – запаниковали: ой-ой-ой, не будем топить – угорим! Про угарный газ слышали, на этом печные познания закончились. На дворе не лето, май – фуфайку не снимай, околеешь, если печь не топить. На четвёртом курсе учебный процесс был подогнан под навигацию, к её началу мы сдали экзамены и на практику. В мае днём солнце может до футболок раздеть, а ночи холодные, фуфайка не помешает. Так что, пока тепло не установилось, каждый вечер наведывались к девчонкам, протапливал печь... Ужинали, чай гоняли... Славные в группе девчонки были – скромные, строгие, умницы... Не дал им замёрзнуть в Беляе, кроме того местных парней отшивал, если начинали донимать.

В Беляе в затоне стоял заводик, специализировался на строительстве брандвахт, кроме этого ремонтировал суда. Не знаю, как сейчас, в семидесятых годах прошлого века жизнь в посёлке была ключом, народ трудился, веселился, молодёжи полным-полно. День речника – всенародный праздник, весь посёлок, а каждый житель так или иначе имел отношение речному флоту, праздновал.

Посёлок расположен в живописном месте: гора, подгор-

ная часть, Верхний Беляй, Нижний Беляй. Девчонки на горе жили, а я внизу. К пристани подходили теплоходы. Было это не так часто, в день, может, один раз. Поэтому всегда событие. Вот теплоход появляется в створе реки, обязательно звучит музыка на нём. На пристани среди встречающих, отъезжающих и провожающих, начинается радостное возбуждение: дождались, корабль прибыл.

В Беляе Бог уберёт меня от убийства. Не знаю, как бы повёл себя в самый последний момент, не знаю – только настроен был с ружьём устанавливать справедливость. Но не в открытом бою.

Установочным мастером техучастка, бакенщиком работал матёрый зек Степаха Угольников. Мужик под пятьдесят, по молодости, как рассказывали, не один срок отмотал. Весь в наколках, голова квадратная, свинячьи глазки, физиономия – один раз увидишь, больше не захочешь. Жена у Степахи ему под стать – два сапога пара, оба на левую ногу. Нелюдимая, исподлобья сверлит тебя глазами, а руки, как у мужика, пальцы короткие, широкие, хваткие. У Степахи крепкий дом стоял в посёлке, кроме того на острове бакенскую избушку себе соорудил. Основательная, надо сказать, избушка. Размером с хороший дом. Летом чаще на острове Степаха обретался. Пиратская заимка да и только. В его распоряжении находился установочный катер. На нём гонял по реке. И всю округу держал в страхе. С ним боялись связываться. Законы для Степахи были не писаны. В советские

времена трактор не разрешалось иметь в частной собственности, Степаха наплевал на запреты. Был у него во владении собственный «Беларусь». В другом месте такой фрукт не задержался бы, на чём-нибудь погорел, а тут медвежий угол, живёт как король. Буи расставляет, за бакенами следит. Обязанности свои выполнял, а что плохо лежало, тащил в своё кулацкое хозяйство. Мог украсть стог сена, чужую тёлку завалить. Грешили на него местные, но поймать с поличным не могли. И браконьерничал без зазрения совести.

Сына Степаха воспитал в таком же духе – бери от жизни всё, ты её хозяин. Сын работал старшим техником в изыскательской партии. Начальником партии был Дима Мухаметшин, за два года до этого наш институт окончил. В Беляе жил в общежитии. И меня к себе в комнату взял:

– Подселят неизвестно к кому, пошли ко мне. Комната у меня большая. Вдвоём веселее.

За месяц до нашего приезда в Беляй, случилась трагедия. При нас суд состоялся. Работала в изыскательской партии красивая девушка. На комсомольском вечере в клубе сын Степахи пригласил её на танго, она отказалась. Он взбеленился, как это ему отказали! Пошёл домой, взял охотничий нож, и у клуба три раза девушку в сердце ударил. Не таясь подошёл и убил девчонку. До чего надо быть зверем, зная, что тебе это даром не пройдёт, убить.

Дима как начальник изыскательской партии выступал на суде свидетелем. Дал характеристику убийце. Сказал, что

человек неуравновешенный, натура своевольная, властная. Убийце дали пятнадцать лет.

Степаха прямо на суде сказал Диме:

– Начальник, знай – я тебя грохну.

Раза два заезжал я на Степахин остров, однажды попросили спецовку по пути ему завезти, в другой раз – лодочный мотор... Степаха оба раза со злой ухмылкой бросал:

– Начальнику передай – всё равно завалю его. Этого дела так не оставлю.

– Ведь посадят! – скажу.

– Я не дурнее вас! Сделаю – не докажете...

В открытую грозил.

С Димой на моторке мимо острова идём, Степаха увидит, обязательно кулак покажет.

Дима подумал-подумал, видит – не унимается, не на шутку затаил Степаху зло, и решил уволиться.

Мы с Димой сдружились. Он хоть и начальник партии, но ко мне относился на равных, из одного института, много общих знакомых, с Фаном – Ваней Рымаренко – они земляки, из Семипалатинска оба.

– Да что ты поедешь? – горячо убеждал его. – Из-за этого бандюгана жизнь ломать? Ты на своём месте, дело хорошо поставлено, в пароходстве на хорошем счету, глядишь, в Красноярск заберут. Люди тебя уважают, ценят.

– Понимаешь, либо я, либо он. Третьего не дано. Жить под страхом, что тебя в любой момент могут прикончить,

не хочу. Каждый день просыпаться с мыслью... Если бы он один раз сказал в запале, нет, держит эту мысль, лелеет...

У меня созрел план.

– Давай в два ружья его и концы в воду! Он браконьерничает по ночам. На лодке подкараулим и в два ружья – по нему и по его лодке. Река всё скроет. Почему ты должен страдать? Он как упырь присосался... Ворует, браконьерничает в два горла. И сынок такой же. Неужели ты должен был говорить на суде, что его выродок случайно, сам того не желая, три раза ударил ножом девчонку? Должен был выгораживать убийцу, говорить, она сама виновата – спровоцировала неразумное Степахино дитяtko на убийство. Так что ли? Прикончим эту гадину! Освободим белый свет! Весь Беляй перекрестится, никто жалеть не будет, сколько он подлостей наделал.

Я был возмущён до глубины души и готов на самые решительные действия. Почему люди должны терпеть этакого уркагана? Сын его человека жизни лишил, а он Мухаметшина изводит угрозами.

Говорили, Степаха в лагере человека убил, кроме этого его подозревали в ещё одном убийстве, совершённом в молодости в Асино. Следствие тогда не смогло собрать достаточных улик.

Слава Богу, Дима не согласился. В середине навигации он передал дела и уехал.

Степаха при встрече злорадствовал:

– Наложил начальник в штаны! Свалил подобру-поздоро-

ву. И правильно. Раньше или позже кончил бы его!

И смеялся, сверкая железными зубами. Так и подмывало врезать ему по самодовольной физиономии.

Зато светлые воспоминания остались от общения со шкипером брандвахты Виктором Ивановичем Неворотовым. Я большую часть времени жил на брандвахте. Она в одном месте постоит недели две, в другое перебазируемся. Места живописные. День пройдёт в заботах, а вечером расположимся на палубе. На реке тишина, вода струится вдоль борта, заросли тальника по берегу, а дальше тайга... Луна поднимется... У Виктора Ивановича была охотничья лайка, Чулымом звали, непременно тут же с нами на палубе. Ляжет и слушает, о чём мы беседуем.

Любили мы кофе пить по вечерам. Вроде бы, какой кофе перед сном? Только ни мне, ни Виктору Ивановичу крепкий напиток на сон не влиял, поэтому завели ритуал – поздно вечером ставим на палубе столик, стулья. Кофе тогда был в дефиците. Виктор Иванович договорится с продавщицей плавмагазина, она уважаемому человеку привезёт несколько банок. Сидим, наслаждаемся. Я любил со сгущённым молоком, а ещё лучше – сливки сгущённые... Виктор Иванович как начнёт рассказывать. Он в прошлом в кавалерии служил. Есть присказка: ноги колесом, как у кавалериста. У Виктора Ивановича ноги, как у гимнаста, но ходил враскачку. Несколько лет провёл в седле, воюя с басмачами. Их банды орудовали в Таджикистане до конца тридцатых годов. Вик-

тор Иванович устанавливал там советскую власть. За отчаянную храбрость был отмечен высшей наградой кавалериста – красными шароварами. Орден это хорошо, но его издалека можно и не различить, а когда кавалерист в красных штанах, сразу всем видно – герой. И саблей искусно владел, и меткой стрельбой из винтовки по врагам отличался.

Перед войной с Финляндией отправили его в школу снайперов. Окончил, а тут война подоспела, где можно в деле проверить приобретённые навыки. Финский снайпер ловчее русского оказался. Слава Богу, не на сто процентов ловчее, метил в лоб, да рука дрогнула, пуля вскользь прошла. Осталась вмятина, пустяк, в общем-то, за густыми волосами и не разглядишь благоприобретённый дефект черепа, хуже другое – левая кисть у Виктора Ивановича разладилась. Что-то задела финская пуля в голове. Сжимать пальцы сжимались, а разгибать приходилось при помощи правой руки. Это не мешало Виктору Ивановичу охотиться. Стрелял снайперски. За утками пойдём, я сообразить не успею, он уже ружье опускает – готова утка. Пёс Чулым изнывал без охоты, и стоило Виктору Ивановичу взять ружьё, начинал прыгать, винтом ходить от радости. Собака отменная. Местные ясашные – чулымцы – корову за неё предлагали.

– Друг не продаётся, – отказывал всякий раз Виктор Иванович.

Соболя с Чулымом бил, ходили за бобром, лосем. Бывало, и на медведя. В активе у Виктора Ивановича было восемь

мишек. Не специализировался на них, но при случае охотился. Утиную охоту Чулым не признавал. Подстрелю крякву, на озеро упадёт, а осень, вода холоднющая, думать не хочется не то, что лезть в озеро. Попросишь: «Чулым, будь другом, сплавай». Он такими глазами посмотрит. Дескать, взрослый мужик, а дурью маешься, на всякую чепуху заряды тратишь. Всё же достанет, презрительно бросит тебе под ноги.

Если я затрагивал тему Бога, Виктор Иванович говорил:

– Жить надо по совести. Не предавать. Не осуждать. Други помогать. Мельчает душой человек, всё под себя норовит загрести. Будто две жизни намерено... Мама говорила: страха Божьего у людей не стало... И ещё повторяла: карманов в гробу нет...

Тайгу знал, как свой огород, относился к ней бережно, с уважением, учил:

– Тайга, Виталий, кормит, лечит, душу врачует, относись к ней по-человечески, ответит тем же.

В Беляе в соседях у Виктора Ивановича жила пожилая женщина, Елена Ильинична, отличалась рассудительностью, правильной речью. Ходила с прямой спиной. Я ей несколько раз помогал по хозяйству. Картошку в подпол ссыпал, подгнившую доску на крыльце поменял. Сделаю, обязательно за стол посадит, накормит, поговорим. Много позже, вспоминая наши разговоры, пришёл к выводу, была она из духовного сословия. Сама не из Беляя, с Кемеровской области. Муж давно умер. Детей Бог не дал. В красном углу висела икона

Пресвятой Богородицы с лампадкой. Помню, в первый раз подошёл образ посмотреть и на автомате перекрестился, рука сама пошла. Вспомнил свою бабушку и перекрестился. Из-за этого или ещё почему, Елена Ильинична мне иконку медную подарила, Николая Угодника. Виктор Иванович удивился:

– Смотри-ка, Елена Ильинична человек серьёзный, первому встречному-поперечному ни за что такой подарок не сделает, даже не показала бы икону, в руки не дала, а тебе... Цени.

И ещё наставлял:

– Виталий, ты обязательно женись.

Я делился планами, дескать, хочу по свету побродить, посмотреть мир. Женишься – на якорь встанешь и всё, не до дальних странствий...

– Не будь пустоцветом, – выслушав меня, говорил Виталий Иванович, – обязательно женись.

Сетовал, сам поздно завёл семью, в сорок лет, а надо бы лет на десять раньше.

Жена его, Елизавета Андреевна, была младше на восемнадцать лет, работала поваром у нас на брандвахте, родила ему двух сыновей и двух дочерей. Пару раз, приезжая в Новосибирск к сыновьям, Виктор Иванович заходил ко мне в общежитие, привозил солёную и вяленую рыбу. Мы с ним переписывались до самой его смерти. Когда я сообщил, что стал священником и женился, он написал: «Виталий, дай Бог

вам с женой деток, больше, чем у нас с Лизой».

Получилось – больше.

Умер он в восемьдесят пять лет. До последнего мы регулярно переписывались. Дети его не любили письма отцу писать, а я с удовольствием. Что интересно, дочь его, Катя, вышла замуж за Толика Лисина, курсом младше меня учился, в общаге жили в соседних комнатах. Бывало, ходит грустный. Что такое? Оказывается – поиздержался студент, сидит без денег. Займу. А то и сам у него перехвачу. На пятом курсе узнаю, он женится на девушке из Беляя.

– Кто такая? – спрашиваю.

– Катя Неворотова.

Пути Господни неисповедимы.

Они на Ангару в Мотыгино уехали, когда Толик окончил институт, в Мотыгино инженером водным работал на техучастке.

А ещё в окрестностях Беляя мы с сокурсницей Иринкой Шамонаевой вели археологические раскопки. Иринка в школе занималась в археологическом кружке. Узнала, что поблизости есть курганы и древние захоронения, загорелась:

– Вот бы поработать на них. Знаешь, насколько это интересно погружение в прошлые века!

Я вызвался помочь и заразился археологией. Распределившись на техучасток в Нижнеянке, тоже раскопками занимался. Иринка права: неповторимое чувство, когда находишь артефакты, которым сотни лет. В Омске завёл знаком-

ства среди археологов и краеведов, делал зарисовки для них. По берегам Чулыма часто встречались курганы, захоронения древние. В выходной, а то и в будни, если появлялось время, возьмём лопаты, другой инструмент и на вёсельной лодке с Иринкой плывём. По сути – чёрные копатели, но мы раскопки вели аккуратно, по науке. Кроме этого заходили в деревни, спрашивали церковные книги. Иринке старушка отдала икону Спаса Нерукотворного. Бабушке за девяносто лет и сестра у неё такая же. Иринке говорит:

– Возьми, доченька! Некому мне передать. Все безбожники. А ты при случае, глядишь, и помянешь меня, рабу Божию Марию. И записочки мои, попрошу тебя, подай в церкви в Новосибирске своём...

Написала записки на проскомидию. Имён пятьдесят «о здравии», ещё больше «о упокоении».

Записки после практики я подал в церкви. Иринка попросила, она в церковь не заходила, а мне долго ли.

В одной причулымской деревне с дедом разговорились, он отправил меня на чердак:

– Посмотри-ка, где-то была матушкина книга. Как умерла, у меня рука не поднялась в печку бросить.

В ящике из-под посылки нашёл Евангелие без обложки, но в хорошем состоянии. Качественная бумага. Буквицы цветные в каждой главе. По сей у Иринки хранятся та икона, подаренная рабой Божьей Марией и Евангелие с чердака.

Иринка была замужем, муж в армии служил. Отношения

между нами были чистые. Если девчонка чистая, ты ведёшь себя с ней соответствующим образом. По сей день поздравляем друг друга с праздниками. Иринка двоих деток вырастила, теперь уже внуков воспитывает. Время от времени присылает мне деньги – подавать записки в нашем храме на проскомидию, молебны, заказывает сорокоусты о здравии и упокоении.

Кстати я её тоже крестил в компании с Володей Казанцевым. А третьей была Лена Николаенко. На пятом курсе произошёл со мной драматичный случай, до суда дошло, Лена очень мне помогла. Запросто могли посадить, но об этом в следующий раз поговорим.

Кемеровчанин Борис

В тот раз, планируя встречу с бабушкой, позвонил ему накануне Рождества Пресвятой Богородицы. Бабушка предложил встретиться после Воздвижения Креста Господня. Это престольный праздник их собора, перед ним, как сказал бабушка, толком поговорить не удастся, обязательно отвлекут, лучше по окончании торжеств. На том и порешили. Сентябрь выдался непостоянным. Отметился осенними дождями, несколько дней лило как из ведра. В середине месяца ночные заморозки заторопили огородников с уборкой урожая. И всё же порадовал сентябрь теплом, да ещё каким. В последнюю декаду пришла золотая осень. Во всём своём роскошестве. Синее небо, жёлтые или огневые шапки деревьев и по-летнему щедрое до двадцати пяти градусов тепла солнце. Просто доставай уже залежавшиеся в тесноте комодов и шкафов футболки, лёгкие брюки и ходи, дыши полной грудью летним воздухом. Молодёжь так и поступала. Ждать и ждать (до мая точно), когда снова народится такое же безудержное солнце, поэтому пользуйся последним теплом. Под лёгким ветром роняли золото берёзки и тополя. Отговорившие все свои разговоры листья падали в прозрачном воздухе на зелень газонов. И почему-то вспомнились строки псалма: «Человек, яко трава дние его, яко цвет сельный тако оцветет».

В моей записной книжке было много вопросов к батюшке – о его детстве, учёбе в институте, но почему-то с первых минут вышли на тему тупиковых ситуаций в жизни, приводящих к мыслям о самоубийстве. Известно, в храм редко в первый раз идут с радостью. И хорошо, в случаях, когда земля начинает уходить из-под ног, последней надеждой видят церковь.

Батюшка поведал несколько историй на данную тему. Начал с Бориса-кемеровчанина:

– Чуть больше тридцати лет ему было, среднего телосложения, нос уточкой, светлые волосы. Как познакомились? Вечером после службы собрался домой, выхожу из кельи, перед храмом стоит молодой мужчина. Лёгкая курточка, джинсы, разбитые в хлам кроссовки. Сам весь потухший, в глазах пустота.

– Вы что-то хотели? – спрашиваю.

Плечами пожал.

– Пойдём, – говорю, – в храм.

Пошёл походкой, будто босиком по острым камням ступает. В храме спрашиваю:

– «Отче наш» знаешь?

Кивнул утвердительно.

– Тогда давай помолимся.

Помолились. Начал он мне рассказывать про себя. Захочешь – не придумаешь. Спрашиваю:

– Ты откуда такой?

– Из Кемерово.

– Когда приехал?

– Пешком пришёл.

Я посчитал – где-то под Омском есть деревня Кемерово, тёзка столицы Кузбасса. В Челябинской области есть село Париж, а у нас, подумал, Кемерово.

В том-то и дело, что нет. Борис из Кузбасса на своих двоих притопал.

Тот случай, когда человек потерял интерес к жизни. Пять лет в браке, детей Бог не даёт, мать Бориса с его женой (втроем в одной квартире), как кошка с собакой. Ни одна не уступит, ни другая. Евангельским словам: «Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть», – в наше безбожное время мало кто из родителей следует. По идее: женили сына, выдали замуж дочь – всё, до свидания, это не ваша плоть. Ничего подобного, норвят всё также крутить чадом по своей мерке. Как же – раз они родили, вынянчили, значит, имеют полное право. Борис оказался между двух огней. Парень спокойный, сдержанный. Потом сам себе удивлялся, как до такой грани дошёл... Невмоготу стало мужику, просто край. На машине едут по Кемерово, мать с женой сцепились, одна требует – ездай одной дорогой, другая в корне не согласна, свой маршрут назначает. Искрятся обе, вот-вот вспыхнут. Борис ударил по тормозам, бросил руль с криком: «Идите вы все!» Выскочил из машины...

Сколько дней шёл – не знает. Тупо шагал и шагал. Какие-то деньги в кармане были, в придорожное кафе зайдёт, чаю попьёт, пирожок съест. Ночевал где придётся: под деревом, между валками сена, в дождь в автобусной будке.

Я выслушал и предложил деньги на билет в Кемерово.

– К прошлому возврата нет, – отказался. – Лучше в петлю, чем туда.

– В петлю, – говорю, – никогда не поздно. Если на прошлом поставил крест, мы тебе здесь организуем настоящее. На приходе бабушек привлечём, без интернета найдут варианты новой хозяйки. Это мужика-холостяка стоящего днём с огнём не сыскать, с женщинами проще.

Ничего Борису не надо – ни прежней супруги, ни новой жены. Дело к ночи, забираю его домой. Тогда у меня было уже четверо детей, жили у тёщи всемером в двухкомнатной квартире. Борис кроссовки в коридоре снял, а там жуть – на ногах места живого нет, сплошь мозоли. И волдыри, и кровавые... Жена, тёща увидели – заахали, заохали. Тут же давай лечить. Примочки, присушки, ванночки.

На полу ему постелили, утром после завтрака повёл Бориса в гараж. Если человек интерес к жизни потерял, перво-наперво надо отвлечь от дурных мыслей. Один из способов – занять делом. Борис автомеханик, я и решил: пусть руками поработает.

– Борис, вот моя машина, – говорю, – что-то двигатель бахлаит. Я, честно сказать, в этом деле чайник. Посмотришь?

– Хорошо, батюшка.

В точку я попал. Не зря мы с Борисом Господу Богу молились.

С той поры моя жена, как ни придёт в гараж, вздыхает:

– Эх, Бориса нет.

Он машину починил, в гараже порядок навёл. Познакомился с мужиками, соседями по кооперативу. Причём и он им помогал, и они ему. У одного болгарку взял, другой дрелью помог, третий стальными уголками поделился. Борис полки в гараже сделал. Не знаю, что его жене надо было, тот редкий случай, когда руки золотые, а горло не дырявое. Мужики потом говорили, сколько не приглашали Бориса острограмиться, ни разу не составил компании.

С ребяташками моими возился, младшего из садика несколько раз забирал. У того страсть к поездам. Жили в километре от Транссибирской магистрали. Из садика тащит туда Бориса, тётке некогда прихвати внука праздновать, а Борис идёт. Сын рано счёт освоил, поезд идёт, он начинает считать, сколько вагонов в составе. И счастлив, не передать! Любил грохот проходящих поездов, гудки электровозов. Потом всё спрашивал: «Дядя Боря, когда приедет?» Тётка на дачу позовёт: «Борис поедешь?» – «Конечно». Они хорошо сошлись. Парень смиренный, покладистый. Без работы не посидит, сам себе дело найдёт.

Смотрю, стал отходить. Поначалу не хотел он своим сообщать своё местонахождения. Не вернусь, говорил, к ним –

поезд ушёл, дымок растаял. Я не перечил, напирал: в Омске найдем тебе жену. Потом выведал у него телефон матери. Набрал номер, спрашиваю: вы мама такого-то? Она в крик: «Что с ним?» Заплакала в голос, как сказал, что Борис живой.

– Пока, – говорю, – не приезжайте, пусть отойдёт, отмякнет. Повремените.

Борис из тех людей, которые долго могут терпеть, носить внутри боль, потом взрыв и небо в алмазах. Неделя проходит, вторая... У нас он как член семьи стал. Утром за завтраком скажет: сегодня надо в гараже то-то и то-то сделать. Или в церковь его беру, на службе постоит, к настоятелю подойдёт, тот работу даст. В церкви всегда дел по горло. Парень рукастый и по железу, и по дереву. Оклемался. Домашняя атмосфера, молитва помогли. Спрашиваю: можно мама приедет? Разрешил. И мать что-то поняла, и жена сделала вывод.

В конечном итоге – вернулся в семью, всё наладилось. Не пришлось моим бабушкам Борису новую вторую половину искать.

Каких только случаев ни было. Татарин приходит. Фаридом, насколько помню, звали. Татарин казанский, и сам из Казани. Я ещё пошутил:

– Ты что, – говорю, – к православному батюшке притащился? Давай мулле нашему позвоню, я его знаю. Я в мусульманстве не спец.

Фарид замахал руками:

– Не-не-не! К мулле стыдно мне идти, я сам сын муллы. Не пойду. С вами проще мне будет.

Ему нужно было выговориться. Тоже семейные проблемы. Жена с гонором, дочь профессора...

Был случай, авторитет местный приехал. Заходит ко мне в келью, у него нога, наверное, сорок пятого размера, дорогие остроносые туфли с рантиком, а узкий носок блестящей металлической насадкой украшен. Первым делом в глаза бросились эти блестящие зауженные носки. Кто он такой, я знал. Изредка заходил в храм, свечей самых больших с десятков купит. От одного подсвечника к другому ходит. Зажжёт свечу, постоит. Спортивный мужчина. Не могу сказать, не знаю – исповедался он, причащался. При мне ни разу. В тот раз пришёл – мать умерла. Он растерялся. Братву в узде держит, а случилась трагедия в семье – не с кем поделиться, в церковь приехал.

Не мной замечено, а я на личном опыте знаю: женщина в крайности решительнее мужчины. И в суициде. Девяностые годы многое перемешали, какие-то семьи боролись за жизнь, сводя концы с концами, другие резко пошли вверх. Во втором случае стандартной сделалась ситуация. Он и она с двумя чемоданами начинали семейную жизнь. Как говорится, спали на раскладушке, и тесно не было. Кто пять, кто три года снимал углы, наконец, получили квартиру. Радости нет конца. Своя спальня, своя детская. Своя мебель. На отдых к морю или куда-нибудь на озеро Байкал съездить семьёй было

обычным явлением. Нормальная среднестатистическая здоровая жизнь. Оба работают, детки в садик-школу ходят. Шло бы так до пенсии, так бы и состарились, за детей радовались, внуками гордились, да перестройка всё перестроила. Муж оказался мужчиной не промах в новых условиях, голова на плечах варила, предпринимательский талант проявился. А мужчина в самом соку – сорок лет, энергии через край, он открыл своё дело. Появились деньги, новые возможности. Дом построил, пару квартир в центре прикупил, крутые машины, отдых на Мальдивах. Муж начал приходить домой среди ночи или под утро пьяным, с запахом чужих духов.

Таких примеров масса. У мужиков, на кого вдруг свалились деньги, стали нормой вот такие загулы... Кто-то врал жене – работа, деловые встречи, без которых дело не продвнешь, а кто-то начинал и на жену смотреть свысока, отшивал её вопросы: а какое твоё дело? Знай своё место! Закрутит мужика, понесёт: рестораны, бани, девочки на всё готовые... Жена сбоку припёку. Она в шубах, дорогих нарядах, на дорогой машине, дом полная чаша... Но...

Придёт такая:

– Что мне делать, батюшка? Жить не хочется! Незачем жить!

Что здесь советовать? Жена да убоится мужа своего. Господь терпел и нам велел. На мой взгляд, так, да не так. Ты образ и подобие Божье, не следует ронять себя, безропотно утираться, если тебе плюют в душу... По-христиански мно-

гое можно простить, но не всегда. Скажу такой женщине: ты не торопись! Поезжай куда-нибудь на острова экзотические, развейся напоследок. А лучше отправиться по святым местам – в Иерусалим, на Крит, на Корфу. Не спеши, потерпи, хотя бы ради меня. Пусти на самотёк, а Господь управит. Бултыхнутся в прорубь, накинуть верёвку – секундное дело... Одной посоветовал приласкать мужа сковородкой. Сносила его художества, он пользовался. Из себя шибздик, смотреть не на что, но гонору на четверых. Она, что интересно, воспользовалась моим советом – и помогло. Муж думал, всю жизнь будет помыкать, раз деньги носит, содержит, значит, хозяин. Она женщина интересная, видная, но из тех, о ком моя старшая дочь говорит – «домашнучие». Спокойная, терпеливая, деликатная. А тут взяла и звезданула сковородкой. Дама не мелкая и с тяжёлой рукой. Он не ожидал такого поворота, кинулся в драку. А кому там кидаться – метр с кепкой. Она ещё раз огрела. И пообещала прибить, если хоть раз руку на неё поднимет. Пошипел, пошипел и присмирел. Подействовала сковородка. Перестал хвост распушать перед женой – да кто я, а кто ты?! После удара сковородой, замкнуло нужное реле в голове.

Какие-то случаи начисто стираются в памяти. Недавно мужчина подошёл: батюшка так и так, помните я к вам приходил... И начинает рассказывать то, что, казалось бы, нельзя забыть. Но я не помню. Может, говорю ему, ты у другого батюшки был? Нет, говорит, у вас. А у меня ничегошень-

ки в голове. Тогда как случай с Мариной врезался в память. Было ей лет сорок пять, холёная, уважаемая женщина. Одежда, причёска, лёгкий шарфик на голове. В храме подходит и без вступлений:

– Батюшка, не хочу жить!

Стал разговаривать, что да почему – расплакалась. Замуж вышла в институте. Учились в соседних группах. Вместе распределились на крупный оборонный завод, она технологом, он, дабы квартиру быстрее получить – в цех, в мастера. Стремительно прошёл путь от мастера до начальника цеха. Человек решительный, не стал держаться за место, как только началось сокращение госзаказов, в отличие от многих, понял, это надолго, если не навсегда, открыл своё дело... До этого жизнь по ступенькам шла, вместе с женой поднимались, тут резкий скачок. Появились большие деньги. Начал фестивалить: рестораны, девочки, бани. А потом и вообще завёл молодую любовницу.

Дочь учится за границей. Родители у Марины умерли рано, ни сестёр, ни братьев, осталась в жизни одна.

– Никому я не нужна! – плачет. – Дочь от Европы без ума, сюда возвращаться не хочет! Я ему не нужна – старухой стала. Зачем жить? Ради чего? Просыпаюсь утром – пустота на душе. И ничего не хочется. Ни-че-го!

Я её спрашиваю:

– На машине?

– Да!

– Поехали.

Садимся. Она ключ зажигания повернула, на меня смотрит:

– Куда?

– Хоть куда. Лучше за город.

Машина тронулась. Через пять минут меня осенило. Называю маршрут, едем в северном направлении. Километров сорок проехали, перекрёсток. На обочине крест. Не поклонный. Попросил остановиться.

– Год назад, – говорю, – здесь погибли три парня. Один из них мой друг – Саша Багиев. Давай помолимся за упокой душ рабов Божиих Александра, Геннадия, Дионисия.

Вышли из машины.

Саша был из людей, вспомнишь – и светлеет на душе. Познакомилась, когда я его младшую дочь крестил. Кроме неё у него ещё двое было. Мы стали друзьями, хотя был он в два раза младше меня. За неделю до крещения дочери подошёл ко мне, сам в лёгкой рубаше, лето... Хорошо сложенный, спортивный мужчина. Оказалось, боксёр в недавнем прошлом. Пригласил его в келью. Разговорились.

Он стал бывать у меня в келье, а то домой заедет. Всегда благословение перед дальней дорогой или каким-то делом брал. Трепетно к этому относился. Заходил ко мне или звонил, сообщал, если ехал куда: батюшка, помолись как за путешественника. В тот раз я считал, он в Москве. У него были проблемы с бизнесом в Омске. Бандитов у нас в высоких

кабинетах хватает. Бросили его в СИЗО, чтобы отобрать дело. В СИЗО прессовали зверски. Мясорубку устроили парню. Кое-как друзья и отец вызволили. Кто бы только знал, как ему тяжело пришлось после всех унижений. Несколько дней отходил у меня в келье. Придёт:

– Батюшка, побуду у тебя. Никого не хочу видеть. А здесь никто не найдёт.

Страшно тяжело Саше было.

Потом уехал в Москву. У меня совета спрашивал: возвращаться или нет? Сиди, говорю, там, пока не светись в Омске. В Омске наездами появлялся. Всегда мне сообщал, как в Омск собирался.

Вдруг жена его звонит:

– Саша погиб.

– В Москве? – спрашиваю.

Думал он там.

– Нет, под Омском.

Он прилетел на два дня. У друга родился сын, пригласил отметить. Компанией поехали за город, в рыбачий домик. Друзья на двух джипах, Саша взял машину у жены. Погода не заладилась, собрались на катере поехать на острова, порыбачить, речным воздухом подышать. Июнь, а дождь по-осеннему зарядил – льёт и льёт. В первом часу ночи решили возвращаться в город. Перед этим выпили. Это не остановило. Позвонили на пост ГАИ, там знакомые гаишники стояли.

Был предупреждающий знак – Саша потерял ключи от ма-

шины. Обшарил карманы, в домике посмотрел, в машине во все углы заглянул. Наконец отыскал – за сиденье завалились. Перед этим ночным рейсом из Москвы прилетел, не спал толком, да ещё выпил. Правильно поначалу рассудил: лучше ему за руль не садиться. Отдал ключи товарищу, Гене Соколову, дескать, поведёшь машину. Я знал Гену, Саша знакомил. Спокойный парень. Он почти не пил в тот вечер. Гена взял ключи. Машина спортивная, скоростная – «ягуар». Гена поначалу согласился вести машину. Но потом, когда сумки сложили и собрались ехать, вернул ключи Саше. Тот взял. Они вдвоём приехали в домик на «ягуаре», в обратную сторону к ним третьим Денис напросился. Он хотел купить себе «ягуар», решил проехаться на нём хотя бы пассажиром.

Ночь тёмная, небо тучами обложило. Поначалу Саша ехал за джипами, потом обогнал, пошёл первым. Впереди Т-образный перекрёсток, второстепенная дорога на трассу выходит... Как Саша забыл про перекрёсток, как прозевал его, надо вправо поворачивать, а он как нёсся по прямой, так и полетел с дороги. И всё бы, возможно, обошлось... Впереди поле... Но когда-то на обочине стоял щит с указателем. Щита давно не было, бетонный фундамент остался, машина в него влетела. Все трое умерли сразу...

У креста рассказал Марине о Саше. Дети мои его очень любили. Кто-то скажет, дети всех любят, кто подарки приносит. Всех да не совсем. Ребёнка не проведёшь: подарок от души, от любви, с желанием сделать радость, или с умыслом,

показать себе и другим, какой даритель хороший да щедрый. Помню, дочь при нём обмолвилась, у подружки удобный со-
товый телефон. Саша запомнил, через несколько дней при-
носит такой же мне в церковь, передай. Был щедрый на всё.
На подарки, на тепло. Другой человек час с тобой побудет, ты
как выжатый лимон, Саша мог полдня в келье просидеть, и
нисколько не утомляло его присутствие. Наоборот, чувству-
ешь душевный подъём.

Отслужил я литию у креста придорожного, говорю Мари-
не:

– Видишь как бывает: человек любил жизнь, любил жену,
души не чаял в своих ребятишках – две дочери и сын – хо-
тел жить... Но Господь призвал к себе. Почему – никто не
скажет. А ты хочешь руки на себя наложить... Сатане душу
отдать... Красивая, обеспеченная, умная...

Ещё и на кладбище её затащил.

– Время есть, – спрашиваю.

– Да.

– Поехали.

У Саши на могиле отслужил литию.

Она говорит:

– А на могиле моих родителей можно?

Поехали к её родителям, на другое кладбище. Связь с
усопшими наставляет нас, дисциплинирует, заставляет це-
нить жизнь.

Скромный памятник, могила ухоженная. Придраться не к

чему.

– Молодец, – похвалил, – бываешь здесь. Наверное, – говорю – некому больше за ней смотреть!

– Нет, – говорит и добавляет, – хочу, чтобы меня рядом с ними похоронили. Здесь моё место.

Больше Марину в храме не видел. Что с ней – не знаю. На том кладбище бываю в родительские дни, там Миша Норкин похоронен. В последний раз в Троичную субботу заезжал. Всегда подхожу к могиле родителей Марины, недалеко от входа. Отец с матерью по-прежнему одни лежат и могилка ухоженная.

Встать, суд идёт

В ту нашу встречу прихожу к батюшке в келью, он улыбается чему-то своему. И говорит:

– Ты меня постоянно просишь вспоминать интересные случаи, сегодня пришло на память, как наши женщины записали меня в чудотворцы, которые воскрешают мёртвых.

Батюшка начал рассказывать, как пустили о нём слух, будто поднимает на ноги умирающих! Человек отходит, одной ногой в могиле, родственники со дня на день в гробу выносить собираются, а батюшка придёт, окрестит, и снова болезный жив-здоров, чего и всем желает.

Первый в череде чудесных, передаваемых из уст в уста слухов. произошёл с ветхой старушкой. Она была из тех, кто родился сразу после Гражданской войны. Церковь в их деревне ретивые комиссары закрыли к моменту её появления на свет Божий, бабушка прожила нехристью семьдесят с лишним лет. На восьмом десятке обезножила, год лежит, второй, третий, дело к смерти, но бабушка ни туда и ни сюда. Знатоки посоветовали родственникам окрестить болезную – Бог не хочет некрещёной старушку принимать. Батюшку Виталия пригласили для совершения таинства. Он окрестил, потом причастил и даже пособоровал. Зять болящей тихонько батюшку спрашивает: «А она как скоро умрёт после соборования?» И сообщает, что место хорошее на кладбище при-

готовлено, так сказать, ждёт не дожждётся хозяйки. Батюшка возмутился: «Да не торопись ты хоронить. Всяк может быть! Глядишь, ещё попляшешь с дорогой тёщей гопака или другой народный танец! Откуда мы можем знать волю Божию!» Через два дня зять едва дара речи не лишился. Открывает калитку, а тёща с крыльца спускается, матрас тащит на просушку. Потом от неё приветы батюшке года два передавали.

Посрамил Господь маловеров.

Вскоре после «воскрешения» старушки, пригласили батюшку ребёночка крестить. Прогноз врачей был неутешительным. Действительно, в чём только душа держалась – воробышек, казалось, возьми в горсть, весь уместится, меньше килограмма весом. Маленький, красненький, недоношенный воробышек под прозрачным колпаком лежит. Отец с матерью, бабушки с дедушками носами хлюпают – не жилец. Ждали-ждали его, четыре года не могла молодая мамаша зачать и вот, как не береглась, совсем недоношенным родила Артемия.

– Я ещё переспросил, – рассказывает батюшка, – Артём? Нет, уточнили, Артемий. Вы плакать прекратите, – говорю, – раньше времени ни к чему слёзы лить. На всё милость Божья! Всё промыслительно! Для Господа Бога ваш Артемий не проблема. Для врачей проблема, а для Него нет. Молитесь, просите Бога.

Определился батюшка с именем: Артемий так Артемий. Крестик на крошку не наденешь, символически обозначил

акт надевания, медсестре наказал, чтобы в головах как-то повесила.

– Через два года приводят в церковь розовощёкого бутуза, – рассказывает батюшка, – «Узнаёте, – спрашивают, – нашего Артемия?» А он стоит, насупился. Серьёзный парень. Сейчас Артемию лет пятнадцать, велосипедным спортом занимается.

– Матушку маршала Язова не воскресил, – улыбается батюшка. – Она отходила уже, пригласили исповедовать, причастить. Мне говорят: ты причасти, пусть определится – туда или сюда. «Мария, – говорю, ты меня слышишь, понимаешь? Какой-нибудь знак дай!» Она руку мою сжала с силой. «Все, – говорю, – понял». Над кроватью парадный портрет Язова. «Какой, – говорю, – у тебя сын красавец!» Она опять руку сжала. Когда исповедовал, на мой вопрос или руку сожмёт, или глазами знак даст. Видно сразу – волевая женщина. А отпевать владыку Феодосия пригласили. Причащать маму последнего министра обороны Советского Союза можно и рядовому батюшке поручить, отпевать – митрополиту.

Много было случаев у батюшки, когда милость Божья открывалась. С Антоном Басовым более десяти лет дружат. Батюшка взял по ипотеке квартиру, Антон вызвался довести жильё до ума, отделать квартиру: «Батюшка, только я и никто другой! За честь сочту». И отлично всё сделал. Началась дружба с того, что Антон умирал. Работал бригадиром на стройке и надорвался. Не рассчитал силы при переноске тя-

жестей и попал на операционный стол. Сделали три операции, после чего хирурги подвели итог: больше нет смысла оперировать. И ничего утешительного родственникам не пообещали. Как раз наоборот: готовьтесь к худшему. Антону ни до чего дела нет – в коме. Сёстры его и жена, как услышали «готовьтесь к худшему», вспомнили – Антон не крещёный. Всё отмахивался – потом-потом. «Потом» наступил, дальше тянуть некуда, сегодня-завтра помереть может. Батюшка приходит в больницу, жена, сёстры у реанимации в слезах: «Ой, батюшка, поспешите, того гляди умрёт наш Антоша». – «Вы что как по покойнику плачете? – напустился на них батюшка. – У Бога милости много. Не решайте за Него!»

Батюшка зашёл с женой в реанимацию. В какие-то моменты во время крещения Антон подавал признаки жизни, вдруг замычит-замычит утробно. После крещения батюшка жене, сёстрам дал наставления: «В себя придёт, пригласите причастить. А Бог даст, сам будет ходить в церковь причащаться. А вы мокроту не разводите, молитесь, в церковь ходите. Не думайте: окрестили и всё – умыли руки, можно теперь на Бога уповать! Молебны заказывайте...»

Через несколько дней пригласили батюшку причащать Антона. И дело пошло на поправку. Жене, сёстрам батюшка строго-настрого наказал, чтобы бригадиром на стройку больше не пускали мужа-брата. «Сколько можно терпение Бога испытывать, – сказал, – гневить Его? Щадящую должность пусть просит. Ухайдокаете мужика». Антон ещё и дом

себе строил. «И на дому пусть не надрывается, людей нанимает!»

Так что «воскресил» батюшка Антона. Дом он свой достроил. Батюшка Виталий освятил новое жилище и сделался в нём уважаемым человеком. А ещё и духовным отцом Антону с женой.

Антон выправился, беда с другой стороны подошла, сын Антона автодорожный институт окончил и начал выпивать. Что ни день, то выпивши, а то и пьяный. Родители не знают, что делать. Никогда парень проблемным не был... Батюшка взял Васю в оборот: «Ты что – неудачником хочешь жить? Умный парень, всё при тебе – здоровье, образование, должен работать, в начальники выбиваться! И чтобы хоть изредка в церкви я тебя видел! Ты не думай, что без Бога можно нормально прожить!» Один из приёмов воспитательного воздействия у батюшки – жесткий наезд на воспитуемого. Вася в ответ басил: «Ну, выпью иногда, и что тут такого? Все выпивают!»

Но что-то в голову запало. Батюшка как-то после службы из алтаря выходит, а Вася перед иконой Николая Чудотворца со свечой стоит. «О, Вася, – похвалил батюшка, – молодец, к Богу прилепляешься. Давно пора». И тут же в голову батюшке пришла дельная мысль. «Вася, ты ведь не женат у нас?» – «Нет, рано мне, погулять надо». – «Давай-ка я тебя с Ниной познакомлю».

И, не дожидаясь Васиного согласия, подзывает рабу Бо-

жью Нину, дочь своего духовного чада. Она тут же в храме была, с клирошанами беседовала. «Пойдёмте-ка, – позвал батюшка молодёжь к себе в келью, – чайку попьём, беседы побеседуем!» Посидели минут двадцать, потом батюшка выводит гостей: «Идите уже погуляйте, у меня ещё дел по горло. Чё вы тут со мной стариком время тратите».

Через четыре месяца Нина и Вася пригласили батюшку на свадьбу. Повенчал их, а через год в молодой семье родилась двойня – Пётр и Павел. Васе не до водки стало, надо работать, семью кормить. Сначала водителем устроился, батюшке это не понравилось, пилил Васю: ты в начальники выдвигайся. Наконец взял кадровый вопрос в свои руки, устроил Васю в проектную фирму, которой руководил друг-однокашник Виктор Краско. Вася парень с головой, пришёлся ко двору на новом месте.

***

Поговорив о «воскрешении из мёртвых», мы перешли к главной теме нашей встречи. Батюшка принялся рассказывать, как едва не пустил насмарку всю учёбу в институте, своими руками, точнее – кулаками, не исковеркал себе судьбу.

– Тот вечер не удался с самого начала, – начал батюшка. – Накануне получил зарплату сторожа и пригласил в кафе свою девушку. Ранее говорил про анекдот в нашей группе – «Шура женился». Едва не каждый раз: познакомлюсь с девушкой и всё – вот она моя судьба. Та единственная и неповторимая половинка. С кем поделиться счастливой но-

востью? Прежде всего, с Казанцевым. «Володя, – начинаю воодушевлённо рассказывать, – отличную девушку встретил – красавица, умница! Лучше не найти – женюсь!» Приведу в общежитие, познакомлю с ребятами. Потом по каким-то причинам расстанемся. С Ларисой точно так получилось. Планировал – сразу после диплома жениться. Лариса училась в консерватории, пианистка, ей год до окончания оставалась. Думаю, распределюсь рядом с Новосибирском, а ещё лучше – в городе, рядом с женой быть. В кафе мы бутылку креплёного вина выпили, не помню, из-за чего начали спорить и разругались.

На старших курсах я начал употреблять вино и что покрепче, но мой организм активно противился, не любил это дело, поэтому знал меру. Но в тот вечер я порядком захмелел, до кафе полдня ничего не ел, а ещё ссора – дурость в голову и ударила, гордыня попёрла. Лариса развернулась и пошла в одну сторону, я психанул и зашагал в другую. Захотелось напиться. В магазинах царило жёсткое правило: спиртное после семи вечера не отпускать, я пошёл в ресторан «Центральный». Наши ребята там сторожили, вышибалами работали. Думаю, если кто из наших работает – возьму. До закрытия ресторана было часа полтора. У гардероба собралась небольшая очередь, встал в хвост. Смотрю, передо мной симпатичная девушка, она уходила из ресторана. Заговорил с ней и корректно, на «вы», предложил:

– Время детское, а вы уходите. Давайте продолжим вечер,

посидим, поговорим, шампанского выпьем. Приглашаю. Вы настолько восхитительны, что слов нет...

Я-то думал, девушка одна одинёшенька, а ничего подобного – с парнем. Он за мной встал и ждёт, что дальше будет. Тоже трезвостью не отличался в тот вечер. Послушал, как я его девушке топорные комплименты отпускаю, и грубо прервал их поток:

– Ты бы, говорун, линиял подобру-поздорову!

Мне бы извиниться, дескать, простите, не знал, что это ваша девушка. Но гордыня.

– Мне и здесь не дуется! – говорю с вызовом. – Чё бы я линиял, я не ситец!

– Ты не ситец, а дерюга, потому шагай отсюда!

И толкнул меня. Не сильно.

Высоченный парняга, этакий мотыль. Я все пять лет учёбы выступал в весовой категории до шестидесяти трёх с половиной килограммов. К пятому курсу они практически не изменились. Случалось, сгонял перед соревнованиями килограмма два. Тот же Витя Краско перешёл в другую категорию, а я держался в одной весовой поре. Парень видит, перед ним шибздик, толкнул меня в плечо:

– Давай-давай дуй мелкими шагами и побыстрее!

Я не сдержался, ударил его в корпус. Приложился от души, он отлетел метра на два и сел на задницу. Я развернулся и пошёл из ресторана. На тот момент решение принял правильное: не усугублять ситуацию мордобоем, а делать ноги.

Однако парень захотел последнее слово, в виде пинка, оставить за собой. Догнал меня...

Вечер во всех отношениях был не мой. В это самое время в ресторане находился Астров, начальник уголовного розыска Центрального района. Мужчина ростом за метр девяносто, и чем-то похож на этого парня. В ресторан заглянул не с намерением выпить-закусить, отдохнуть в кабацкой атмосфере. Как раз наоборот, оценить оперативную обстановку на подведомственной территории, посмотреть – нет ли знакомцев из криминального мира, пусть лишний раз зарубят себе на носу – контроль за ними не ослабевает. А тут незнакомец дебоширит. Всё было против меня. Я не вижу, что у меня за спиной творится, иду к выходу, а парень меня догоняет и даёт пинок... Получилось это у него неловко... Пнуть-то пнул и ощутимо задел, да сам переусердствовал не устоял на ногах... Неустойчивым был в тот вечер. От моего удара упал и от своего пинка тоже... Он падает, и в этот же момент подскакивает ко мне сзади Астров. Ну не позже и не раньше. Тогда я не знал, кто такой Астров. И век бы не знать. Был он в гражданской одежде. Я поворачиваюсь на пинок и даю Астрову в физиономию. Посчитал, именно он отвесил пенделя.

Сам включаю ноги и ныряю тамбур.

Астров был с прикрытием – два милиционера ждали в тамбуре. Они бросились задерживать меня. Но я же «злодей на ринге», вырвался и принял решение уходить через

ресторан. Раз выход перекрыт – буду прорываться через кухню. Знал этот маршрут. Несколько раз подменял наших ребят сторожей в ресторане. На моём пути встаёт Астров. Целая операция по задержанию злостного преступника. Мужик крепкий, самбо и волейболом занимался и при оружии. Потом говорил:

– Я тебя засранца мог пристрелить!

Больше я с кулаками на него не кидался. Собственно, не дали. Милиционеры повисли на плечах. А в первый раз заехал ему знатно. След по всей левой скуле ударом оставил, кожу содрал. Менты скрутили меня, в машину засунули и повезли в милицию Центрального района. А я раскипятился, в разнос пошёл, стал орать: «Всех поодиночке выловлю». Один мент не выдержал наглости, кулаком заехал мне... Губы стали, как у Софи Лорен. Привезли в райотдел, посадили в каталажку.

Каким-то образом информация тут же долетела до общепита. Наверное, кто-то из наших дежурил в «Центральном». Ребята развернули бурную деятельность. Казанцев позвонил Лене Николаенко, а её дядя Ваня был комиссаром милиции – замполит. На следующее утро Витя Краско, Володя Казанцев, Лена Николаенко, Егор Назаров пошли к дяде Ване просить за меня. Дескать, дядя Ваня, выручай оболтуса, срок ему грозит.

Сижу в камере, замок загремел. Заходят Астров и дядя Ваня. Дядя Ваня Астрову на пороге говорит:

– Фёдор, ты с побитой физиономией, действительно, похож на начальника уголовного розыска. Не кабинетного работника, а настоящего сыскаря, побывавшего в переделке.

След на скуле получился заметный. Кожу я хорошо снёс. А дядя Ваня дальше шутит, весёлое у него было настроение в то утро. Посмотрел оценивающе на меня и Астрову говорит:

– Фёдор, ты хочешь сказать весь сыр-бор из-за этого доходяги! Я думал тут Добрыня Никитич! Плечами потолок подпирает и кулак с арбуз!

Видок у меня был жуткий. В три погребели скрючился, за ночь намёрзся, озноб колотит. Казанцев утром передал через знакомого милиционера-боксёра, шерстяную вязаную кофту размера на два больше моего, висит, как на доходяге. Пугало и пугало.

Выпустили меня под подписку о невыезде. Как ни пытался Казанцев договориться с парнем, которому я врезал в раздевалке, не захотел он забирать заявление, обиделся. Завели дело о злостном хулиганстве. Повезло со следователем. Мария Васильевна Ерёменко болела за меня всей душой. В жизни у неё случилась большая трагедия: попала в автомобильную аварию, сама была за рулём, муж и сын погибли, осталась вдвоём с дочерью. Человек принципиальный, на неё бесполезно было давить по партийной и другой административной линии. Узнала, что я воспитывался без матери, прониклась ко мне как к непутёвому сыну, который и выпивать-то не умеет, а тут помазал губы и раздухарился. Она

и ребят из группы научила, как лучше действовать, чтобы мне условный срок дали. Повела к прокурору. Со следователем мне повезло, зато прокурор района ненавидел хулиганов. Однажды пострадал от их кулаков – был подвыпивши поздним вечером, его прищучили лихие ребята, отметелили и деньги забрали. С той поры по статьям о хулиганстве просил максимальные сроки. Считал, зло надо калёным железом вытравливать из общества. Первый раз собрался я к прокурору по инициативе Марии Васильевны, прихожу к ней, она оценивающе взглянула на меня.

– Нет, – забраковала, – слишком хорошо ты одет. В таком виде нельзя, поплоче оденься.

Заставила сменить наряд. Это был тактический ход, цель которого – повлиять на прокурорские мнение, смягчить его сердце. Предупредила, чтобы я не упоминал о ресторане, дескать, в кафе дело происходило. Что-то я мямлил прокурору. В основном Мария Васильевна говорила. Мол, парень глупость совершил, выпил немного, никогда не пил, спортсмен-разрядник, учится хорошо, а тут выпил. На этом сыграла.

Повезло мне, попадись другой судья, пошёл бы на зону, а там кто его знает, как дальше повернулась жизнь с клеймом зека. Много раз, приезжая в Новосибирск, заходил к Марии Васильевне, письма писал, родным человеком стала. И к Астрову заходил. Нормальный мужик, весёлый. Самбо занимался и мастер спорта по волейболу. Фигурой класси-

ческий волейболист – высоченный, крепкий, ладонь как лопата.

Смеялся:

– Подловил ты меня! Не подумал – боксёр на меня прёт. В таких ситуациях, кто бы ни был перед тобой, надо быть начеку, а я подставился...

Партком института решил подстраховаться со мной. Быстренько надумал отчислить разгильдяя-хулигана и дело с концом. Дескать, студент уже не наш, с нас взятки гладки, статистику нашу не портит. Учился у нас, было такое, а теперь какие к нам могут быть претензии? Краско узнал о намерениях парткома, сказал мне, я – Марии Васильевне доложил. Она вознегодовала и пошла на заседание. Отчитала партийных лидеров: «А презумпция невиновности. Ещё неизвестно, это я вам как следователь говорю, как суд решит, а вы уже умываете руки. Парню пять минут до защиты диплома, вы судьбу готовы ему сломать».

Понятно, с каким настроением ходил я в тот период. А ребята хохмили, пока под следствием был. Фотографируемся, кто-то обязательно скажет: Шуру в фас и профиль взять. Или линейку притащат, дескать, для тюремной фотографии линейку сбоку положено приложить.

– Ты, Шура, у нас на большую дорогу выходишь, как революционер Ленин, то по тюрьмам, то по ссылкам.

– Не переживай, Шура, мы тебя не бросим, мешок сухарей насушим, будешь грызть на этапе и нас вспоминать добрым

СЛОВОМ.

Как-то прихожу в общежитие, половина окна в нашей комнате забрано сеткой-рабицей. Кто-то не поленился, приволокло откуда-то кусок, к окну приделало:

– Шура, репетируй смотреть на белый свет через решётку.

Кошке игрушки – мышке слёзки. Надо диплом делать, у меня из рук всё валится.

Витя Краско здорово помог.

Витя пришёл в институт уже опытным боксёром, кроме этого имел спортивные разряды по лыжам, плаванию. Разносторонний спортсмен. Выделялся в любой компании внешностью. Густые чёрные вьющиеся волосы, мужественное, как у артиста, лицо. В нём многое сочеталось – шутник, балагур и ответственный общественный работник, сначала был в комсомольском бюро курса, а потом и всего факультета. Он уже в институте думал о карьере, вступил на третьем или четвёртом курсе в партию.

Мы с ним соперничали на ринге, выступали долгое время в одном весе. Сдружились ещё в первом семестре. В перерывах между лекциями ходили на четвёртый этаж на кафедру математики, там была небольшая аудитория для практических занятий, она часто пустовала. Ходили не заниматься, просто беседовали о жизни, тут же могли отрабатывать приёмы бокса. Нам было тепло друг с другом. Оба из простых семей. Вспоминали родные места, походы в лес, на рыбалку. Рассказывали о бабушках, дедушках. У Вити, как и у меня,

дед воевал в Великую Отечественную войну и погиб. Сам Витя родом с Алтая, до седьмого класса жил в селе. Много было общих тем.

На втором курсе его призвали в армию, отслужил и снова вернулся в институт. Учились на разных курсах, но тренировались постоянно вместе. А потом в Омске встретились и все эти годы дружили. В честь Виктора я сына назвал. Когда женился, Виктору говорю: родится сын, назову твоим именем. Первой у нас дочь родилась, и второй ребёнок тоже девчонка. Тогда ещё Виктории в святцах не значилось. Витя смеётся, не быть мне твоим кумом. Наконец сын родился. Виктор стал его крестником. Лёля-Витя звал его сын. Витя ему то дорожку железную подарит, то денег подкинет на летний отдых, гитару хорошую помог купить.

Виктор в самом начале девяностых создал и двадцать пять лет возглавлял крупную проектную организацию, работающую в нефтегазовой отрасли. Начинали с дюкеров, прокладке трубопроводов под водой, а потом выросли в многопрофильный проектно-изыскательский центр.

Работа отнимала у него массу времени, но он всю жизнь держал себя в спортивной форме. Дом построил, большую комнату отвёл под домашний спортзал. Постоянно с тяжестями занимался. Мне звонит: взял для тебя абонемент в тренажёрный зал. Начну ворчать, без того устаю. Нет, говорит, ничего не знаю, вдвоём с крестником начинайте ходить, зима впереди, надо держать себя в тонусе. Ещё и инструкто-

ра приставит, тот под меня комплекс упражнений подберёт, после каждого занятия массаж сделает. Время от времени Витя звонил ему, интересовался – не филоною ли я?

Но себя не уберёг. На море в Черногории долго плавал и лёгкие застудил. Онкология.

Исповедовался у меня, причащался. Вместе с женой ходили в церковь. Нечасто, но ходили. Жена татарка – Раушан, в крещении Рая, окончила наш институт. Женщина по-восточному скромная, сдержанная. Никогда на первый план не выходила, держалась в тени. Но когда ни придёшь – расстраивается для гостя.

Витя трепетно относился к иконам. Из всех своих поездок я старался привезти ему – с Кипра, Одессы, Польши. Как он радовался – ещё одна икона. Умел выразить восторг подарку. Сразу начнёт место определять – где образу стоять. Со мной начнёт советоваться. Несколько раз жертвовал нашему храму на реставрацию икон. И книги старинные церковные любил. Я подарил ему Евангелие девятнадцатого века в каноническом переводе, Псалтирь старообрядческую начала двадцатого.

В тот год у нас встреча выпускников была в институте. Вите сделали операцию в Израиле, а вторую в Германии. Стал восстанавливаться. Прихожу к нему домой, он мне давай демонстрировал физическое состояние – на брусьях «уголок» сделал.

– Видишь, – говорит, – что могу уже.

– Так поехали, – зову, – в Новосибирск на встречу.

Звал из соображений, развеется, последние месяцы тяжело ему дались, ребят повидает, положительных эмоций получит через край. Отказался:

– В этот раз один съездишь. Вернёшься, устроишь пресс-конференцию нам с Раей, подробно расскажешь, фотографируй побольше, видеокамеру возьми. Посмотрим, кто как изменился. Я поднакоплю сил, мы месяца через два в августе-сентябре в Черногорию с тобой рванём. На этот раз не открутишься.

В Черногории у него дом был. Много раз звал, но всякий раз по деньгам у меня не выходило, а нахлебником не хотел ехать.

После встречи выпускников в поезд Новосибирск–Омск сажусь, Раушан звонит – Витя умер.

Когда скайп появился, мы с ним едва не каждый день по вечерам перезванивались, поговорим минут пять-десять – и так светло на душе.

Не хватает его... Я с братом не был так близок, как с ним в последние годы...

А на суде Витя очень толково выступил.

Суд был выездным, проходил в актовом зале института. Мария Васильевна сказала в своём слове: да Кузнецов оступился, но разве можно отнести его к злостным нарушителям, которых надо изолировать от общества. Должен понести наказание, но с учётом смягчающих факторов: первый раз та-

кое произошло, учится хорошо, общественной деятельностью занимается.

С суровой речью выступил Казанцев. Ребята всё продумали, кто что скажет. Нельзя всем дуть в одну дудку – Кузнецов белый и пушистый, представляем его к медали. Казанцев специально не стал меня предупреждать, что взял на себя обличительную часть. Дабы не получилось, он меня ругает, а я стою с улыбочкой, мол, свисти-свисти, знаем-знаем – это лишь спектакль. Должен быть эффект неожиданности. Казанцев опасался, вдруг в волнении не сумею ему подыграть. Ни намёком не предупредил.

– Талантливый спортсмен, – говорил обо мне Казанцев, – но вместо того, чтобы тренироваться и применять на соревнованиях спортивные навыки, напился, нахулиганил в общественном месте. Опозорил высокое звание студента нашего института. И человек с головой, ему бы наукой заниматься, а не тратить время на пустопорожние развлечения. Такие разгильдяи колеблют социалистические устои, позорят нашу молодёжь.

Облил грязью. Я не знал, куда деваться от стыда. Друг и такое наговорил.

Неужели я совсем плохой, позорю институт? И учился нормально, и боксировал за факультет постоянно, что уж так-то. Принял выступления Казанцева за чистую монету.

После Казанцева встаёт одна наша девочка. Тихоня, скромница. Можно сказать, серая мышка, а тут на весь зал,

волнуясь, говорит:

– Виталий исключительно добрый и отзывчивый человек. Ко мне мама приезжала. Домой ей возвращаться, а поезд ночной. У неё чемодан большой, сумка. Виталий узнал о моей проблеме и сам вызвался проводить. Посадил маму в вагон, вещи затащил. Он такой человек, который поможет, несмотря ни на какие свои дела и заботы. Сколько раз отвозил наших ребят в больницу. Мишу Норкина с аппендицитом. У Тани Лосевой в институте начались роды, кто побежал искать такси и повёз её в роддом – Кузнецов. Именно к нему Лосева обратилась, знала – человек надёжный, не подведёт... Кузнецов совершил неприглядный поступок, но это наш товарищ, отличный, скажу вам, товарищ, и если мы бросим его в беде, грош нам всем цена. У него диплом почти в кармане, это готовый нужный стране специалист. Давайте поможем ему, как он помогал нам все эти годы в трудных ситуациях!

После её слов полегчало на душе. Поначалу думал, когда она поднялась: ну, что может эта пигалица сказать? А она героя из меня нарисовала.

– Товарищи, – начал свою речь Витя Краско, – мы что хотим, чтобы Кузнецова воспитала колония. Нашего товарища. Да – он оступился. Да – повёл себя отвратительным образом. Но неужели мы, комсомольцы, хуже зеков и не сможем воспитать его в советском духе. Не сможем наставить на путь истинный. Мы – его коллектив, и он никогда не отбивался

от нас в общественной работе, в спорте, много раз защищал честь факультета, института на спортивных соревнованиях. Мы – его коллектив, а он наш товарищ. Поэтому мы обязаны взять его на поруки. Он должен защитить диплом и применить знания, приобретённые в институте, в работе на благо нашей социалистической Родины. У нас всегда есть места при распределении на северные реки. Давайте отправим его на Колыму или Индигирку, пусть там поработает, и не заключённым, а проявит себя, как специалист, окончивший наш институт. В тех краях специалисты всегда нужны.

Отстояли меня. Могли дать от трёх до пяти лет колонии. Дали два года условно.

Кроме этого, постановили на северную реку отправить по распределению. Так сказать – наказание от института. А товарищи берут меня на поруки.

Суд для меня прошёл как в тумане. Окончился, меня поздравляют, а я тупо стою.

Казанцев доиграл до конца. Сразу не признался, потом наедине:

– Ты понял, что я картину гнал? Пусть лучше я скажу, чем кто-то более резко и убийственно!

– Ничего, – говорю, – не понял. Готов был сквозь землю провалиться. Друг с грязью сравнял.

– Всё обошлось, – сказал Казанцев, – и, слава Богу. Значит, всё правильно сделали! Витя Краско молодец.

Омск, Томск, одесский вокзал

В минуты откровения батюшка называет себя бродягой. Признаётся, что по сию пору нет у него чувства дома. Может, оттого, что рос без матери, нередко предоставлен был сам себе, душа что-то искала, куда-то рвалась. Как сам говорит: жил – Омск, Томск, одесский вокзал. Вспоминая о детстве, рассказывает:

– Моя мама, Елена Филипповна, умерла, мне шесть лет всего было. Девчонкой простудилась. В войну гоняли коров пастись до глубокой осени. Сено трудно доставалось, берегли на зиму. Пока снег не лёг, скотина всё равно какую-нибудь травку найдёт, поскубает. Гонять коров приходилось далеко от деревни. А это Урал с его переменчивой погодой. В тот день ничто не предвещало снега, с утра небо было ясным, ни облачка. Да во второй половине дня закрутило, нагнал ветер туч и выпал снег. Мама утром оделась легко и с собой никакую одежонку запасную не захватила. Пока гнала домой коров, сильно замёрзла. После этого заболела ревматизмом, а потом порок сердца. В тридцать лет пошла в город, старшего моего брата Александра в школу собирала, поднялась на виадук, а с ней приступ. В больнице умерла.

Отец сначала сошёлся с Надеждой Ивановной, у той был один сын Вовка, мой ровесник. Семь лет прожили, я Надежду Ивановну мамой называл. Потом отец сошёлся с Клав-

дией Михайловной, мы переехали в Богданович, у них общий ребёнок родился, сестра моя. Отец работал в школе учителем рисования, черчения. Я его не осуждаю. Мужчина в тридцать лет лишился жены, на руках двое детей. Были у него метания между женщинами. Надежда Ивановна пыталась его к себе вернуть, раза два удачно, а с Клавдией Михайловной у них ребёнок. Надежда Ивановна была очень хорошей. Простоватая, конечно. Клавдия Михайловна медучилище окончила, начитанная, общественница. Два года назад поехал их проведать. Отец уже дальше лавочки перед домом не ходил. Клавдия Михайловна ещё бодрая была, меня под руку берёт:

– Виталя, пойдём в библиотеку, к нам писатель из Екатеринбурга приезжает, а я тобой похвастаюсь! Ты только оденься в церковное.

А Надежда Ивановна уже умерла.

Я учился и в Богдановиче, и в Глухово, где бабушка по маме, Анна Степановна, жила, и в Кунарском. Из школы в школу запросто переходил. В школах и отца знали, и меня. Скажу: у вас пока буду учиться. Ну, давай. Тогда это просто было, без бюрократической волокиты. Ученик желанный, везде лучший математик, физик. Пророчили: будешь великим физиком. На олимпиады постоянно посылали, всегда с дипломами победителя возвращался. Рисовал хорошо, спортом занимался.

В Богдановиче мог у друга Вовки Осипенко жить. У того

был порог сердца, часто в больнице лежал, ходил к нему в больницу, носил школьные задания, заниматься с ним. Отец его, дядя Ваня, всю войну прошёл. Я любопытным рос, расспрашивал дядю Ваню про войну, как брали Берлин. Мать Вовки, тётя Вера, меня всегда привечала. Сочувствовали, конечно, что я сирота.

Отцу своему скажу: у Вовки побуду. На полмесяца, а то и на месяц зависну. В Глухово мог у Васьки Лоскутова неделю пожить. С Васькой мы дружили, и по сей день дружим. Мой дед Филипп и его дед Василий тоже дружили, на фронт вместе ушли.

Со всеми я легко сходилась. А уж бабушка Анна во мне души не чаяла. Сядем пельмени делать, я начну расспрашивать о прошлой жизни, об их деревне, церкви. Она окончила церковно-приходскую школу. Любила рассказывать про пасхальную службу, про Рождество Христово, как в девчонках колядовала с подружками, как праздновали Троицу, как венчалась со своим Филиппом. Я ей иконы приносил. У кого-то увижу – на чердаке валяется или в кладовке (мы, мальчишки, куда только не лазили) попрошу и несусь бабушке.

Бабушка Анна восемьдесят два года прожила.

Родом была из небольшой деревни Мелехино. Стояла деревенька на отшибе. От Богдановича на северо-запад леса идут, потом озеро Куртугуз, за ним Мелехино. Как-то спросил: «Бабушка, вы за белых или за красных были?» – «Мы не знали ни тех, ни других. Колчаковцы однажды зашли, ло-

шадей покормили и дальше проследовали, никого не тронули. Вот и вся Гражданская война». В Мелехино что ни двор – Медведевы. Жизнь вели артельно. Выбирали авторитетного мужика, который осуществлял руководство – говорил, когда лучше пахать, когда сеять, на покос выходить. Подошло время рыбу ловить на Куртугузе, сельчане собирались бригадой, каждый двор направлял в неё своих представителей. А потом делили добычу на каждого рыбака поровну. Родители у бабушки умерли рано. Старший брат Михаил остался за отца и мать. В коллективизацию Мелехино стало отделением кунарского колхоза. Я когда в Кунарском учился, у нас в школе полно было Медведевых из Мелехино, в том числе мои родственники по бабушке.

Спрашиваю бабушку: «Как замуж выходила?» – «Выдали да и всё. Филиппа и не видела до сватовства». Родители Филиппа, как пришла пора сыну жениться, разузнали, разведали, где в округе имеются девки на выданье и поехали смотреть товар. Сначала в Глухово завернули, потом в Мелехино. В Глухове невесту забраковали, как, собственно, и в Мелехино. Родители жениха посмотрели на подворье родителей невесты, точнее – брата её, и закрутили носом, не по нашему сыну шапка – Филипп лучшей пары заслуживает. Однако Филипп не разделил мнение родителей. «Нюрка мне глянется!» – заключил, поглядев на ладную девку. «Да зачем она тебе, – возразили отец с матерью, – она ведь бедная». Но Филипп думал иначе: не в деньгах счастье. Твёрдо

повторил: «Глянется Нюрка». Родители с уважением отнеслись к выбору сына: смотри, дескать, тебе жить. Спросили у брата невесты: «Отдашь Нюрку за Филиппа?» Тот в свою очередь поинтересовался: «Бить её не будет?» – «Зачем бы он бил, у нас в семье такого не водится, Бога не гневим». – «Ну и ладно. Тогда отдам».

Ударили сваты по рукам, закрепили договор чаркой. А через короткое время сыграли свадьбу. Пятерых детей родила бабушка Филиппу.

Бабушка Анна восемьдесят два года прожила. А дед Филипп. Филипп Ефимович погиб в Великую Отечественную войну. Воевал на Калининском фронте. Непоседливой натурой я в него удался. Бабушка Анна рассказывала, вечно в какие-нибудь авантюры вступал. Вот засобирился на заработки: «Нюрка, денег хороших привезу, ух, ладный подряд берём». Возвращается через неделю погрустневшим, деньги проездил, а «ладный подряд» сорвался. Или за шишкой кедровой рванёт: «Нюрка, по орехи еду. Ноне шишек навалом, хоть лопатой греби. стаканчик орехов в городе, говорят, хорошо стоит! Набью шишек, дак наторгуем». И опять неудача – обовшивеет, орехов с гулькин нос привезёт, только самим пощёлкать. Но духом не упал. Козырем на порог ступит, знает, что виноват, в душе кошки скребут, как же – ни с чем вернулся, жена одна картошку копала, но бодрячка играет, бросит: «Нюрка, денег или молодца?» А Нюрка что? Рада, добытчик живым вернулся, скажет: «Однако – молодца». Ка-

кие там деньги, прощает всё. Не сиделось деду на месте, постоянно в его голове рождались новые и новые проекты на темы заработков. Перед войной немного успокоился, бросил якорь, получил должность заведующего колхозной фермой.

В 1941-м с началом войны Филиппа Ефимовича мобилизовали, а следом сына его, Александра Филипповича призвали, оба попали на Калининский фронт и оба погибли в 1943-м. И родной брат деда Филиппа – Семён Ефимович тоже воевал, как и сосед их, Василий Лоскутов, дед Васьки Лоскутова. И все мужики погибли. Простые хлебопашцы, военного дела не знали, учились воевать на ходу. Отец Васьки, Дмитрий Васильевич, собирал нас и рассказывал, как отцы и деды уходили на фронт, и что это были за люди. А Раиса Лоскутова, мама Василия Лоскутова, с мамой моей дружила, она лежала в больнице, когда маму с приступом сердца привезли. Рассказывала, как мама не хотела умирать, всё причитала, доктора просила: «Детки-то, детки, сыночки мои, как они без мамки? Нельзя мне умирать, нельзя!»

С Васькой мы по сию пору роднимся, как братья, приезжая в Богданович, у Васьки обязательно дня три поживу. Он в Омске у меня останавливается. Васька хороший сварщик, хозяин крепкий, дом трёхэтажный построил.

Про деда его Василия легенды в Глухово ходили. Силой как борец Иван Поддубный был. С братом Афанасием на строительстве железной дороги работали, так рельс вдвоём на плечи взваливали и несли. Афанасия я знал, Афоней в се-

ле звали. Говорили, заметно слабее Василия. Но и в семьдесят лет никто из молодых мужиков в деревне не мог его в ар-мреслинг побороть. Я тоже пытался в студенчестве, на миллиметр не смог руку его сдвинуть. Сидит, улыбается, будто никаких усилий не прикладывает. Всю жизнь в лесниках. Во время коллективизации активно возмутился против раскулачивания и получил срок как кулак и бандит. Хотя никаким бандитом не был, да и кулаком. На пересылке к нему блатные стали докапываться, он говорит: «Да спорим, я вас как шшанят раскидаю, хоть каким скопом наваливайтесь!» Набросились на него со всех сторон человек двадцать. Он раскидал всю шатию-братию, отлетали, как горох от стены.

Про деда Василия рассказывали – ударом кулака оглоблю мог сломать. Был случай дед Василий в соседнюю деревню ехал в санях ехал, навстречу мужик тоже на лошади, дорога узкая, только-только одному проехать. Кому-то надо уступить дорогу, иначе не разминуться. Ни один, ни другой не хочет в снег на обочину сворачивать. Наконец «противник» деда Василия не выдержал, уступил путь. Дед Василий проезжая мимо упрямца, тот вдобавок ко всему моложе был, ударом кулака сломал неучтивцу оглоблю в назидание. Это какую силищу надо иметь кулаком оглоблю сокрушить. Такие были могучие мужики.

Во время войны дед Василий, говорят, не от пули погиб – с голоду умер. С едой на Калининском фронте туго было, а такому могучему мужику за троих надо есть, просить сверх

нормы не мог – стыдно. И зачах.

Дед Филипп погиб, старший сын его Александр – погиб, брат деда Филиппа Семён Ефимович – погиб. Это по матери родственники. У отца старший брат Николай был лётчиком, немцы подбили его самолёт, он на парашюте спустился в тыл врага, но сумел выйти к своим, а чекисты до него докопались – пытались в лазутчики записать, побили, ещё и бросили раненого на бетонный пол. Простудился. Долго по госпиталям мотался. После войны немного пожил и умер.

Отец мой из Калужской области, деревня Мурачёвка. Был в оккупации. Его отец, мой дед Семён, свинью зарезал, мясо в землю зарыл, немцы постоянно шныряли по дворам, съестное искали. Спрятал мясо, а кто-то донёс. Немцы стали допытываться, куда девал? Срочно отдавай свинину солдатам рейха! Дед куркуль ещё тот, прикинулся валенком – не было никакой свиньи. У немцев разговор короткий – очередью из автомата резанули по груди.

Много родственников война унесла. Что такое родной дед я не знаю. Маму тоже можно вносить в список погибших – в войну заболела.

И весёлые истории бабушка Анна любила и умела рассказывать. В деревне у них был дурачок, звали его Пат. В войну голодно жили. Мой дядя Вова, который мне триста рублей прислал, когда я поехал в Томск поступать в институт, родился в сорок первом, отец его (мой дед Филипп) ушёл на фронт, а он через два месяца родился, так вот пять лет

на ножки встать не мог, не ходил. Питание такое, что организм никак не мог сил набрать. Пат зашёл в дом к бабушке Анне, она картошку в мундирах варит в чугушке. Печка русская, чугунок на плите стоит, бабушка тут же на лавке сидит, шерсть прядёт.

Пат с порога узрел на плите чугунок, от которого исходил дразнящий запах варева, шагнул к нему и запел шутку-прибаутку. Дурачок-то дурачок, но понимал, нельзя нагло просить, могут и наладить за дверь, надо красиво обставить по-прошайничеству, тогда, глядишь, что-нибудь да перепадёт. Пат руками водит, будто оглаживает чугунок и поёт-причитает: «Анисья-то Серафимовна сидит! Анисья-то Серафимовна сидит! А чугуночка-то кипит, а чугуночка-то кипит...» И, заходя на второй круг: «Анисья-то Серафимовна сидит, Анисья-то Серафимовна сидит, а чугуночка-то...», – после чего хватает голыми руками чугунок. Приподнял над плитой, тут же бросил и давай возмущаться: «Да что ты, курва така! Пошто бы ты, пошто бы ты сразу не сказала, что чугуночка-то горячий?!» Руками трясёт – обжёгся.

Я уже говорил, старший брат Александр после смерти мамы замкнутым рос. Если до этого был жизнерадостным, общительным, тут ушёл в себя. Я всю жизнь со всеми быстро сходился. Саша больше в интернате в Богдановиче жил. Мне в интернате не понравилось. Целый день по расписанию. Зачем мне это, если я везде свой. Бабушка Вовки Осипенко, баба Тася, меня едва не больше Вовки любила. Жила в Богда-

новиче у вокзала. Домик маленький, уютный. Запросто мог заночевать у неё. Я ей, было, картошку помогал копать, а то снег во дворе уберу, дрова поколю. Она шанежек настряпает, ночевать оставит. Или с Вовкой к ней придём. Того могла выгнать. Вовка, что в пионерах, что в комсомольцах непримиримый атеист был. С бабой Тасей их мир не брал в вопросах религии. Вовка молодым петушком наскакивал, норовил перековать старорежимную бабулю на прогрессивный лад. Заспорит до крика:

– Какой такой Бог? Нет ни в каком виде! Космонавты в космос летали? Летали. И никакого Бога не нашли на небе!

Она тоже разгорячится, турнёт в сердцах внука:

– Иди отсюда, антихрист, учить меня вздумал! Виталья, оставайся, а ты, умник, отправляйся домой! И скажи отцу, чтобы выпорол тебя поперечника!

Баба Тася происходила из сельских богатеев, торговлей её отец занимался, но вовремя всё распродал, не попаласемья под раскулачивание. Бабе Тасе я тоже приносил иконы. Мне часто они в руки попадали, ребята знали, что я интерес проявляю, если находили – отдавали.

Десятый класс я заканчивал в Кунарском у Надежды Ивановны, с которой отец сразу после смерти мамы сошёлся, а потом ушёл от неё, но для Надежды Михайловны был как сын и после этого. Хорошая деревенская женщина. С сыном её от первого брака Вовкой мы и сейчас как братья. А мать Надежды Ивановны, бабушку Александру, тоже считаю сво-

ей родной бабушкой. И она меня любила. Женщина мудрая, рассудительная, очень набожная, непререкаемым авторитетом пользовалась в Кунарском. К ней постоянно шли за советом. Скажет: пора картошку сажать, – все выходит в поле, как же Александра Андреевна постановила. Был год, тепло установилось, а она не сажает. Кто-то из соседей посчитал, что-то мудрит Андреевна, пора в поле выходить, чего ждать... И вдруг снег, и мороз ударил. Рано было сажать.

Бог её даром целителя наделил – травница, костоправ. Это я уже институт закончил, армию отслужил, в Кунарское приехал, и Толя, сын бабушки Александры, гостил у неё. Он в Екатеринбурге жил. Ему уезжать, посидели, вина выпили, пошли на поезд, его вдруг перекосило. Поначалу показалось, дурачиться Толя, повеселить нас вздумал. Его дугой назад и вбок перекосило. Идёт такой кривулиной с чемоданчиком в руке и тупо улыбается. Потом поняли, ничего не дурачится. Помню, нехорошо на душе сделалось, только что мужик был хоть бы что – и вот на глазах твоих беда с ним непонятная приключилась. Догадались вернуться.

– Бабушка, смотри, Толю заколодило!

– Ой, хорошо, что привели.

Принялась тут же выправлять его, нас выпроводила, «нечего смотреть»... И ведь выправила Толю, куда скособоченность девалась. Прихожу, сидит нормальный, будто это не его перекорёжило недавно, улыбается. Было настолько удивительно и чудесно. Потом не раз вспоминал:

– Бабушка, как ты Толю-то вылечила. Прямо чудо!

На корню пресекала такие разговоры. Никакую похвалу в свой адрес не любила. Сделала и иди с Богом. Я начну что-то говорить, она могла и выпроводить:

– Иди-иди, неча тут. Лучше воды натаскай.

Никогда не просила за лечение платы. Да они ни в чём и не нуждалась. Сама вела хозяйство.

Или у ребёнка горб начинает расти. Его в детстве уронили, а лет в двенадцать начинает проявляться. Ей привезут, она выправит. Удивлялись – как это она умеет? А уж вывихи, плёвое дело. Палец мальчишка выбьет, ногу подвернёт.

Всю жизнь до пенсии в детском садике работала. Не знаю точно кем, скорее всего – нянечкой. Ну и деточек лечила по надобности. Девяносто лет прожила. Заходил к ней за год до её смерти, всё прекрасно помнила и ум свежий, как начнёт именами родственников сыпать – кто и где жил, живёт, кто за кем замужем, кто куда уехал, кто в войну погиб. Радовалась, что я иереем стал: «И в нашей родове теперь свой батюшка, есть кому за нас грешных молиться».

Не живёт село без праведника, бабушка Александра была такой. Уважали её, любили и побаивались: могла и отчитать за нерадивость, бессовестность. На таких бабушках держалась русская деревня.

Муж её, дед Иван, был инвалидом. С детства левая нога недоразвита – короче была и не гнулась толком. Он или с палочкой ходил, или, опираясь рукой на ногу у колена. Но в

хозяйстве всё делал, даже косил. Должность свою колхозную называл словами когда-то популярной песни: «Водитель кобылы». Меня часто брал в помощники. Скажет:

– Ну, Виталя, поехали, подсобишь.

Мы с ним весь день на лошади ездим. То зерно со склада везём. В мешки сначала насыплем, потом загрузим. Руки у деда сильные, я чуть помогаю, а он закидывает мешки на телегу. Или отправят «водителя кобылы» на лесосеку – пару бревёшек на конный двор привезти. На ферму за молоком поедем. Весь день на лошади поручения колхозные выполняем. Вечером домой вернёмся, дед Иван отправит меня лошадь отогнать на конный двор. Нужно распрячь, всю упряжь развесить, разложить в строгом порядке. Хомут, дугу, чересседельник, вожжи аккуратно сложить. У каждой лошади своё место для упряжи, свои подписанные крючья. Утром за лошадью иду. Начну запрягать в телегу, сил не хватает супонь затянуть, мужика какого-нибудь попрошу подсобить. Запрягу и гоню со всей дури. Как же – надо с ветерком пролететь по селу. Не доезжая до дома, на шаг коня переведу, да дед Иван по лошади видит, с какой скоростью мы передвигались.

– Ты пошто сильно гнал? – спросит с укором.

Отговорка у меня заранее приготовлена:

– Торопился, боялся опоздать.

– Ой, Виталя, в следующий раз отхожу бичиком, лошадь надо беречь.

Случалось, вечером вернёмся домой, бабушки нет, и поесть ничего горяченького. Дед не будет ждать хозяйку. Скомандует мне щепок из полена нащипать, воды налить в чугунок. Разведёт костерок во дворе под таганком. Лапшички, картошки, ещё чего-то бросит, полчаса и супчик готов. Рассядемся тут же на свежем воздухе, хлебаем. Там и бабушка Александра придёт из детского садика. Скажет:

– Как хорошо-то, хозяйка шлындает, а мужики без неё дом ведут!

И ей супчика нальём.

Гости соберутся, выпьют, войну вспомнят, или военную песню запоют, дед Иван обязательно заплачет. Всякий раз виноватился – не воевал в войну как все. На ногу показывает:

– Ты же видишь, Виталя, из-за неё треклятой!

Все его братья родные, двоюродные, одноклассники все до одного на фронт ушли. Сколько родственников, друзей-товарищей не вернулось. А его не взяли. Не рисовался передо мной, нет. В нём жило искреннее чувство вины, боль, которую носил в себе: не пошёл вместе с мужиками-односельчанами туда, где должен быть каждый мужчина в страшный час. Вроде как оказался недостойным встать в один ряд с мужиками. Пошёл бы, может, и скорее справились с врагом. Что работал всю войну в колхозе от зари до зари, пятерых детей вырастил, это не в счёт. Это каждый бы смог, а вот туда его не взяли...

Слёзы и пьяные, и в то же время не водка в чистом виде

плакала, болела душа у деда Ивана.

Бабушка Александра цыкнет на него подвыпившего:

– Ну-ка хватит!

И как гипнозом обдаст деда Ивана.

– Всё-всё-всё! – скажет. И тут же в уголочек брык. Какую-нибудь фуфайку под себя подтянет и спит. В гостях ли, дома ли, народ гуляет дальше, а он всё.

Бабушки – самое светлое в моём детстве. Не они, не знаю, что бы из меня вышло. В Богдановичи был дружок Борька. Хулиган и двоешник. Отец мой говорил: или он тебя на свою сторону перетянет, или ты его. Ни он меня не перетянул, ни я его. Борька вместо армии на зону пошёл, а потом сгинул. Как и я без матери рос, но отец у него пил. Борька был сам себе предоставлен, как, собственно, и я. Только он хулиган, а я лучший ученик. Скажи кому, что мы с ним корешили – не поверили бы. Где-то спёр мотороллер, переоборудовали его. Ездили на озеро Куртугуз. На неделю уедем на рыбалку. По садам лазили. Однажды в школу мешок яблок принесли – бери, кто сколько хочет.

***

Так рассказывает батюшка о своём детстве. И по крови есть ему в кого быть непоседой, и жизнь складывалась, что походил, поездил по свету.

– Полон дом детей, – откровенничает батюшка, – а ощущения дома нет... Наверное, оттого, что столько лет в общезжитиях, разъездах – сегодня здесь, а завтра незнамо где...

Омск, Томск, одесский вокзал... Это въелось... Ведь я только в сорок лет женился. А и с семьёй года не было, чтобы мы куда-нибудь не ездили... Все вместе, конечно... Как лето, мне надо в путь-дорогу... Душа просит перемены мест...

После института батюшка распределился на север Якутии – в Нижнеянск. Во-первых, ему на суде постановили на Север ехать, а во-вторых, однокурсник Саша Быков в Нижнеянске проходил преддипломную практику после четвёртого курса, вернувшись оттуда, взахлёб рассказывал о красотах тундры. У батюшки нюх по ветру: вот бы побывать! Месяца за два до диплома вывесили списки вакантных мест. Нижнеянскому техучастку требовался помощник капитана земснаряда. Батюшка не раздумывая, пока никто не перехватил, подал заявление. Саша Быков даже обиделся:

– Ну ты и шустряк, Шура, – опередил меня. Знал ведь, что я туда собирался.

– А что ж ты сразу не подсуетился? Я посчитал: ты уже потерял интерес.

– Честно говоря, раздумывал: а хочу ли я туда?

– Могу забрать заявление.

– Ладно, что уж теперь, езжай.

На защиту диплома батюшка взял напрокат костюм у товарища. На ответственные мероприятия – свидание с девушкой, поход с ней в театр – занимать у товарищей одежду понаряднее было обычным делом в общежитии. Тем более – диплом. Вышагивал по Красному проспекту в костюме цве-

та морской волны, белой рубахе, начищенных до блеска туфлях, красных носках. Яркие носки были криком моды – красные, жёлтые. Шёл решительно и смело. Больше ничего не поправишь в дипломе, не переделаешь, остаётся совершить последний шаг, венчающий студенческую пятилетку. Тёплое солнечное утро, лёгкое волнение на сердце, и если последние дни перед защитой жил с желанием растянуть время, его как всегда не хватало, сейчас одно в голове: скорей бы защита. Так бывало перед соревнованиями по боксу – скорее в бой.

Защита прошла отлично. Получил четыре балла, что не омрачило настроение, понимал, не дотянул до высшей оценки.

Получив диплом, полетел в Якутию. Сначала самолётом в Якутск, потом на три дня в связи с нелётной погодой застрял в промежуточном пункте – Батагае, наконец, вот он Нижнеянский, о котором местные острословы говорили: мы живём там, где вымерли мамонты. Река Яна, горы, тундра, круглые сутки солнце на небе – полярный день. Порт, при нём посёлок в две с лишком тысячи граждан. Основные строения – двухэтажные деревянные дома. Что удивило батюшку – тротуары высоко над землёй. Теплотрассу в землю не укроешь, вечная мерзлота. Трубы, в теплоизоляцию укутанные, положены на бетонные опоры, а поверх труб дощатый настил. Идёшь, как паришь над землёй. Тротуары с перилами, чтобы зимой в пургу на самом деле не воспарить от ураганного ветра.

Почти день летел от Нижнеянска вверх по течению на «Ракете», судне с подводными крыльями, к месту работы – земснаряду «Ленский-332». Он делал прорезь на перекате, черпал ковшами гальку со дна, углубляя русло. Галька подавалась на шаланды, стоящие справа и слева по бортам.

После той навигации ад ассоциируется со скрежетом черпаков по дну реки, грохотом, который стоит на земснаряде во время работы. Прибыл на судно в разгар навигации, каюта досталась не из престижных – в самом низу. Жуткий скрежет черпаков, вгрызающихся в гальку, грохот черпаковой цепи стояли над самым ухом. Поначалу думал, как тут жить? Но вскоре привык. Придёт с вахты, завалится и спит, будто не адский гул за бортом, а пение соловьёв.

– Был случай на Яне, – рассказывает батюшка о буднях Крайнего Севера, – баржа к нашему земснаряду пришвартовалась. На барже гора отслужившего свой век стрелкового оружия. Старьё времён Гражданской и Отечественных войн. Куда его везли, на переплавку или затопить собирались – не скажу, не знаю. Никто не охранял, как куча металлолома. Патронов не было. Пистолеты, винтовки, наганы, револьверы. Наши молодые оболтусы, свежеиспечённые выпускники речного училища, не могли пройти мимо такого богатства, перелезли на баржу, кто наган сунул в карман, кто револьвер. Вооружились. С Севера увезти оружие и не пытайся: контроль в аэропортах жёстким – золотоносный край, кругом прииски. Зато подурачились с оружием оболтусы. Сеня Чер-

норай пришёл в посёлковый магазин и, как бы между прочим, вытащил из кармана револьвер, положил на прилавок, скомандовал:

– Пару пачек чая!

Дикий запад да и только. Продавец молодая женщина, чуть за тридцать. Верой, как сейчас помню, звали. Небольшенького роста, таких махотками в частушках зовут.

У махотки белы щёчки,
Тоненькая талия,
Ручки, ножки, локотки,
Шея и так далее.

У Веры талия давно утратила осиный размер, крепкая со всех сторон женщина. Визжать от страха и руки вскидывать к полотку при виде огнестрельного оружия не стала. Сеня револьвер на прилавок водрузил, освободил карман и полез туда за деньгами, за чай расплатиться...

Не успел глазом моргнуть, в его широкую грудь чувствительно упёрлись вилы.

– Не двигаться! – грозно приказала Вера. – Чуть шевельнёшься – воткну!

Вилы не стандартного размера, поменьше и черенок короткий, но зубья до блеска заточены. Вера держала крестьянское оружие под рукой на подобный «дикозападный» или доморощенный бандитский случай. Мало ли, край такой, что

бичей, вчерашних зеков полно, а она как-никак материальными ценностями заведует, магазин никакой сигнализацией и кнопками вызова милиции не был оснащён, надежда только на себя... И вот «мало ли» наступило.

Вера и момент самый подходящий подловила, руки у Сени в карманах – деньги искал.

Сеню заикание пробило:

– Я п-п-пошутил!

– Не двигаться!

Вера в отличие от Сени шутить не собиралась. Сеня приказ «не двигаться!» выполнил, замер с руками в карманах, Вера оперативно смахнула револьвер под прилавок!

– Дура, он не заряженный!

– Ты умник попьёшь у меня чайку в местах, где небо в клеточку! Участковому сдам наган вместе с тобой, пусть проверяет, кто из вас заряженный!

Пришлось мне идти к Вере улаживать конфликт, чтобы не писала заявление в милицию. Командиром земснаряда был Григорий Иванович Корнейчук, здоровенный дядька, на запорожского казака похожий. У него была присказка, как гаркнет басом: «Ну, шо раб Божий, обшитый кожей?» Ему понадобилось срочно в отпуск, за него остался выпускник нашего института, на два года раньше меня окончил, Стас Шелепин. Жена его начальником изыскательской партии работала. Отличный парень, в шахматы хорошо играл. В свободное от вахт время часто с ним двигали коней, ладей и ко-

ролей с ферзями. Стас отправил меня улаживать конфликт. Вера ко мне уважительно относилась. Особенно после того, как я пришёл в магазин за гитарой. Настроил, поиграл и купил. Веру очаровали гитарные переборы.

– Чтобы я Сеню придурочного больше в магазине не видела, – отдала револьвер. – Чуть ноги не отнялись, так напугал!

– Все бы так пугались! Ты Сене вилами рубаху продырявила.

– Пусть радуется – самого не продырявила! У меня полная касса денег, трое детей, он с наганом...

– Револьвером...

– Мне всё равно...

Отдала револьвер. Я тут же его в волны Яны отправил, а всех оболтусов предупредил: повторится подобное – спишу на берег с волчьей характеристикой.

Ружья у нас едва не у каждого имелись. Не охотились только ленивые. В свободное от вахты время надо чем-то заниматься. Кроме охоты я часто просто так бродил по окрестностям. Сопки, озёра, петляющая Яна. Иногда казалось – такого не может быть, завораживающий мир. Гагары, утки, гуси. Кажется, здесь человека не было никогда. Зайцы шныряют. В крутых берегах Яны линзы вечной мерзлоты. Обрыв, а линза выпирает глыбой льда. Смотришь, а из берега, подмытого водой, бивень мамонта торчит, или рога ископаемого быка валяются. Ощущение, ты в другом мире. Один раз с прогулки бивень мамонта несёшь в каюту, в другой – на че-

люсть мамонта наткнешься. Мамонт огромная туша, а всего два зуба в челюсти. Два в верхней, столько же в нижней. Каждый зубок, правда, килограммов по десять. Работая ими, мамонт нагуливал по десять тонн живого веса. Притащу кости к себе в каюту, зарисую, запишу, где найдены. Всю каюту завалил костями. Целую коллекцию собрал. Кости, осколки древней посуды, книги старинные... Музей...

Охотился, конечно. Утки густо летали. Вовремя сделай в стаю выстрел – обязательно в какую-нибудь попадёшь. Повариха земснаряда постоянно зайчатину, утятину готовила. На мотозавозне, катер так называется, отвезут тебя, и добывай дичь в своё удовольствие и на пользу команде.

Я однажды двух гагар подстрелил. Тоже забавная история. Гагары здоровенные, как гуси. Получилось, три гагары на озерко вблизи берега сели. Я притаился, стал выжидать, когда вместе сплывутся, чтобы одним выстрелом... Залег... А мокро кругом, вода холоднющая... Мне в азарте не до температурного режима... Гагары страшно осторожные, чуть шевельнусь – плавно отходят. Не паникуют, не срываются с воды, отплывут подальше... Дождался, перетерпел все неудобства, промок, конечно, – гагары сошлись друг к другу – нажимаю на курок и две сразу кверху пузом. Редкой красоты птицы. Сверху чёрные с белыми крапинками, а пух на животе белоснежный. Лёгким ветром их стало относить от берега. Мне бы сразу броситься за добычей, пока около берега была, да жадность охотничья обуяла – раззадорило третью пти-

цу взять. После выстрела она взлетела и снова опустилась на воду. Один раз стреляю, ей хоть бы что, второй... Нырнёт, через несколько секунд снова на поверхности. Как дразнится. Гонялся за ней, гонялся, стрелял-стрелял. Бесполезно. И смотрю, третью ещё неизвестно, подстрелю или нет, а первых двух, что кверху пузом, точно потеряю. На приличное расстояние отнесло гагар от берега. Собаки нет, некого послать. Вода думать не хочется, какая холодная. А что делать, сапоги-болотники сбросил, в куртке, брюках поплыл (всё равно мокрые)... Не знаю, подстрели я трёх гагар, как бы с ними выбирался из воды, с двумя-то неудобно. Рук две, и гагар столько же. Если в каждую по птице – как плыть? Одну взял в зубы, вторую в левую руку, правой гребу. Дотерпел, не бросил. Слава Богу – судороги не случилось.

Ни о чём трагичном не думал, гордость распирала – с такой добычей вернусь. Мотозавозня за мной пришла, доставила всего мокрого на земснаряд. А там меня оболтусы жестоким образом разыграли. Увидели с добычей... Я ведь не знал, что гагар подстрелил, был совершенно уверен – гуси. В якутской фауне слабо разбираюсь. На кухню понёс трофеи, поварихи где-то не было, оставил у двери. А оболтусы мне говорят:

– Ефимыч, ты зачем гагар убил? У них мясо несъедобное. Такую красоту зря подстрелил.

Я страшно расстроился. И то, что незнайка такой, и, что красоту зря извёл. Как потом пояснили, убить гагар не так-

то просто. У меня ружьё на уток «тройкой» заряжено, когда гагар увидел, перезарядил «нулёвкой». Собираясь на охоту, взял также заряды с крупной дробью, вдруг, думал, гуси попадутся... У гагар пух настолько густой, дробь застревает и не доходит до тела. На удивление получилось – сразу двух подстрелил. Гусей ни разу до этого не приносил. Это не утки, умеючи надо. Почему азарт охватил, когда гагар увидел, наконец-то стоящий трофей добуду. Раньше если что и приносил – мелочь. И вдруг – несъедобные.

Неделя прошла с той охоты. Гагары из головы не выходят. В разговоре со Стасом Шелепиным посетовал:

– Зачем, спрашивается, убил таких красивых птиц? Надеялся удивить всех гусями, получилось – насмешил, несъедобных принёс...

– Да ты что! – Стас на меня уставился. – Какие они несъедобные? Мы твоих гагар умяли за милую душу. Ты сам их уплетал. Не понял что ли? Гагар надо уметь приготовить, мясо предварительно вымочить. Мы их на следующий день после твоей охоты и употребили...

Как говорится, учите матчасть...

Аты-баты на краю географии

Батюшка при каждой нашей встрече старается подвигнуть меня на сценарий о мятежном священнике Багинском, который сначала с амвона призывал паству братья за оружие против большевиков, а потом сам повёл в бой. Батюшка Виталий и сам ломает голову, как лучше сделать фильм о такой уникальной противоречивой личности. Вдруг загорается идеей ввести в фильм фантастику. Без летающих тарелок, гуманоидов и другой небывальщины. В фильме всё как бы реально. Гражданская война, Омск, ставший Белой столицей, кишачий военным и гражданским людом. Большой залитый светом зал с золотопогонными генералами, духовенством во главе с архиепископом Омским и Павлодарским Сильвестром, рядом с ним иерей Виталий Багинский. Верховный правитель Александр Колчак говорит короткую речь и вручает Багинскому наперсный золотой крест. Следующая сцена Багинский в Евгацино служит литургию в переполненном храме, на груди подарок Колчака. Вдруг из притвора крик: «Красные!» И вот уже Багинский верхом на лошади отдаёт короткие команды вооружённым всадникам, скачущим рядом с ним. Отряд самообороны вступает в бой... В этой части картины будет поспешный уход колчаковцев из Омска, бегство Багинского из Евгацино, а потом его арест в Минусинске во времена НЭПа и расстрел.

Затем в свои права вступает жанр фантастики. Багинский переносится в Омск. Время самое советское, с портретами Ленина, членами политбюро. Золотой сентябрь. Сухой, солнечный, тёплый день. Багинский в рясе, на груди тот самый золотой крест от Колчака. Он идёт по городу размашистым шагом, никто не обращает на него внимания. По законам жанра фантастики, он невидим для окружающих. Идёт по улице Ленина, которая называлась до революции Дворцовой. Смотрит по сторонам, узнаёт и не узнаёт Белую столицу. Казачий собор без крестов, нет Ильинской церкви, Железный мост через Омку заменён на новый. Зияет пустотой то место, на котором возвышалась Серафимо-Алексеевская часовня, бесследно исчезла часовня Сергия Радонежского. Стоит магазин Шаниной, и о Боже – нет кафедрального Свято-Успенского собора. Нет Вознесенского собора.

Те, кто победили его, кто расстрелял его, уничтожили все храмы, но город за семьдесят лет стал огромным, это уже не та на восемьдесят-девяносто процентов одноэтажная бревенчатая деревня. Омск понастроил заводы, фабрики, город работает, город учится, умные лица, много молодёжи, много детей. Красивые хорошо одетые люди. Багинский видит в створе улицы Крестовоздвиженский собор, сверкают на солнце главки, увенчанные крестами, почти бегом направляется к нему, будто опасается, что перед ним мираж, сейчас храм исчезнет, или его снесут, взорвут. Нет, собор стоит белоснежным кораблём. Он недавно побелен. Автоматически

проскальзывает мысль: скоро Воздвижение Креста Господня, престольный праздник. Храм тоже изменился, с южной и северной стороны пристроено по приделу. Батюшка поднимается по высокому крыльцу, из раскрытых дверей доносится пение «Херувимской». Царские врата раскрыты. Диакон и протоиерей выходят со Святыми Дарами на солею. Протоиерей благообразный, седобородый, высокий, с низким раскатистым голосом. Народу много, в основном женщины, и сразу видно, здесь все свои, случайных людей нет. Молятся хорошо.

Багинский покидает Омск и отправляется в Евгашино. Целую жизнь не был здесь. С той самой горячей поры, когда пришлось, спасая свою жизнь, драпать от частей Красной армии. Жену Доминику Григорьевну бросил, так и не смог забрать потом, здесь и упокоилась. Отец Виталий в Евгашино, как и в Омске, не уставал удивляться. Не захирело село, наоборот, жизнь его течёт полной рекой: на полях косят хлеба комбайны, на лугах пасутся стада, на дорогах мощные трактора, машины. Большие скотные дворы, фермы. Не понаслышке знал батюшка технологии сельского хозяйствования, воспитывался в Белокриницком сельскохозяйственном училище, а в Минусинске, куда сбежал, руководил совхозом. Профессиональным взглядом оценил он: справно работал совхоз в Евгашино.

Ходил батюшка по селу со сложными чувствами на сердце. Он и радовался и горечь жгла его. Живёт село при сове-

тах, за счастье которого он боролся с этими самыми советами. Добро живёт под ними. Маслозавод делает сыр, масло, как и в дореволюционные годы, поставляет продукцию за границу. Имеется нефтебаза. Нет кожевенного завода, обозного, зато два кирпичных. Швейное производство, со странным названием «промкомбинат», выпускает фуфайки и матрасы. А ещё кондитерское производство, кондитерский цех (торты, пирожные), тоже с непривычным для его уха названием – кулинария. Село не просто крепкое, каким оно и раньше было, процветает его Евгашино. Приросло улицами. Да что там приросло, в два раза больше стало, чем при нём. Улицы заасфальтированы, по обочинам столбы с фонарями, в ночное время не по темноте шагать. Дом культуры со стайкой ребятни на крыльце, и детки-то славные, хорошо одетые, что-то весёлое обсуждают. А это что за здание? Кинотеатр, то есть – театр для кино. Интересно. А вот больница. Он мечтал вместе с купцом Калижниковым о постройке большой, хорошо оснащённой больницы в Евгашино. И вот она стоит. Отделениями для детей и взрослых, роддомом. Два детских сада в селе – рожайте, женщины. Не ожидал такое увидеть. Школа, большая светлая, полная детей, интернат для учеников из близлежащих деревень. Нет коммерческого училища, но есть профессиональное техническое.

Не сгнуло село без купцов-миллионщиков Калижникова, Мельникова, Яркова, Резина, Плехова. Тех самых купцов, которые радели о Евгашино, развивали его, благоуукра-

шали. Никто уже не помнит их, но и без них хорошеет Евгацино.

От прежнего села остался дом купца Калижникова, торговая лавка купца Мельникова, здание министерской школы... Храма нет. Стоит обветшавшее, обезображенное пристройками, без крестов, без колокольни, брошенное на умирание здание, в котором когда-то он совершал литургию и Святой Дух нисходил на Чашу. Сколько человек он крестил здесь, сколько пар венчал, отпевал уходящих в вечность евгацинцев...

Батюшка Виталий перекрестился на то, что осталось от храма, и зашагал на берег Иртыша. Берег полого сходил к воде. Река работала, несла на себе баржи, наливные суда, мощный трёхпалубный теплоход проследовал в сторону Омска. А вот что-то совсем незнакомое летит по фарватеру вниз по течению. Наверное, в Тару. Хищный удлиненный корпус поднят над водой, лишь стойками, идущими со дна судна, опирается на Иртыш. Батюшка провожает взглядом стремительно удаляющееся красивое судно с надписью на борту «Ракета» и садится на огромный пень-корягу. Его, скорее всего, притащило в половодье. Вода отступила, а он оказался на берегу. За лето высох до белизны, до звона. Перепутанные корни торчали, будто щупальца-обрубки. Мысли в голове батюшки путались, как эти корни. Почти нет церквей в Омске, нет храма в Евгацино, но ведь не богохульно живут люди. В школах ученики изучают не безбожников Вольтера

и Лео Таксиля, учат Пушкина, Гоголя, Достоевского, Тургенева, Толстого. Нет «Закона Божьего», но ведь нет уроков атеизма. Детей учат добру, товариществу, справедливости. Получается, бесов революции, с которыми он боролся, переварила страна, перемолола. Или он что-то недопонимает? Не мог он встать под красные знамёна безбожников, не мог. Получается, выступал врагом сегодняшнего Евгацино. Может, на то была воля Божья, а он не понял, пошёл против неё. Да нет же, нет, неужели воля Божья была на то, чтобы расстреливать священников, рушить храмы? Но ведь за что-то попустил это Господь?

***

– Попробуй написать сценарий о Багинском, – настойчиво пытается вдохновить меня бабушка. – Пусть будет там Гражданская война, беспощадная с обеих сторон. А потом Багинский пусть окажется в Евгацино в советское время и постсоветское. Евгацино процветало при царе, достигло наибольшего расцвета при коммунистах и прозябает сейчас. Может, победы он, Евгацино уже не было. За последние четверть века в два раза уменьшилось. Не ленись, садись на автобус и поезжай туда. День потратишь, зато посмотришь своими глазами места, где служил Багинский, где он боролся за лучшую жизнь, как её понимал. Я был в Евгацино в конце восьмидесятых, и год назад – ужас, что стало с селом. Будь у меня власть – издал бы закон: ничего не разрушать. Рассказывали, в Томске стали гореть двухэтажные деревянные дома в цен-

тре. В царские времена это были особняки богатых томских купцов, а сейчас архитектурные памятники – красота и гордость Томска. Горели, как правило. Вспыхнет дом и сухой соломой сгорит. А вскоре на месте пожара появится современная фигурка из стекла и бетона. И тогда губернатор, есть ещё государственные люди, издал указ, на месте сгоревшего памятника архитектуры не разрешается строить в течение пятнадцати лет. Дома чудесным образом гореть перестали.

Я уже рассказывал: в институте была прекрасная база в Мочище, на берегу Оби, где после первого и после второго курсов мы проходили геодезическую и гидрологическую практику. А в дом отдыха, что рядом с базой, ездили на спортивные сборы. Курортная зона, люди как на Чёрном море отдыхали. Хочешь – загорай, хочешь – бери лодочку на остров сплавай. Зимой лыжи, катание с горок. Ни нашей базы не стало, ни дома отдыха, как Мамай прошёл, – разрушено, разграблено, уничтожено. Теперь посмотри Нижнеянск, где я начинал речником...

Батюшка нашёл в интернете любительский фильм о современном Нижнеянске. Автор из тех, у кого шило путешественника в одном месте. Не нужен берег турецкий, рванул за Полярный круг и оказался в Нижнеянске. А там страх Божий. Фильм ужасов. Мёртвые дома, мёртвые улицы... Вода непреодолимыми лужами на месте прежних дорог. Батюшка поворачивает ко мне монитор. В этом доме, давно брошенном, с выбитыми окнами, вырванными дверями, он перед

армией жил. Двухэтажки одна, вторая, десятая, двадцатая – ни одной живой, кладбище домов. Школа, больница, детский сад, бассейн, поликлиника – всё мёртво. Торчат покосившиеся столбы – телеграфные и электропередач. Из живых душ только собаки. Они будто ждут, когда вернутся хозяева, чтобы снова охотиться, ездить на рыбалку. Из двух тысяч жителей осталось пару сотен. Где живут – непонятно. И почему остались? Ехать ли некуда? Лишь дом культуры чудом цел. На нём плакат из давних времён: «Среди социальных задач нет более важной, чем забота о здоровье советских людей!» – Сюда ходили в кино, на танцы, – вскинулся батюшка, – а в школу ходили – в спортзал, по вечерам пускали.

Дом культуры в Нижнеянске уцелел героическими усилиями двух местных энтузиастов. Не дали зданию умереть. Оставить в живых весь посёлок энтузиастов не хватило. В порту разруха, но кое-какая жизнь всё же теплится. Заходят корабли, что идут по Северному морскому пути. Крайто золотоносный. Но за глубинами фарватера практически не следят. Деньги выделяются, но, как это у нас повсеместно заведено, слабо доходят они до исполнителей. Поэтому всё упование на погоду – ветер подул с севера, нагнал воду, корабли поднимаются по Яне до Нижнеянска. Ветер с юга – сгон воды, корабли ждут в устье, на баре Яны.

– Всё варварски уничтожено, – вздыхает батюшка. – Господи, помоги нашему Северу, всей нашей земле.

***

Ту нашу встречу батюшка Виталий посвятил рассказу об армии.

– В общежитие в Нижнеянке собралась целая компания, кто ждал повестки в военкомат. Подружился с Женей Сериковым из Якутска. Он с другого земснаряда был. Пока ждали повесток, продолжали работать на техучастке, готовить его к зимнему периоду. Помогали расставлять технику (земснаряды, путейные корабли, брандвахты...) на зимний отстой – пришвартовывали, отшвартовывали. Капитан, который разводил корабли в затоне, запомнился грубостью, ему доставляло удовольствие унижать – материл, обзывал. Обидных прозвищ в лексиконе было предостаточно, стоял наверху и орал их в рупор. Тип не из приятных. Кулаки чесались наподдавать ему... В свободное время ходили в дом культуры, в спортзал.

Наконец получили повестки и нас отправили в Якутск. Там уже снега полным-полно, холодина. Рядом с городом распределитель, куда со всей Якутии призывников собрали. Обезьянником звали. Несколько корпусов, огороженная территория. Если не знаешь, подумаешь – пионерский лагерь. Только вместо пионеров, что всем ребятам примеры, свора великовозрастных беспризорников, одетых, кто во что горазд. Наряжались в Советскую Армию по принципу – в части оденут, а гражданское всё одно выбрасывать... Видавшие виды фуфайки, пальто, один в шинели, в которой, наверное, отец с войны пришёл...

Условия проживания в распределителе спартанские, температура только-только не околеть, никаких простыней и одеял – матрасы на пол брошены – отдыхай призывник, в армии будет некогда.

В обезьяннике однокашника якута Егора Назарова встретил. Есть городок с красивым названием Покровск, в семидесяти километрах от Якутска. Егор оттуда. Родители потомственные учителя. Отец математику в школе преподавал, мать – русский язык. Две сестры тоже в сфере образования работали. Мама Егора ему в армию письмо пришлёт, обязательно мне приписочку сделает. Я отвечал. Егор напишет, я добавлю. Талантливый парень, учился хорошо. Вместе боксом занимались. Невысокий, но плечистый, крепкий. Боковой удар был хорошо поставлен.

Дядя у Егора – министр образования Якутии, один раз с Егором ночевали у него. Дней восемь держали в обезьяннике. Автобус придёт, команду новобранцев заберёт, и полетели ребята на Дальний Восток, или в Забайкалье, или в Москву. А ты сиди, жди своей очереди. Получается ты и в армии, и не в армии, а в бедламе. На ночь я часто бегал в самоволку. Никто за нами особо не следил, через забор перемахнул и в город. Проблем не было, где переночевать. С Егором однажды к дяде-министру завалились. Две дочери у него, симпатичные девчонки и сразу видно – воспитанные. Отец министр, у других бы нос до потолка, эти – нет. Скромные, улыбчивые. Дядя накормил, вином угостил. Спали как

люди на белых простынях, это не матрасы в обезьяннике.

С якутами по жизни часто сталкивался, в институте, на флоте, прекрасный народ, трудолюбивый, умный. Одна беда... Не растёт у них виноград... Для южан вино, что сок виноградный, для северных народов – смерть. Втянется – всё. А втягивались махом. На Яне работал, часто видел в сёлах спившихся мужчин и женщин. Тракторами, бульдозерами человек вечную мерзлоту обнажает, тем самым губит тундру, так и в душу северных народов вторглась цивилизация. Слава Богу, Егор не был подвержен этой болезни.

В распределителе познакомился с Колей Кислицыным, его после индустриального техникума призывали. По сей день с ним переписываюсь. Был у него в гостях в Красноярске. Он ко мне с женой и дочкой приезжал. А ещё с Пашей Берёзкиным сошлись, он строительный техникум окончил. Один парень, Саша Михеев, с баяном служить поехал.

Понемногу распределитель пустел. Команду Женю Серикова день на третий отправили в Комсомольск-на-Амуре, он в связи служил. Всего раз успели в самоход к нему домой на пару сбегать, один раз ходил без него. Мама обрадовалась:

– Молодец, что пришёл. Не стесняйся, будешь возможность ещё приходи.

Хорошо у них было дома. Над диваном висела репродукция картины Крамского «Неизвестная». Сестра у Жени в медучилище училась, на гитаре играла. По её просьбе несколько студенческих песен ей записал. Коллекцию свою,

что из Нижнеянска вывез (кости мамонта, какие-то артефакты) оставил у Сериковых в сарае. Так и не забрал потом, хотел передать в какой-нибудь музей. Не получилось.

Попал я в хорошую команду, сапёрные войска, в Москве бы служил. Да проворонил. Ночью борт пришёл, подняли ребят, в автобус посадили и на аэродром. Меня выкрикивали, а в ответ тишина. Я был в самоходе. Если две ночи в распределите переночевал, то хорошо. Вечером убежал, утром первым автобусом приезжал до подъёма. Мне говорят: твоя команда улетела ночью, тебя кричали, кричали. Где был? Крепко спал, говорю, не слышал. Надо было громче кричать.

Меня записали в морфлот, во Владивосток. В распределителе нами командовал старший лейтенант. Из переростков, ему давно майором пора быть, он всё ещё старлей.

– Ну, Кузнецов, добегаешься ты у меня, – пообещал, когда я и Владивосток пробегал, – отправлю, где Макар телят не пас!

– Дальше географии не отправите, товарищ старший лейтенант! – духарился я.

Но сожалел – в Москву не попал. В столице ни разу не был до этого, хотелось посмотреть.

– Будет тебе география с биологией! – пригрозил старший лейтенант.

Так и получилось. Улетел с последней командой, вместе с Колей Кислицыным и Пашей Берёзкиным в Тикси. Конец земли, море Лаптевых, Ледовитый океан. Севернее всего три

населённых пункта Советского Союза – Диксон, Сындасско, Хатанга. Не знаю, как у этих самых северных северян дело обстояло в тот день с погодой, Тикси встретил пургой. Вышли из самолёта, я сразу вспомнил старшего лейтенанта. Макара пасти телят сюда не погнал бы ни за какие коврижки. В Москве однозначно теплее было бы служить. Внешне мы все хорохоримся, дескать, нам всё нипочём, всё можем, а когда прижмёт, внутри начинает ёкать. Идём по лётному полю, страшный ветер со снегом бьёт в лицо. Идти невозможно. Прёт на тебя. Глаза залепило, лицо корочкой схватило, как только летуны борт посадили. В Новосибирске далеко не каждый ноябрь по-настоящему зимний. В Тикси в сентябре уже зима, в октябре – конкретная, а в июне плац от снега чистили.

Не всё складывалось невесело в тот день, в казарме столкнулся с Егором Назаровым. Он улетел предпоследней командой. В казарме слышу знакомый голос. Егор за двухъярусной кроватью с кем-то разговаривал. Не видно было.

– Назаров, – говорю, – ты что ли, якутская твоя душа?

– Однако я, – высунулся в проход Егор.

Обрадовались друг другу, будто не вчера расстались, а несколько лет назад.

Военный городок назывался Тикси-3. Ни телевизора, ни увольнений, ничего, одичать можно, и дичали. Старослужащие не знали, куда себя деть, развлечением было над молодыми покуражиться.

Нас новобранцев в сумме триста человек прилетело, а триста дембелей, нашим бортом отправили в Якутск. Мы с самолёта вышли, они в наш самолёт идут. Кричат:

– Гуси-гуси!

Мы в ответ:

– Га-га!

Гусями нас звали. Триста дембелей улетело, но всё равно попадаем в волчью стаю, старослужащих осталось ещё девятьсот человек. Хорошо, командиры не бросили к ним, а сформировали две роты из молодых.

По прилёту погнали в баню. Всё под окрики «быстрее-быстрее». Одежду не по твоему размеру сразу выдали. Гимнастёрка, брюки, бушлат. Твой не твой размер – бери, что дают, потом разберёшься. У Егора сорок первый нога, сапоги сорок четвёртого достались. Мне бушлат недомерок – по пуп. Потом начался круговой обмен. В результате практически все оделись по размеру. Бушлаты старьё выдали. Всё предусмотрено. Одень в нормальное молодых, деды тут же отберут. Выдали бэушные, давно списанные. Все замасленные. Когда-то танкисты в Тикси стояли, наверное, с тех времён. Гимнастёрки, брюки хабэ, не жарко было зимой.

Полк аэродромный, обеспечивал дальнюю авиацию. Хозвзвод, автобат, трактора, машины, дизельные подстанции... Всё, что касалось жизнеобеспечения военного городка, лежало на обязанностях полка. Первые полгода – самые трудные. Молодых гоняли кирпич разгружать, снег чистить... К

вечеру еле ноги волочишь, только до подушки добраться. Да разве дадут, начинается – «рота, отбой!», «рота, подъём!», «рота, отбой!», «рота, подъём!»... Бессчётное количество раз. В сорок пять секунд раздеться, уложить аккуратно одежду и запрыгнуть в кровать.

Сходить в столовую – уже испытание. Поначалу казалось, не успел сесть, первую ложку поднести ко рту, над ухом: «рота, подъём!» Вскакиваешь голодным... Но это не самое страшное... В зале с одного края сидели те, кто год прослужил, с другого – полтора. Мы, молодые, мимо бежим, а им развлечение – «поймать гуся». За руку схватить тебя: ну-ка, гусь, отнеси мою посуду. Казалось бы, ну что там пара чашек, не переломишься... Да около моечной столовские старослужащие на гусей охоту ведут. Попадёшься – будешь мыть посуду до посинения. «Гусей» наловят, те весь день пластаются. Потом зачуханные, перепачканные возвращаются в казарму, и там не с распростёртыми объятиями старшина ждёт. Гаркнет:

– Где шлялся?

И получай наряд вне очереди. Ты пахал, а тебе вдобавок наряд. Старшина прекрасно знал, где подчинённые «шлялись», да логика железная: раз попался в лапы дедов – сам виноват, в следующий раз будь хитрее.

В казарме у нас подобралась группа, может, человек пятнадцать, большинство, кто после института, техникума, вместе держались. Одному трудно в армии, надо иметь друзей.

Саша Михеев, баянист, к нам примкнул. Интересный парнишка, он мечтал побывать в космосе. В наше время были такие мечтатели. Даже хотел поступать в лётное училище, не прошёл медкомиссию, доктора нашли отклонение по зрению. О своей мечте Саша не распространялся, мне по секрету сказал. Любил научную фантастику. Говорил: «Скоро техника достигнет такого, что любой может в космос полететь». Он с баяном не прогадал. «Нам песня строить и жить помогает...» Саше инструмент помогал служить. Парень не из боевых, зато баянист – любую песню сыграет, на любой вкус заказ выполнит. В нашей части к нему все с почтением относились, офицеры лишний раз не напрягали.

После армии мы потеряли друг друга. Пытался его по интернету отыскать, не смог.

В роте сбилась группа приклатнённых. У кого-то из них это было напускным, кто-то из дворовой полукриминальной шпаны. Останься такой на гражданке, не исключено, получил бы срок. Много было якутов, они тоже своими группами держались, хотя в нашей группе тоже имелись якуты, кроме Назарова – Виноградов Славик, Толя Зырянов. Каких-то стычек серьёзных, антагонизма между группами не было.

Хотя, случалось, ходили по краю. Был такой Муконя, цыганистый парнишка, вызывал гадливые чувства, такие типы бьют исподтишка, ножом пырнуть могут. Но мы с ним ни разу не сцепились, Бог миловал. Вокруг него собралась компания таких же. Блатных из себя изображали, бывалых. И

стал один из них до Егора докапываться. По фамилии Бабков, кличка была Боб. Начал цеплять Егора. Раз, другой, третий. Вижу, дело добром не кончится, пора ситуацию разруливать. Хуже будет, если без меня что-то случится.

Бобу после его очередного наезда на Егора говорю:

– Он тебе что-то должен? Чё ты на него без конца насканиваешь? Ты чем-то недоволен?

Боб с вызовом:

– Да, недоволен!

– Хорошо, – говорю, – один на один пойдите и объяснитесь. Ты не мандражируешь?

– Да я его...

– Отлично, шагайте за тамбур.

Был закуток за тамбуром, курить туда ходили.

Разговор происходил в казарме. Из группировки Мукони поднялись несколько человек, следят, что дальше будет, и наши ребята приготвилились.

Я Егору тихонько говорю:

– Без лишних разговоров сразу начинай, заходи под руки его и боковыми со всей дури.

Боб Егору:

– Ну, чё, якут, ссышь? Айда я тебе кровянку пущу.

Его дружки смотрят, и мы начеку. Если они пойдут, мы вяжемся, будет общая свалка.

Боб с Егором встали друг против друга. Боб что-то сказал Егору. Тот в ответ боковой удар, с правой, а потом с левой.

После второго удара брейк – Боб на задницу садится и встать не может. Поплыл. И заплакал как ребёнок. После этого он весь авторитет у Мукони и дружков растерял, стал у них на побегушках. Из Боба прекратился в Бобика

Одно время роту начали гонять на строительство ледника. Здоровенный склад для мяса. Стены дощато-ледяные. Внешняя стена в одну доску толщиной, дальше из кубов льда стена, и ещё внутренняя дощатая стена. В навигацию мясо по северному морскому пути привозят и загружают в такой склады. Мы лёд закладывали. Поставят шеренгой, кубы льда передаём друг друга. Естественно, на открытом воздухе. Зима, холодина. И обязательно лёгкий ветерок. При минус десяти градусах он бы освежающим показался, а когда мороз за тридцать. У всех лица сделались коричневыми. Чуть не уследил – щеку или нос прихватит. Вовремя заметишь или подскажут – ототрёшь рукавицей, разгонишь кровь. Но чаще в казарму придёшь, начинает саднить – отморозил. В результате получаешь вот такой зимний «загар». И холодно, бушлаты одно название. У старослужащих специального пошива для Крайнего Севера, удлиненные, утеплённые, в нём есть специальная маска, на лицо надевать, а нам выдали танкистские, короткие, холодные.

На леднике я понял: надо что-то предпринимать, иначе можно пропасть не за понюх табаку на таких работах... Постепенно нас, молодых, из роты стали разбирать по объектам части. Смотрю, одни ребята в хоздвор пошли, на тепли-

цу двоих взяли. Как-то пришёл прапорщик, спрашивает:

– Кто разбирается в дизелях?

Увёл двоих. В дизельной тепло, никакого тебе льда или кирпичей. В следующий троих парней в автобат взяли. Разбирали нас потихоньку. И тут приходит лейтенант Вагнер. Молодой, первый год как после военного училища. Как потом оказалось, отличный парень. Спрашивает:

– Кто чертежи может делать? Тушью писать?

Ни секунды я не раздумывал.

– Я! – кричу, – И ещё Егор Назаров, он прекрасно тушью пишет, Николай Кислицын, Павел Берёзкин.

Так мы оказались в штабе полка, в производственно-техническом отделе, который подчинялся главному инженеру полка и занимался инженерно-технической работой. Главным инженером был подполковник Королёв, начальником ПТО майор Зелинский Андрей Павлович. Начну ему форме докладывать:

– Товарищ майор, рядовой Кузнецов...

– Да брось ты козырять, – перебьёт меня.

Майор из гражданских, после технического вуза призвали офицером в армию, и остался на двадцать пять лет. Не служака, технарь. Хороший человек. В штабе большинство офицеров было после институтов. С ними почувствовали себя людьми. Мы чертили, писали тушью, участвовали в составлении смет, отчётов. В казарму только переночевать приходили. Старшиной роты был Сосковец, всё пытался нас

ущемить. Не по душе было ему, нет возможности подчинёнными распоряжаться с подъёма до отбоя. Несколько раз пытался в воскресенье не пустить в штаб, дескать, хватит в тепле баклуши бить, здесь работы хватает. В этом случае нашему командиру роты звонил зам комполка и давал взбучку: срочно отправить ребят в штаб. Добавит для острастки, горит отчёт для Москвы, а вы моих работников задерживаете. Полк напрямую подчинялся Москве, оттуда часто приходили запросы: подготовить то, составить это. Своя бюрократия...

Командиром полка был полковник Иван Иванович Бабенко. Бравый мужчина. Походил на киношного Чапаева, которого в знаменитом фильме Борис Бабочкин играл. Голос раскатистый, каждое слово команд впечатывал в подчинённых намертво, ломом не вывернешь. В самый лютей мороз ходил в сапогах. На градуснике под пятьдесят, все в валенках, и в них-то не жарко, он в начищенных до зеркального блеска сапогах. Другой обуви не признавал. Биография по-настоящему офицерская, не генерала сынок: Дальний Восток, Забайкалье, Белоруссия... Помотался, как военное училище окончил, по гарнизонам, а жена, Елена Алексеевна, с ним. В штабе заведовала библиотекой техдокументации. Сын учился в Ленинграде в военном училище. Полетит к нему, а меня в библиотеке за себя оставит. Душевная женщина, опекала меня.

Однажды пришёл с синяком. Она сразу:

– Что случилось? Говори, всю роту разворошу!

– Нет, – говорю, – спортом занимался, упал.

Не сказал, что подрался. Был у нас сержант Клопов. Нормальный, в принципе, парень. В тот раз заметил мою хитрость. Взвод, в котором я стоял на вечернем построении, отправили кирпичи таскать. Я был самым последним, сделал шаг и встал в соседний взвод. Я не я и кирпич меня не касается. Клопов узрел мой манёвр. Передо мной якуты низкорослые стояли, это и подвело. Отбой скомандовали, я понёс сапоги в сушилку. Клопов за мной:

– Ты что это, Кузнецов, совсем оборзел! Ну-ка быстро на кирпич!

Я делаю вид, что не слышу, захожу в сушилку и вдруг удар сбоку. На автомате уклоняюсь, вскользь всё же задел меня, я молниеносно даю ответ. Дело усугубилось для Клопова тем, что я в руке держал сапог, пол-лица ему расквасил. Он из сушилки вылетает с разбитой физиономией. Сержанты увидели и как горох на меня посыпались. Я к стенке отскочил, чтобы никто за моей спиной не оказался. Ухожу от ударов, главное устоять. Пару раз кого-то задел. Я и в армии старался тренироваться. Тут мои ребята подскочили. Сержанты дали задний ход. Они оказались в меньшинстве. Нас на следующий день в наказание отправили в гарнизонный клуб делать генеральную уборку.

Как Елена Алексеевна ни допытывалась, не сказал ей о драке.

Один раз едва-едва удалось избежать серьёзной стычки. Нас с Егором отправил капитан Коваленко, геодезист, на свайное поле. Сваи летом забивали, ему надо было их уровни замерить. Мороз жуткий, и ветерок, как обычно, тянет. Капитану самому мёрзнуть не хочется, нас послал. Мы один уровень сделали, второй, к пятой свае замёрзли до печёнок. А там их не один десяток. Лица полотенцами замотали, бушлаты те самые не северные, танкистские, не для сорока градусов мороза. Закоченели, жить не хочется. Я принимаю решение заканчивать эти работы.

– Егор, – говорю, – сворачиваемся. По остальным на глаз напишем. Кто проверять до лета будет. Это всё для проформы.

Невдалеке вагончик стоял, из трубы дымок, заскочили погреться, смерть как закоченели. Заскакиваем, а там дембеля. Среди них Ефремов, немного знал его, натуральный уголовник. Говорили, ему тюрьма корячилась, в армии от неё скрылся. Потом всё равно в дисбат загремел.

До Егора не он докопался, а Кудряшов – Кудряш. Примерно такой же сволочной тип, как Ефремов. Сидит, развалившись, у печки и спрашивает Егора:

– Якут, как тебя зовут?

– Егор.

– Егорка, иди я тебе щелбан поставлю.

Меня всего перевернуло.

Егор напрягся, стоит. Его начали толкать к Кудряшу.

Я смотрю, у стенки кусок арматуры в палец толщиной. Ну, думаю, если что – будем отбиваться. И говорю:

– Ставь лучше мне!

Они Егора в сторону, на меня переключились, что это за борзость?

– А что это ты за якута впрягаешься? – Кудряш мне. – В школе вместе учились? Или вы родственники?

Все заржали. Что институт окончили, об этом мы не говорили. От зависти, что нам год служить, живьём съедят. Молчали до последнего.

– Какая, – говорю, – разница?

То ли вид у меня был настолько решительный, то ли Ефремову понравилось, я не побоялся пойти на всех за товарища, а их было человек десять. Егор с виду как пацанчик, в нём чуть больше метр шестидесяти роста. Хотя боксёр, повторюсь, был хороший. Спарринговал с ним много раз, силу его кулака знаю.

Ефремов говорит:

– Ладно, пацаны, не трогайте их. Это мои кореша. Пусть греются. При случае, боец, – ко мне обратился, – чаю хорошего пачечку занесёшь мне.

Так мы с Егором избежали драки. Тяжело бы пришлось, навалились они на нас.

В штабе, конечно, была лафа работать. Никакой муштры, офицеры по-человечески относились, никто не рявкал на тебя. И свой кайф – в столовую строем не ходили. К со-

жалению, в столовой роли не играло, штабной ты или нет, ты – гусь, а значит, держи ухо востро. Я однажды зазевался. С Егором поели, посуду понесли, а тут деды. При кухне им хорошо – сытые, в тепле, но самим палец о палец ударить лень. На молодых ездили. Поешь, бежишь из столовой, тебя со всех сторон ловят. Я всегда ухитрялся уходить, чтобы посуду за кого-то не нести или того хуже – в мойке пластаться. Свою тактику разработал, она меня выручала. Момент выберу, когда выскочить из-за стола, и наловчился лавировать при отходе. Дембеля это засекли, заусило их: надо этого борзого поймать! Устроили настоящую охоту. Несколько человек стеной встали на лестнице, я из зала выскакиваю, думал, ушёл, а меня ждут. На других гусей не отвлекаются, только я нужен. Двое схватили, один – за правую руку, другой – за левую. От одного я вырвался бы, но двое и крепкие парни.

Заарканили и заставили посуду со столов, бачки таскать в мойку. Сами караулят, глаз не спускают, чтобы не сбежал. Решили по-настоящему проучить. Ещё и тычками награждают, пользуются, что руки у меня заняты. Потом в мойку завели, двери закрыли – работай. Там таких, как я, гусей с пяток наловили и запрягли посуду мыть. Формально деды дежурят, а по факту, работают гуси. Я уже рассказывал, к вечеру гусь в казарму приходит, у него вся гимнастёрка, брюки засалены. Шутка ли полторы тысячи человек поели, за ними надо посуду вымыть, воду вынести, порядок навести, овощи на следующую закладку почистить. Форма изгажена,

сам весь измочаленный, а на него ещё в роте: где ты был? Понимают, где, но запросто можешь получить вдобавок ко всему наряд вне очереди: к примеру, казарму ночью мыть.

Егор увидел, что меня поймали, вернулся в столовую на заклатание. Я ему:

– Егорушка, зачем ты-то пришёл? Ладно, я попался, но ты-то зачем?

– Ну как же, Виталья. Как могу тебя бросить!

В душе, конечно, приятно, Егор решил разделить один кнут на две спины.

Дембеля довольны – гусь сам сдался. Ловить не надо. Бывает же такое. Они королями ходят, шапки на затылке, гимнастёрки расстёгнуты.

Один свысока с издёвкой бросил:

– Раз Егорушка на подмогу прибыл, бачок с помоями вдвоём друженько взяли и быстрым шагом вынесли.

Столовая была так устроена, что на первом этаже кухня – варили, готовили, а на втором – обеденная зона и мойка. Отходы в здоровенный алюминиевый бачок собирают, как наполнится – на улицу его тащат. Берём с Егором бак за ручки, спускаемся на площадку между этажами, я смотрю – никого поблизости.

– Егор, – говорю, – бросай, бежим!

Мы бачок кидаем и вниз по лестнице со всех ног. Бачок переворачивается и катится по лестнице, помой рекой. Дембеля слышали грохот и за нами. Мы во внутренний двор

выскочили, а там высоченный забор. Я Егора подсаживаю, он ниже меня, затем хватаюсь за верхний край, подтягиваюсь, и тут какой-то шустряк вцепился в мой сапог. Но у меня их два. Пускаю в ход свободный, обрушиваю его на дембеля, он теряет всяческий интерес к погоне. Мне, само собой, ждать других преследователей не с руки, перелетаю через забор. А дальше держи-лови... Уж что-что, а кроссы мы с Егором десятки раз в институте бегали. Тут, шалишь, нас поймать. Не выйдет! Это вам не столовая.

Закон такой, попался в руки старослужащих – сам виноват, удрал – молодец. На следующий день иду мимо плаца, навстречу дембель, из тех, кто на кухне окопался.

– Ну, ты, гусь, и ловкач! – мотнул он головой. – Молоток!

В штабе к нам как к штатским относились. Можно было в магазин гарнизонный сходить, что-то купить. Меня даже офицеры за водкой отправляли. Был у нас капитан Симонов, иногда слабину давал – выпивал. Вечером офицеры сгоношатся втроём-вчетвером тайком от жён расслабиться. А кого послать? Егора нельзя – провалит дело. Его спроси: что несёшь? Честно ответит: водку. Да и приметный. Выбор пал на меня. Рядовому спиртное не дадут – придумали костюмированный спектакль. Бушлат с капитанскими погонами одеваю, шапку. Сапоги брюки мои – остальное Симонова. Я от себя добавил в маскарад очки Елены Алексеевны. Она домой уходила, очки на столе оставляла. Золотистая тонкая оправа, стильные очки. Наряжусь и молодым капитанчиком иду. Ни-

кто не узнаёт. Солдаты наши бегут, ещё и замечание сделаю.

Один раз едва не попался. Возвращаюсь из магазина, а наш ротный, капитан Усманов, заступил на дежурство по штабу. Это случалось крайне редко, но бывало. Я как раз попал в пересменок. За водкой пошёл, один офицер сидел, возвращаюсь – Усманов. Он меня как облупленного знал, раскусил бы в любом наряде, в любых очках. Да я вовремя заметил ротного, захожу в штаб, он за окошком сидит, я задний ход. Не успел он засечь. На крыльцо выпятился, что делать? Тут солдатик молодой выносит из штаба мусор на сжигание. Специальный бачок, а в нём мусор. Парня я знал, был из Никополя. Подзываю:

– Выручай.

Бушлат капитанский, шапку, водку в бачок сунул.

– Это, – говорю, – капитану Симонову передай, а мне тащи мои бушлат и шапку.

Ни себя не подвёл, ни Симонова. В доверии был у офицеров.

Армию, конечно, надо развивать и совершенствовать. У меня старшего сына Витю недавно призвали. Окончил музыкальное училище, можно было в армейский ансамбль, он отказался. «Хочу, – сказал, – как ты, папа, в обычной части отслужить». Отправили в Новосибирскую область. Приедет, расскажет, чем современная служба отличается. У нас говорили: армия школа жизни, но лучше её пройти заочно. Мне лично никакого творческого развития она не дала. Может

и зря сын отказался от ансамбля. Долг, само собой, Родине отдать надо. И продержаться. Один в армии не проживёшь, только с друзьями. Особенно в таких условиях, как в Тикси, где люди дичают в оторванности от мира, от гражданского населения, вдали от цивилизации... Ни тебе увольнений (а куда идти?), ни знакомых за пределами части... Хорошо, я себе каникулы устроил, как Василий Иванович Чапаев в академию поступал. Только Василий Иванович в анекдоте поступал, а я чин по чину пытался. Но это особая армейская история, ей посвятим отдельный рассказ.

Академик из межклеточного пространства

В тот день батюшка крестил, договорились встретиться после этого. Я даже припоздал и застал в келье у батюшки незнакомого мужчину. На вид лет сорок. Широкие плечи, крупные черты лица, ранняя лысина, и голос под стать комплекции – басовитый. Представился:

– Александр.

Рукопожатие крепкое.

Батюшка предложил мне чай.

– Александр свежим мёдом угощает, пасека у него.

– Дядя в основном занимается, – не желая чужой славы, сказал Александр, – я, так сказать, в доле, больше на подхвате. Дядя профессор в пчеловодстве. Отец мой тоже сообразал в этом...

Мёд был отменным. Тёмный, почему-то хочется сказать, таёжный, хотя не совсем так, не в тайге пасека. Мёд ещё не загустел, растекался по языку, пощипывая его, обволакивая нёбо, горло... Вкусно...

– Расскажи писателю про отца, – попросил батюшка Александра.

Отец Александра, было ему тогда за тридцать, в командировке в Комсомольске-на-Амуре познакомился с женщиной. Недолгая встреча не прошла бесследно, забеременела мимо-

лётная знакомая и родила девочку Ксению. А у мужчины семья в Омске – жена, сын Александр. Семью не бросил, и от дочери не отказался. Не встал в позу: мало ли от кого может быть ребёнок, и вообще – мы так не договаривались. Поступил по-мужски, было дело – было, значит, люби и саночки возить. Помогал по возможности дочери, посылал деньги в Комсомольск-на-Амуре. Жена ворчала, а кому понравится, но терпела. Когда началась в девяностых годах катавасия в стране и на оборонном заводе, где работал мастером, переквалифицировался в пчеловоды, на пару с братом занялись пчёлами. Это помогло удержаться на плаву.

И вот в двадцать пять лет дочь Ксения, оставляет «Город на заре», как назвал в своей пьесе Комсомольск-на-Амуре драматург Арбузов, и приезжает в Омск к отцу. Первая жена у того перед этим умерла, жил один. У сына Александра своя квартира, своя семья. И всё было бы даже и хорошо, как-никак веселее пожилому мужчине, есть кому суп приготовить, порядок в доме навести, да дочь оказалась ветряной. Привела сожителя. А он из пьющих. И любитель шумных застолий. Однажды с товарищами завалился. Одна бутылка, вторая, третья... Душа (эх, разлюбилилюли малина, хорошо-то как!) просит продолжить бравый счёт опорожнённым бутылкам, а не на что... Они к хозяину квартиры: подкинь-ка, батя, денег! Видишь, у людей масть пошла, аппетит разыгрался, а ты сидишь, как не родной. Хозяину порядком надоели гости, сам не участвовал в возлиянии, сослался на недо-

могание, и в категорической форме отказался субсидировать дальнейшее веселье. Ах, так, рассердились гости, схватили новый телевизор, и понести аппарат на продажу. Сейчас хорошо, телевизоры плазменные, взял под мышку и неси... Хозяин попытался противодействовать грабежу. Хоть и в возрасте человек, но силушка в нём была. Гости расшвыряли, сначала ударили сзади табуреткой по голове, а потом просто-напросто запинали. За содеянное получил сожитель Ксении десять лет.

Александр выгнал сестру из квартиры отца. Она стала снимать с подружкой квартирку в малосемейке, работала в магазине. Нашла себе нового сожителя, собралась за него замуж. Да выяснилось, что тот имел ещё одну возлюбленную. Ксения решила бороться за счастье, пошла к сопернице и сказала, что у неё будет ребёнок от сожителя. Соперница накинулась с кулаками на Ксению. Завязалась драка, соперница ничего умнее не придумала, схватила утюг и ударила Ксению в висок. Та скончалась в больнице.

– Невесёлая история, – сказал, завершив рассказ, Александр. – Не сделай отец добро – жив бы остался.

Он распрощался и ушёл.

– Видишь, какие кружева судьбы, – покачал головой батюшка. – Человек в молодости дал слабину, согрешил, и ведь не подлецом повёл себя, не бросил семью, не бросил дочь, всю жизнь помогал им... По-мужски из ситуации вышел... Александр считает: сработал закон бумеранга. Сестра при-

несла зло отцу и поплатилась за это. Но опять же – отец по его логике за добро поплатился. Один Бог знает и рассудит, кто здесь больше неправ, а кто больше виноват... Да только как ни рассуждай – двух человек нет... Хотя приняли они мученическую смерть... Как говорят старцы, кто убивает – на себя грехи убиенного принимает...

Я допиваю чай с вкуснейшим мёдом, услышанную историю буду обдумывать позже, а сейчас надо использовать время, пока батюшку не отвлекли. Раскрываю записную книжку с планом беседы. Сегодня у нас продолжение истории службы в армии. И в частности – обещанный батюшкой в прошлую встречу рассказ о поступлении в академию.

***

– Попалась мне в руке газета Забайкальского военного округа, – начал батюшка повествование после моего наводящего вопроса, – читаю: солдат с высшим образованием может поступать в академию имени Дзержинского. Экзамены в Чите сдавать. На носу лето, моя авантюрная душа жаждала перемен. Думаю, вот бы каникулы себе устроить. Съезжу, проветрюсь, сдам, не сдам, там видно будет...

Показал Елене Алексеевне газету. Она говорит: «Езжай. Позвоню нашим врачам, пройдёшь комиссию». Без её поддержки я бы не решился. Врачей предупредила, с мужем согласовала. Не исключено, он был рад моему отъезду, терпеть меня не мог. Ревновал, что жена сочувствие ко мне проявляла. Понимал, это чисто материнское чувство, но раздражал-

ся. Елена Алексеевна сама была полной сиротой, тётка воспитывала, и знала, что я рос без матери. В штабе я старался командиром полка на глаза не попадаться. Если вдруг сталкивались, он искал зацепку в моём внешнем виде, а найдя – припечатывал басом:

– Кузнецов, на гауптвахту посажу за разгильдяйство!

Я тянулся перед ним в струнку, старясь выглядеть образцовым солдатом.

Дело с академией закрутилось, медкомиссию легко удалось пройти, можно лететь в Читу, и как раз Бойко в штаб военного округа собрался. Елена Алексеевна наказала взять меня с собой. Проявила полную солидарность. На аэродроме командир полка вручил мне чемоданчик с рыбой, вёз в качестве презента начальству.

– Головой отвечаешь! – предупредил.

Чемодан аппетитно пах копчёной рыбой, захлёбываясь слюнями, таскал его за командиром. В Чите мы расстались, я – с чемоданом и с Бойко, они со мной. Комполка напоследок гаркнул:

– Кузнецов, часть нашу не опозорь на экзаменах! И вообще, не опозорь! Больно ты шустрый как я погляжу!

– Есть, – говорю, – не опозорить!

Дальше попадаю в заоблачные высоты – к генералу. Не сразу с самолёта. Год был экспериментальный, со всего округа военных абитуриентов – солдат и офицеров – собрали в Читу. На её окраине посёлок Песчаный, можно сказать, во-

енный городок. В одной из военных частей отвели место для абитуриентов. Офицеры отдельно, солдаты отдельно. В основном это были те, кто поступал в высшие военные училища. Офицеры со средним военным образованием и солдаты, пожелавшие связать жизнь с армией. Но я-то замахнулся на академию. Среди рядового состава один такой выискался. Вызывают меня к генералу.

Не скажу, что много в своей жизни видел генералов, почему-то попадались или могучие, плечи в двери не проходят, голова потолок подпирает, или наоборот – метр с фуражкой. Сделал для себя вывод: первые за счёт физической мощи пробиваются к генеральским звёздам. Вторых синдром Наполеона заносит на вершину. Коротышка Наполеон, благодаря непомерной гордыне, всю Европу под себя подмял. Кабы поумерил её, так бы и царствовал, да полез в Россию на свою голову. Мой генерал был невысокого роста, круглый, мячеобразный.

– Кузнецов, ты в своём уме? – загрохотал командным голосом. – Какая тебе академия? У нас офицеры не могут поступить, а ты рядовой суёшься! В Тикси у вас что – мозги вконец отмёрзли? Рядового посылать в академию?!

На это у меня был свой козырь в рукаве – газетка с путеводительной статьёй. Нужный абзац, где говорится, что солдаты с высшим образованием могут поступать в академию имени Дзержинского, я чернилами обвёл.

– Товарищ генерал, – докладываю по всей форме, – в га-

зете написано.

Так сказать, что написано пером, не вырубишь топором. Протягиваю газету и окончательно вывожу генерала из себя! Он пробежал глазами:

– Малохольный какой-то написал! Только с высшим военным образованием в академию можно поступать! Напишут же. Эту статью знаешь куда надо употребить?

Вопрос задан, требуется ответ.

– Так точно, товарищ генерал, знаю!

Газету не стал оставлять генералу, решил, может, сгодится. Генерал протянул мои бумаги:

– Иди в своё управление, служи дальше. Академик выискался...

Вышел я от генерала, дух перевёл. Вспомнил слова полковника Бойко: «Не опозорь нашу часть на экзаменах». Не опозорил – генерал возможности не предоставил.

Поехал в штаб Забайкальского военного округа в управление, которому подчинился наш полк. Документы показываю, газету показываю, говорю, мне надо в Тикси служить дальше, в ответ звучит: ишь чего захотел, Тикси ему подавай, ты от своей части уже откреплён.

Получается, я – отрезанный ломоть: и не там, и не здесь. Из управления меня наладили в комендантский взвод, мол, там определяют, где тебе служить.

И начались мои приключения. Вскоре я понял: если ты ни за кем не числишься, специально тебя не прислали – нико-

му ты в армии не нужен. В комендантском взводе тоже чужеродный элемент. На полное довольствие не поставили, в свои ряды не взяли. Кормить кормили, но был я для них – ни пришей кобыле хвост. Форма у них особого образца, мне её не выдали, поэтому был как белая ворона в своём обмундировании. К работе привлекали, на патрулирование, вызовы, но как экскурсанта. Дней десять пробыл в таком статусе, потом один офицер возмутился:

– Зачем он нам нужен? Форма другая, болтается без дела. Раз учиться приехал, пусть в Песчанку отправляется в учебку.

Учебка в Песчанке готовила для армии не академиков, а более конкретных специалистов: радистов связистов, электриков, строителей. Приезжаю туда, докладываю: таки так, вот направили. Поначалу я им понравился – солдат с высшим образованием. Дескать, нам такой кадр нужен.

– Лекции солдатам можешь читать?

– Да запросто, – говорю.

Но чтобы закрепить меня за частью, поставить на довольствие, им надо было это решать с нашим управлением. Так просто взять не могли, это не по благу устроить человека на работу. То есть, дополнительная головная боль. Главный кадровик учебки сказал «надо-надо» и ушёл в отпуск, а его заместителю всё было до лампочки. К тому же служить мне оставалось менее полугода (с высшим образованием год служили), возможно, посчитали – не стоит овчинка выделки.

Я тоже не форсировал события. Куда торопиться, если можно устроить себе каникулы. В учебке лучше, чем в Тикси. Не пыльно, не напряжно, я в роли преподавателя. Лекции время от времени читаю. О каменной кладке рассказывал. Или с солдатами куда-нибудь старшим пошлют. И времени свободного вагон. Занятия проведу, других обязанностей, чтобы с утра до вечера как белка в колесе – нет. И командира, который бы над душой твоей от подъёма до отбоя стоял – тоже нет. Положение лучше некуда. Нашёл своих родственников. Знал, что в Чите живёт дальняя-дальняя родственница по материнской родне – Татьяна Бессмертная из Глухова. Родственница по типу – двоюродного дяди троюродная племянница, но бабушка Анна и отец с ними роднились. Татьяна старше меня на три года, в детстве была скорой на ногу, в лапту играем или в бег-беги, как припустит, не догонишь. Адреса Татьяны у меня не было. Зато фамилия мужа такая, что нельзя не запомнить – Иванов и звать как меня – Виталий. Окончил Казанское танковое училище. Информации для такого разведчика, как я, предостаточно. Пошёл в танковую часть и разыскал его. Татьяна математику преподавала, Виталий был тогда в звании старшего лейтенанта. Жили они всё в той же в Песчанке, люди гостеприимные, приветливые. Приду к ним, накормят. Не один раз ночевал у них. Утром дочь их Светланку отведу в садик. Ездили с ней и Татьяной в зоопарк. С Виталием в шахматы играли.

В то лето в армейской отлаженной машине, где каждый элемент – солдат, сержант, офицер, вплоть до маршала – на ежедневном неусыпном учёте, я оказался свободным элементом. Или полусвободным. Без своей конкретной ячейки. Мне это было на руку, рассчитывал, поболтаюсь в Песчанке, а потом видно будет. Да сработала истина: если кому-то хорошо, обязательно найдётся тот, кому от этого плохо. Был в учебке прапорщик по фамилии Додонов, солдаты звали его Дундук. Он начал ко мне цепляться, недели три пробыл я в учебке, а потом Додонов на меня взъелся:

– Кузнецов, ты прям вольный-привольный партизан! В нашей части находишься, а законы тебе не писаны! То ты на месте, а понадобишься – днём с огнём тебя ищи-свищи. Вроде наш, а в то же время служишь, как тебе заблагорассудиться.

Я плечами жму, дескать, не от меня зависит, что в списке части не до конца введён. Конечно, я пользовался ситуаций сполна. После завтрака покручусь, удостоверюсь, что никому до меня дела нет, махну, к примеру, на озеро Кенон. Солнце, воздух и вода. В черте города километры песчаного пляжа, водичка отличная. Наплаваюсь, накупаюсь, назагораюсь. Дядя Володя мне прислал двести рублей. Я ему написал, что нахожусь в Чите, он на главпочтамт телеграфом выслал. К тому времени дядя перебрался в Харьков, на родину жены. Лето стояло дивное, погода – благодать, тепло, солнечно. К ужину появлюсь в части... А то и в Чите заночую...

– Кузнецов, где ты шляешься? – после каждой отлучки начал вязаться ко мне Дундук.

Начну сочинять: ездил в Читу, в своё управление, узнать, как мой вопрос по возвращению в Тикси решается. Поездкой в управление часто спекулировал, хотя ни разу туда не ездил.

– Давай уже решай, – настаивал Дундук. – Своих балбесов пруд пруди, ещё ты на мою голову. Поди, в институте с тройки на двойку перебивался, а туда же – ромбик нацепил, как профессор какой-то. Да таких профессоров в Чите на рубль пучок!

Его злил факт, что я рядовой, а имею высшее образование, а его вершина – школа прапорщиков. Додонов был из породы вьедливых. В конце концов добился – меня спроводили из учебки в стройбат. Их часть тут же в Песчанке стояла.

– Два солдата из стройбата заменяют экскаватор! – сказал на прощанье Дундук. – Полезно тебе, профессору кислых щей, экскаватор позаменять.

В стройбате вообще анархия. В комендантском взводе от меня оперативно избавились, в учебке мой вопрос никто, кроме Дундука, решать не стал, в стройбате и подавно никому ничего не надо. Думаю, ну и ладно, Побуду пока у вас, а там видно будет. Поначалу определили в помощники к Толе Светлову. Он тоже рядовой, после строительного техникума призвали в армию, а служил в самой Чите. В Песчанку прикомандировали прорабом на строительство гаражей для

офицеров. Толик парень беззлобный, добродушный, от любой шутки заразительно хохотал, при этом дело своё знал. Ко мне относился с уважением и работой меня не загружал. Обязанности мои были более чем простые, непосредственно строительством гаражей с мастерком в руках, ломом или носилками я не занимался. Толик попросит группу солдат отвести на гаражи, расставить по объектам, дать каждому задание. Они работают, я пойду в Песчанку или с Толиком договорюсь – в Читу смотаюсь.

В Песчанке за забором части шла теплотрасса, в колодце, точнее – в тепловой камере, у меня был тайник, хранил гражданскую одежду. Переоденусь и махну в Читу на пляж, в кино или в гости. Не один я был такой умный, в тепловой камере и другие ребята хранили брюки, рубахи, куртки. Если что – можно было подобрать всегда. А ещё я познакомился в Песчанке с дедком, Игнатием Савельевичем. Один раз вот так же отвёл солдат, а сам пошёл за Песчанку, в сопки. День разгулялся погожий, захотелось побродить по лесу, посмотреть окрестности. Перевалил через сопку и обнаружил заимку. Её часто вижу во сне. Есть несколько снов, которые повторяются в разных вариациях. Уральские горы, окрестности Глухово или озеро Куртугуз, куда мы с мальчишками ходили на рыбалку, а также бывает снится заимка Игнатия Савельевича. Была она недалеко от Песчанки, но будто другое измерение, ты переваливаешь сопку и попадаешь в мир, которого не может быть в наше время – старинный, древний,

он не знает грохота машин, гула самолётов, тысячу лет живёт по законам природы. Сопки, покрытые лесом, распадки, несколько рублёных домов, далеко отстоящих друг от друга, подле них заплатки возделанной земли. Огорожены заборами из жердей.

В самый первый раз подошёл к ближайшей заимке, дедок столбушку у забора меняет. Я вызвался помочь. Так с Игнатием Савельевичем познакомились. Столбушку подгнившую заменили, а также несколько жердей ограды, потом Игнатий Савельевич меня накормил, так и сдружились. Жил он в Песчанке, а заимка, это наподобие дачи. Несколько раз гостил у него там, помогал картошку окучивать, малину собирать. К солдатам отношение в народе всегда сердечное. Торгует пирожками женщина, подойдёшь с мелочью, она сунет пару пирожков: «Ешь, солдатик, на здоровье, у меня свой сын в армии». Денег не возьмёт: «Не надо, ты и так копейки получаешь, что там твои три рубля с полтиной на месяц».

Игнатий Савельевич дед был непростой. Из забайкальских казаков. Воевал и за белых, и за красных, а в коллективизацию ушёл в Маньчжурию, в Трёхречье. В сорок пятом с другими такими же казаками вывезли его прямо в лагерь. Отсидел. Бабка у него тоже казачка – Фроловна. Она имела тайные виды на меня, у них была дочь Оксана. Два старших сына ещё в Трёхречье родились, давно жили своими домами, а эта родилась по возвращении отца из лагеря. Фроловна посчитала, я подходящий жених для дочери: образованный,

грамотный, с высшим образованием. И не белоручка, надо – топором работает, надо – траву косит, лошадь запрягает, на вино не падкий. Я иллюзий не разрушал, но и особых надежд не давал. Солдат живёт одним днём. Оксана училась в пединституте, филолог. Любила поэтов Марину Цветаеву и Павла Васильева. Читала мне отрывки из поэмы «Песня о гибели Казачьего войска». Несколько раз ходили вместе в кино, в кинотеатр «Ингода». В те времена обязательное дело, если в городе река, значит, кинотеатр её именем назовут – или ресторан, или кинотеатр. По Чите Ингода течёт, купаться туда много раз бегал, и самый центральной кинотеатр в городе – «Ингода». Оксана водила меня в музей декабристов, под него приспособили деревянную церковь, в ней венчался сосланный на каторгу декабрист кавалергард Иван Анненков со своей Полиной Гебль. За полгода до этого вышел фильм об истории романтической любви декабриста – «Звезда пленительного счастья». До Тикси он не дошёл, а в Чите уже прошёл. Оксана вдохновенно пересказывала мне кинокартину.

Оксана была девушкой скромной, застенчивой, домашней. Много читала, много знала. В начале июля она уехала на практику в пионерлагерь. А я задружил с аптекаршей Ларисой. С ней познакомился на озере Кенон. В отличие от Оксаны, Лариса была девушкой хваткой. Тоже, кстати, из забайкальских казаков, из Борзи. Моя ровесница, активно двигалась по служебной лестнице, заведовала небольшой апте-

кой. Окончила фармацевтический техникум, училась дальше. Энергии на троих. Ей нравилось, что я с детства за себя в ответе, в институте кормил себя сам, и вообще – самостоятельный. Любила слушать мои рассказы из студенческой жизни. Останься я в Чите, не исключая, могло что-то серьёзное получиться. Месяца два обменивались письмами с ней, как я уехал из Читы, потом переписка сошла на нет. Лариса человек конкретный, а я за тысячу километров.

В стройбате с первого дня не сложились у меня отношения с дембелем Федотовым. Имени не помню, звали Федотом по фамилии. Жили мы с ним, как кошка с собакой. Был он из Хабаровска и строил из себя бывалого – наглый, грубый. Говорят, в молодых ему крепко доставалось от дембелей, гоняли его как сидорову козу, теперь отыгрывался. Федот положил глаз на мою парадную форму. У меня был северный вариант, отличная шерсть. С парадкой стройбатовцев не сравнить. Федот живо представил, как будет в моей парадке красоваться в Хабаровске после дембеля.

– А не жирно тебе такая форма? – оценивающе посмотрел на меня и нехорошо засмеялся.

Сразу не решился отбирать. Намёк я понял, в тот же день спрятал форму. Федот не забыл о лакомом кусочке, несколько раз вспоминал с ехидной улыбочкой:

– Зашибись у тебя парадка, ой зашибись!

Другой дембель, по прозвищу Кувалда, попросил продать парадку.

– Виталя, продай. Всё одно у тебя уташат. Не Федот, так кто-нибудь другой, ребята тут оторви да брось – стройбат, что ты хочешь.

Думаю, а вправду, что за неё держаться, и Федот успокоится, не на что будет претендовать. Он наоборот – обозлился, как узнал про нашу сделку с Кувалдой. Нашёл другой повод, начал докапываться, что он дембель, так вольготно не живёт. Я на самом деле чувствовал себя свободно. Офицерам до меня дела не было. Этим пользовался сполна. То ночую в казарме, то меня нет. Никто по-настоящему не контролировал.

Кувалда Федота осаживал, дескать, какая тебе разница. Федот ворчал, но с Кувалдой не конфликтовал, во-первых годки, во-вторых, Кувалда не зря звался Кувалдой. При моей комплекции он обладал завидной силой, тридцатидвухкилограммовую гирию поднимал раз восемьдесят, никто в роте не приближался к его рекорду. Прозвище получил после одного случая. Солдаты, будучи на строительном объекте, в перекур соревнование устроили, кто дальше орудие труда – кувалду – зашвырнёт... Кувалда с большим преимуществом выиграл...

Один раз прихожу в роту, в ту ночь на стороне провёл, смотрю, у Кувалды кисти перебинтованы, а у нескольких кавказцев – головы. Ночью случилось побоище. Кавказцев в роте было больше, они старались славян подчинить себе. В тот поздний вечер славянская чаша терпения лопнула... По-

шла стенка на стенку. Кувалда поработал так, что все кулаки сбил, несколько табуреток было сломаны о головы кавказцев. Дня через два я был свидетелем сцены, Кувалда подошёл к одному из них и раза три-четыре постучал эмалированной кружкой по голове:

– Ты ещё не понял, кто тут главный?

Нравы царили в стройбате ещё те.

Пока я был приписан к Толе Светлову, никто до меня не докапывался. В том числе и Чебурашка. Был такой старший лейтенант по фамилии Масюк. Маленький, квадратненький. Ходил с задраным носом, к солдатам относился свысока. И уши у него топорщились. Светлов свои гаражи построил, отбыл в Читу. Я по инерции поначалу был предоставлен сам себе. В столовой царила анархия, стройбат есть стройбат, поротно кормить обедом далеко не всегда получается. Одна бригада с одного объекта раньше приехала, другая, наоборот, позже. Я этим пользовался, то к одним пристроюсь, то к другим. Появились знакомые. Через неделю после отъезда Светлова я не вовремя попался на глаза Масюку, он определил меня на бетонные работы. Работы тяжелые и как привязанный целый день. Август, тепло, хорошо, а я как на галере... В стройбате была санчасть. Кувалда мне пояснил, если есть желание полежать там – говори, что расстройство желудка. Верное дело. Медики как огня боялись дизентерии. Я отправился в медсанбат. Там был капитан Гвоздь. И вправду – гвоздь. Но не новый, бывший в употреблении, погнутой.

Капитан был длинный, худой, сутулый, с уставшим лицом, на язык острый. Любимая его шутка при обходе:

– Ну что, бойцы, павшие за родину есть? Опять никого! Плохо я вас лечу, ой, плохо!

Первое что сказал мне, как пришёл к нему. Я рта не успел открыть, он мне:

– Что, боец, с воспалением третьего глаза пожаловал?
Я вроде как больной, не до шуток медицинских. Пожаловался на расстройство желудка. Работа тяжёлая, на бетоне, а тут не до работы.

– Не продолжай туфту гнать, я всё понял – закосить решил. Ну да ладно – сегодня я добрый. Помещаю тебя в стационар. Сдашь анализы, потом посмотрим.

С капитаном мы сошлись на спорте. Увидел у него в кабинете на подоконнике шахматы.

– Играете, товарищ капитан?
– Хочешь сказать, ты тоже? Поди, на уровне Е2-Е4.
– Не мастер спорта, но кое-что умею.

В шахматы научил меня играть отец. А институте в общежитии в шахматы играли постоянно. Казанцев и здесь был в лидерах.

– После обеда заходи, сгоняем партию, – сказал Гвоздь, – посмотрим, что ты за гроссмейстер.

Играли с ним на равных.
– У тебя, Кузнецов, оказывается, есть масло в голове, – проиграв первую партию, сказал Гвоздь. – Это хорошо. Мне

тут подвигать фигурами не с кем.

За шахматами выяснилось, он в волейбол за институтскую команду играл. Учился в Красноярском мединституте. Короче, наш человек, спортсмен.

Медсанбат был огорожен от части забором. Да разве это помеха. Я прихватил с собой джинсы, рубашку, футболку. В коридоре стоял массивный шкаф, под него прятал «сменку». При любом удобном случае доставал её, выбирался из палаты через окно, дальше перемахнёшь забор – и вот она свобода. В тот период с аптекаршей Ларисой встречались.

Десять дней пролежал в медсанбате, а потом мы с капитаном решили, пора меня выписывать. И он больше не мог держать, да и я решил – настало время думать, как жить дальше, без того загулялся.

С Кувалдой у меня сложились нормальные отношения, но в тот вечер, это было вскоре после моего возвращения из медсанбата, его в роте не было, ушёл в самоход. Федот нагло начал требовать деньги:

– Слушай, Кузнец, дай-ка рубликов пять, а то у дедушки деньга кончилась, а дедушке винца хотца! А лучше сгоняй в Песчанку, принеси дедушке пузырь и сигарет. Ты у нас парень крученный, поди, знаешь, где взять! А?

– Ага, разбежался! – огрызнулся я и пошёл в свой угол. – Просто бегу и падаю!

Затылком почувствовал – летит плюха. Увернулся от кулака и дал ответку. Отправил Федота в нокдаун, ноги у него

подкосились на кровать сел. Несколько его приспешников ринулись на помощь...

Нет, Кувалда к тому моменту ещё не ушёл. Он встал в проходе перед дружками Федота.

– Чё вы кодлой на одного? Пусть один на один решают.

Кувалда недолюбливал Федота за его вороватость, тому ничего не стоило обшарить любую тумбочку в роте.

Федот сделал вид, что не услышал предложение Кувалды «пусть один на один решают», но отправляясь в свой угол пригрозил мне:

– Ладно-ладно! Даром тебе это не пройдёт.

Мне бы тут же и уйти. После инцидента с Федотом твёрдо решил: надо эпопею со стройбатом заканчивать. Но поленился уйти сразу, не откладывая ни на минуту. Вечер поздний, дождь накрапывал. Татьяна и Виталий уехали в отпуск. Это, в принципе, не беда, нашёл бы, где переночевать в Песчанке. Даже знал чердак, где солдаты в самоходе спали, бывало и такое. И всё же решил, утро вечера мудренее, переночую в казарме, а после завтрака подорву.

И тут приходит Масюк-Чебурашка. Федот ему настучал:

– Товарищ старший лейтенант, этот не наш в корень оборзел. Через день да каждый день в самоходе, по Песчанке по гражданке рассекает, ночами не ночует. Волосы отрастил, чтоб под штатского косить.

На что Чебурашка хмыкнул и приказал:

– А ну-ка, хлопцы, остригите его наголо! Лысым будет

отовсюду заметный. Мне он и самому надоел. На бетон его поставил, его тут же понос пробил, в медсанбат побежал. Возьмусь я за него!

Не успел я сообразить, как на меня человек пять навалилось. В этот момент Кувалды уже не было, он улизнул в самоволку. В Песчанке у него была девчонка, к ней ушёл. Да, собственно, навряд ли он бы против Чебурашки пошёл. Меня силком машинкой остригли. Сделали лёгкую причёску.

Сiju на кровати, во мне всё кипит.

– Голова не мёрзнет? – хихикал Федот из своего угла.

Хотелось ввязаться с ним в драку, но сдержался. Надо убежать, пока не поздно. Одежда вся на мне, документы, кое-какие деньги в кармане. Встал и пошёл из казармы. Дождь стих. От казармы пару шагов сделал, два чеченца окликнули, я с кавказцами нормально жил. Кого-то водил гаражи строить... Парни, в принципе, нормальные, горячие только. Спрашивают меня, может, помочь. Не понравилось им, что со мной обошлись, как с бараном. Спасибо, говорю, сам разберусь. Только они отошли, Федот меня догоняет. Самоуверенность его погубила. Во мне были всё те же институтские шестьдесят три килограмма, в нём поболее. Он и подумал... Я себя не стал сдерживать, никого поблизости не было. Выдал серию ударов, послал Федота в нокаут и бежать.

В Песчанке на чердаке переночевал, а утром решил идти в комендатуру – сдаваться. И проситься обратно в Тикси. Срок пребывания в Чите в непонятном статусе перевалил за

два месяца, а если два месяца болтаешься, могут приравнять к дезертирству, в дисбат посадить. Пусть по лесам не бегал, в землянках не прятался, да всегда можно придраться, а заступиться за меня некому.

Возвращение в Тикси

О том, что умер Александр, старший брат батюшки Виталия, я узнал из видеоролика «ютуба». С некоторых пор батюшка стал размещать видеоролики на популярном сайте. Старшему сыну Вите, когда учился в музучилище, крёстный (Виктор Краско) подарил видеокамеру на день рождения, Витя предложил отцу использовать технику в миссионерских целях. Батюшка, отзывчивый на всё новое, сразу наметил ряд тем:

– Несколько роликов надо посвятить «Ветхому Завету». У нас в институте говорили: сдал термех – можешь влюбляться, сдал сопромат – можешь жениться. Викентий Викентьевич Варнелло читал сопромат. Его «сесение, крусение, врасение» по сей день слышу. Дед героический! Кронштадтский мятеж подавлял. И строгий, за красивые глазки не сдашь. Я и тройке был бы рад, повезло с билетом – получил «хорошо», но жениться не стал. У технарей сопромат разрешал жениться, а в семинарии «Ветхий Завет» под статью сопротивлению материалов. Сдал, можно матушку заводить.

Батюшка предложил во славу Божью записать серию лекций по «Ветхому завету» для неофитов. В девяностые годы по заданию владыки Феодосия вёл воскресную школу для взрослых, наработки остались.

– Назовём «Ветхий Завет для чайников»! – тут же отреа-

гировал сын, посчитав, соседство серьёзного и ироничного заинтригует пользователей интернета.

Снимали следующим образом: батюшка садился перед камерой в рясе, камилавка на голове, наперсный крест на груди и читал лекцию или рассказывал о святых, о своём соборе, о том, как прошёл день в церкви, интересных церковных событиях. Подписчиков было немного, но были – в основном друзья батюшки, прихожане.

Я, познакомившись с батюшкой, тоже подписался на канал. В тот раз с месяц мы не виделись с батюшкой, и вот обнаруживаю ролик «Умер брат Александр».

Брата батюшка не проводил в последний путь. Племянник понадеялся на мать, а та посчитала – сын оповестил дядю. Сообщили за сутки до похорон. Это при том, что до Минусинска более суток на поезде. Авиакомпания те края Сибири не охватили своим коммерческим интересом. А на поезде батюшка не успевал.

– Загнал себя Саша, – сказал батюшка при нашей встрече, – сколько раз говорил ему: ты должен работать головой, она у тебя светлая, устройся куда-нибудь преподавателем или инженером. Он упрямо гнул своё: на этих предателей мозги тратить не буду, не дождутся.

Александр раз и навсегда не принял новую власть России. «Разрушители! – передавал батюшка слова брата. – У них все извилины в голове в форме доллара». Александр твердил: в России установилась диктатура предателей! Не мог

спокойно говорить о лидерах перестройки в Советском Союзе, демократии в России, сразу заводился. Считал, Рыжего Бог умышленно хранит. Никакая болезнь к нему не цепляется, а без малого тридцать лет миллионы шлюют проклятья в его адрес. Для чего Бог хранит? Люди должны стойко испытывать неприязнь ко злу, видеть его носителей.

«Разве можно нейтрально относиться к апостолам сатаны? – говорил Александр. – Они исходят ненавистью к своему народу, исходят ядом цинизма, сребролюбия! Пусть живёт, как Вечный жид. Пусть родившиеся в девяностых и позже лицезрят архитектора воровской идеологии. Чмокающий его коллега-подельник быстро кости свои на место положил, сегодня он для двадцати-тридцатилетних пустой звук. Сдулась память о нём, будто не было вовсе. Покрылся исторической плесенью. Не говорят о нём в телевизоре, в «фейсбуке», «инстаграме», «твиттере», «ютубе». Был бы жив, движуха шла – брали интервью, засвечивался в коррупционных скандалах, придумывал покушения на себя. А нет – и никто не помнит сытую физиономию. Рыжий живет всех живых. Божье Провидение ещё и кончину достойную уготовит. Математик-кибернетик с шулерским уклоном какой лихой был орёл-стервятник, на всём грел руки, даже на войне в Чечне, а позорно сгинул на чужбине, и могила как у бомжа заброшенная. Лидера троцкистов не расстреляли вместе с его подельниками, с которыми бросал народ в топку революции. Расстреляй его в тридцать седьмом, в пятидесятых возвели

бы в мученика-революционера. Ходили бы по улицам, набережным и площадям его имени. Не пуля была ему уготована, а ледоруб, коим упокоили пламенного преобразователя России!»

– Саша рвал сердце, – рассказывал батюшка, – что мы позволили предать идею социализма – человек человеку друг, товарищ и брат. Идею, идущую от завета Христа: «Нет больше любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». Запад, с его «человек человеку волк», боялся советской власти. В открытом бою не взять было Советский Союз. Взяли, под наши аплодисменты с помощью преобразователей-предателей. Те вцепились в страну мёртвой хваткой. Такой был Саша. У меня и племянник Олег, сын Сашин, политизирован. Когда узнал, что я решил баллотироваться в Горсовет, горячо поддержал: «Правильно, дядя Виталя, надо идти во власть, брать её в свои руки! Влиять на неё в городе, области, стране. Только так можно победить жуликов и воров».

Когда предприятие, на котором работал Александр, в начале девяностых стало дышать на ладан, он сказал себе: «На эту власть работать не буду», – и пошёл в кочегары, кочегарка самая настоящая – на угле. Кроме этого таксовал, ремонтировал квартиры. И надорвался, организм не выдержал нагрузок.

– Потаскай-ка тяжести в кочегарке и на стройке, – говорил батюшка. – Ему за шестьдесят, дед, а он всё пахал, не щадя себя. Не работал лишь, когда заболел и обессилел. До

этого как ни приеду в гости, то ему в кочегарку на дежурство идти, то таксовать, то ремонт кому-то подрядился делать... Поговорить толком было некогда. Ко мне приезжал, на пару дней не больше. Загнал себя... Мог с его головой найти интеллектуальный труд, не захотел.

В видеоролике, что нашёл я в «ютубе», батюшка рассказывал, что брат хорошо рисовал, отец видел в нём будущего художника, настраивал на поступление в художественное училище. Александр поначалу готовился в архитектурный институт, потом резко передумал, убедив себя, что должен быть технарём, инженером, того требует эпоха технического прогресса, развивается космическая отрасль, атомная энергетика, авиастроение, там нужны молодые светлые головы и поехал поступать в МГУ.

– В эти дни перебираю в памяти встречи с братом, – рассказывал мне батюшка, – прихожу к мысли, самая душевная, когда он после армии приехал ко мне в институт, жил со мной на институтской базе в Мочище. Два года перед этим не виделись. Повзрослели оба. Он увязался со мной на кирпичный завод в моё дежурство, ночь напролёт проговорили. Такого откровения между нами не случалось никогда больше. Впервые кольнуло меня – насколько одинок брат. Если у меня всю жизнь полно друзей, что в школе, что институте, у него обратная картина. С особой теплотой вспоминал и тогда и всякий раз позже парня, с которым поступал в МГУ. Брат быстро в Москве поиздержался. Деньги, что дал отец,

закончились в первую неделю. Оказался без копейки, а попросить у отца, чтобы прислал, постеснялся. И вдруг совершенно незнакомый парень, который жил в соседней комнате, заметил, Саша не ходит в столовую, и дал ему денег, силком заставил взять. Дескать, не ставь меня в дурацкое положение, я ем, а кто-то рядом голодает. Саша своего первенца Олегом назвал в честь того парня. Тогда на кирзаводе Саша много про армию рассказывал. Служил в ракетных частях. В Плесецке. Это не Тикси. Когда я через шесть лет рассказывал ему о своей службе, не верил, что так может быть. Слушая о моей армейской эпопее, то и дело повторял: «Ну, ты, брат, авантюрист! Рассказывал бы кто другой, не ты, посчитал – пули льёт, разве такое может быть в армии!»

Так батюшка плавно подвёл наш разговор к своей службе в армии. Мне оставалось только напомнить, что в последний раз он рассказывал, как поздно вечером ушёл из стройбата.

– Я тогда, – начал он, – убежал из стройбата с твёрдым намерением вернуться в Тикси. Для чего, решил про себя, лучше всего сдаться патрулю. Пусть заберёт меня, а там видно будет. Раньше бегал от патруля, только бы не поймали, тут специально на глаза попался. С меня потребовали увольнительную. Ей взяться было неоткуда. Повели в комендатуру. И уже начали оформлять привод, да тут стало не до моей персоны. Лётчиков из ресторана привезли. Те ничего лучше не придумали, как устроить пьяный дебош в злачном месте. Обмывали звёзды своего младшего товарища и перебрали.

Сам виновник торжества, так наобмывал своё превращение из лейтенанта в старшего лейтенанта, что был ни петь, ни свистеть – куда положат, там и лежит. Зато старшие его товарищи оказались более стойкие и закалённые в питейных баталиях – они раздухарились.

Пока их умиряли, я загрустил. До момента доставки летунов, мне успели нарисовать в комендатуре безрадостную картину моего ближайшего будущего: для начала посижу несколько дней в камере, клопов покормлю, подумаю о своём безответственном поведении, а только потом будут решать, что со мной разгильдяем делать. На эпитеты в мой адрес не скупились: и дезертир я, и раздолбай – столько времени дурагонил. Психологическую обработку провели, а вот документы мои, как и ремень, не забрали. Не успели перевести в разряд по-настоящему арестованных, буквально секунд не хватило. Летчики вовремя появились на горизонте и отвлекли внимание на себя. Я принимаю решение: сегодня не мой день, можно запросто попасть вместе с летунами под раздачу, посадят в одну камеру с ними, да ещё клопы в придачу... Встаю и с индифферентным видом иду на выход, дескать, у вас здесь без меня дел непроворот, не буду вам мешать. Пора и честь знать... И по-английски молча ухожу. Слышу, меня окликают:

– Эй, ты куда?

Делаю вид, будто окрик меня не касается, иду спокойным шагом, но стоило сбегать с крыльца и завернуть за угол зда-

ния, рванул на пятой скорости. Сзади раздалось нешутливое:
– Стой!

Ага, сейчас! Несусь во весь дух. Заскочил в пятиэтажку, тогда железными дверями с домофонами не отгораживались от внешнего мира, на последний этаж влетел, там, как положено, лестница к люку, что ведёт на чердак. На люке никакого замка. Вот раньше беспечно жили... Взлетел на чердак, посидел там, вроде, тихо. По чердаку прошёл до крайнего подъезда, спустился к входной двери, выглядываю, девчонки на лавочке сидят, курят. Спрашиваю:

– Патруля не было?

– Какие-то двое военных пробегали.

– Я из комендатуры удрал, – честно признался. – У вас на чердаке посижу часик-другой, пусть там уляжется. Не сдавайте меня, если снова появится патруль.

Девчонки само радушие:

– Чё на чердаке, пошли к нам, мы тут день рождения отмечаем.

Первый этаж, трёхкомнатная квартира, большая комната полна людей. На семейный праздник собрались три поколения родни. Бабушка с дедушкой, дяди-тёти, молодёжь. За столё в полном разгаре. Мне:

– О, солдатик. А у нас Витька в мае пришёл из армии, в десантуре в Прибалтике служил. К девчонке своей убежал, полчаса побыл с нами, да там слаще, наверное.

Тарелку еды с верхом организовали. Только что зайцем на

заячьей охоте был, и уже гость дорогой. Отсутствием аппетита в армии не страдал, перипетии в комендатуре на него не повлияли, на еду накинулся. Жую, мне со всех сторон вопросы про армию. Как да что? Витька их служил в Каунасе. Уходил увалень увальнем, а пришёл – куда с добром бравый. И выправка, и вещи свои почём зря не разбрасывает по квартире, как раньше. Каждая на своём месте, ещё и родителей строит, то не там стоит, это не так лежит. Я им красочно врал рассказывал про Тикси...

Погуляли, кто-то ушёл, кому-то на полу постелили. Меня тоже оставили на ночь:

– Отдохни, а утром позавтракаешь и пойдёшь.

Так и сделал. Ещё неделю погулял на свободе. Думаю, пусть в комендатуре мою личность забудут, я тем временем со всеми в Чите попрощаюсь. К Ларисе заехал. И вовремя, она собиралась на субботу-воскресенье в дом отдыха, взяла меня с собой.

– У меня же путёвки нет.

– Всё сделаем, – заверила.

Хваткая была девушка. Мечтала, я отслужу, и мы поедem в Нижнеянск, я буду работать на реке, она – в аптеке. Лет десять поработаем, накопим денег и поедem в Ленинград, купим кооперативную квартиру. Хотела жить в Ленинграде и нигде больше. Мы с ней столкнулись через двадцать лет в Троице-Сергиевой лавре. Стою на площади перед Успенским собором, в подрыснике, и боковым зрением вижу, жен-

щина на меня пристально смотрит. Поворачиваю голову – Лариса. Если и пополнена, то немного. Заулыбалась, тоже узнала. Получается, и я не сильно изменился.

Подошла:

– И как тебя прикажешь называть?

– Отцом Виталием или батюшкой Виталием, как душе угодно.

– Это что, я могла бы стать матушкой? Удивил ты меня.

Мечту она осуществила, седьмой год живёт в Питере. Во втором браке за ленинградцем. Лариса с её энергией не могла остаться в стороне от рыночных перемен, вместе со вторым мужем занималась аптечным бизнесом. В лавру заехала по просьбе матери.

– Отец год назад умер. Маму из Борзи забрала к себе. Сказала ей, что в Москву еду, наказала Псалтырь по отцу в лавре заказать. Я ведь Сергеевна, если помнишь. Мама захотела, чтобы в лавре Сергия Радонежского поминали отца. Жаль, ты не в Питере живёшь, был бы у нас свой батюшка. Мама захочет причаститься, попросит батюшку пригласить и каждый раз получается, новый приходит, предыдущего или уже наладили куда-то из Питера, или не может. Мама человек консервативный, ей такая чехарда не по нраву...

А тогда в Чите мы с Ларисой на прощанье съездили в дом отдыха. Попрощался я и с Игнатием Савельевичем, дня три-четыре у него на заимке жил. Помог печку в бане переложить, пол перестелить. Потом попарились славно. Дочь его

Оксана всё ещё была в пионерлагере.

Во второй раз сдаваться в комендатуру поехал от Игната Савельевича. Почистил форму, х/б была, брюки, гимнастёрку отутюжил, сапоги отполировал, на пилотке звёздочку на­чистил и отправился снова в парк. Не на качелях-каруселях кататься. Парк такое место, где на патруль проще всего на­рваться. Издалека увидел, идёт троица с красными повязка­ми, сел на лавочку, будто задремал солдатик, разморило на солнце. Они меня под белые рученьки...

Опять я в комендатуре. Повезло, никто не узнал во мне недавнего клиента-беглеца, офицеры были другие. По-доб­рому отнёсся подполковник, навсегда запомнил его фами­лию – Бобков.

– Солдат, как ты сюда попал?

Я по струнке вытянулся, ладонь к виску, каблучки стучат, доложил­ся чин по чину:

– Товарищ подполковник, я как солдат с высшим образо­ванием приехал поступать в академию имени Дзержинского, не поступил...

Показал газету со статьёй об академии, рассказал о сво­их мытарствах, про художества, естественно, скромно умол­чал. Давил на жалость, стоило от своей части оторваться, на­чались проблемы. Отправили в комендантский взвод, отту­да, ничего конкретного не решив, отфутболили в учебку. Де­скать, раз учиться приехал, вот тебе учебка. Там тоже чужим оказался, переправили в стройбат. Всюду не исключали воз-

возможность со временем отправить в Тикси, но никто ничего не делал. В стройбате ещё и силком остригли...

Если прапорщику Додонову-Дундуку мой ромбик об окончании института колот глаза, подполковнику Бобкову наоборот понравилось, и у него ромбик, и у меня. Коллеги, можно сказать. Ко мне как к пострадавшему от армейской машины отнёсся.

– От своей части, Кузнецов, лучше в армии не отрываться. Какие-никакие офицеры, но свои. И сослуживцы – твой коллектив. Отец мой в войну, артиллеристом был, не долечившись, из госпиталя сбежал, чтобы от своей части не отстать. Едва в дезертиры не записали. До Праги со своими дошёл... Что делать с тобой, солдат, сходу не решишь. Насчёт Тикси постараюсь узнать, но не обещаю. Тут, скорее всего: умерла, так умерла. Армия есть армия. Кто тебе будет организовывать туда доставку. Это ведь не через дорогу...

Поместил меня в нормальную камеру. Бобков сам лично препроводил, там двое уже сидели. Наказал им:

– Смотрите мне, чтоб пальцем его не тронули. Иначе небо с овчинку покажется!

Неделю в комендатуре просидел. Потом приезжают за мной прапорщик и капитан. Никто в Тикси меня отправлять не собирался, тут уж точно – умерла, так умерла. Мало ли где ты служил. Такие сентиментальности никого не волнуют. Кому нужна головная боль: оформлять мне проезд, сопровождать, как нарушителя. Зачем с нерадивым солдатом

в Тикси лететь, если в Чите и вокруг неё сплошные военные части. Офицеры меня из комендатуры забирают, а по дороге весело и красочно рисуют мое светлое будущее, в котором назначено мне лес валить. В отличие от подполковника Бобкова, они сразу записали меня в разгильдяи. А кто же, если два месяца болтался в Чите вместо несения службы. Объяснили, пока ехали в ГАЗ-69, что в тайге не подурагонишь, дембеля научат родину любить.

Я почему-то сразу вспомнил залив Неелова. Несколько раз из Тикси направляли туда в командировку, там тоже часть стояла. Вообще труба. Зимой солдаты лёд растапливали и пили. Снег бесполезно было на территории убирать. Постройки заносило выше крыши. Начало мая, а от казармы к столовой тоннель в снегу. Идёшь по нему, над головой бело – снежный свод. Условия – жуть, как говорят мои старшие дети. Дембеля сатанели до скотства. Почему-то подумал, в тайге подобное не исключено.

Застращали капитан с прапорщиком. Из тайги, смеются, не убежишь. И в академию поступать не отпустят. Полушутя говорили, но я понял, вранья в их шутках мало. Прапорщик по дороге сошёл, капитан, привёз поначалу к себе домой. На обед заехал, только и меня пригласил за стол. Не сказал, посиди, подожди, не стал один есть, по-человечески к солдату, пусть и разгильдяю, отнёсся. Хорошо поели. Да настроение у меня от этого не улучшилось. Капитан в завершение обеда налил крепкий кофе в большие бокалы, прошли в зал,

включил музыку. Кофе под музыку употребили и поехали в стройбатовскую часть, тут же в Чите. Там из ГАЗ-69 пересяживаемся в кабину бортового ЗИЛ-131. Солдат за рулём, капитан меня сажает рядом с ним.

– Пусть так сидит, – бросил водителю.

Сам у дверцы разместился. То есть, меня записал в разряд склонного к побегам, которого надо держать под неусыпным контролем. Правильно решил, только и я не лыком шит.

Машина шла на лесоповал. Вот только я забыл: направлялись мы или в посёлок Оловянная, или в Борзю. Оба названия прозвучали в разговоре капитана и водителя. Тронулись, думаю, всё – еду почти за колючую проволоку. Игнат Савельевич рассказывал, как он лес валил в Красноярском крае и однажды едва с голоду не умер и не замёрз – пурга застала зеков на делянке и неделю не прекращалась. Но он по 58-й статье попал на лесоповал, меня без оной отправляли.

Метров сто по территории части проехали, капитан приказал водителю:

– Тормозни на минутку. Бумаги надо передать.

У двухэтажного кирпичного здания остановились. Капитан взял папочку, соскочил с подножки. Водитель тоже свою дверцу открыл, выпрыгнул, поднял крышку капота. Ситуация лучше не придумаешь. Капитан молодцеватым шагом в начищенных до блеска хромовых сапогах (прежде чем выйти из дома, прошёлся по ним щёткой и бархоткой) зашёл в здание, я, ни секунды не медля, из кабины выскользнул, вдоль

высокого борта прошёл, нырнул за угол здания и дёрнул. На пути встал забор, через него перелез и дай, Бог, ноги.

Была ли погоня, не знаю. Скорее – нет. Когда её организовывать. Снова я на свободе. Только была она тупиковой. В комендатуру путь закрыт, засветился и охарактеризовал себя дальше некуда – законопатят в дисбат. Позвонить бы в Тикси к Елене Алексеевне, её помощи попросить, но телефона Елены Алексеевны не знал... Кошки на душе начали скрести... Я на положение дезертира... Был вариант поехать к родственникам, Татьяне с Виталием, они должны были вернуться из отпуска, и посоветоваться с Виталием, как мне в Тикси улететь, и до своей части добраться. Попросить его помощи, может, что-то придумает.

Приезжаю в Песчанку. А там праздник – спартакиада Забайкальского военного округа. Дай-ка думаю, загляну на стадион, всё равно к Татьяне с Виталием рано идти, они

ближе к вечеру будут дома. Захожу на стадион и сталкиваюсь с капитаном Жердевым, помощником начальника нашего штаба по строевой части. В переводе на гражданский язык – начальник отдела кадров. А я кадр, которого он давно списал со счетов. Он-то списал, я ему как родному обрадовался, каблуками щёлкнул, браво козырнул:

– Товарищ капитан, разрешите обратиться?

Лицо Жердева вытянулось от крайнего удивления:

– Кузнецов, ты откуда такой взялся?

Докладываю жалостным голосом:

– Товарищ капитан, поехал поступать в академию...

Дальше расписываю, как попал в заколдованный круг – комендантский взвод, учебка, стройбат, медсанбат, снова стройбат... Два дерзких побега из комендатуры скромно опустил... Остановился на стройбате. Дескать, им тоже оказался не нужен. Никто по-настоящему не берёт, на довольствие не ставит.

– Да мне они и не нужны по большому счёту, – говорю, – хочу только в мою родную часть в Тикси.

Дескать, ничего в жизни не надо, только бы к своим офицерам, своим ребятам. Рисую себя горячим патриотом части. Тикси и только Тикси, больше ни на что не согласен.

– Да тебя не в стройбат, Кузнецов, тебя под трибунал мало!

– Виноват, товарищ капитан! – соглашаюсь (повинную голову меч не сечёт). – Больше такого не повторится.

– Кузнецов, ну ты и намолол мне сорок бочек арестантов. Хоть понимаешь, что на самом деле дисбатом твои художества пахивают. И не просто пахивают – разит дисбатом. Больше двух месяцев дурагонил, вместо того, чтобы Родине служить. И какая мы тебе родная часть?! Я думал, ты в Москве в академии...

Ругать-то он меня ругает, но чувствую, не категорично.

В штабе Жердев к нам, солдатам, кто был в подчинении главного инженера, ревностно относился, не нравилось ему наше особое положение. Придёт к подполковнику Королёву,

главному инженеру:

– Можно ваших писарей взять у штаба снег почистить.

На что Королёв обязательно скажет:

– У меня не писаря, а инженеры. Пусть твои писаря снег кидают, а мои специалисты заняты настоящим делом – готовят отчёт.

Жердеву с главным инженером спорить не по чину.

Жердев, столкнувшись со мной в Песчанке, мог усугубить моё положение. Это было в его власти. Однако не один я обрадовался встрече, он сразу увидел выгоду для себя. Я оказался в незавидной ситуации, но и у него была не из приятных. Пусть не такая криминальная, как у меня, но не красила кадровую службу Жердева.

– Кузнецов, – сказал Жердев, – есть возможность испить кровью свою вину. Выполнишь моё поручение – прощу все художества. Ты Патюкова Сашу, старшего лейтенанта, конечно, знаешь.

Как же я Сашу да не знаю. Я и жену его знал. У Саши дядя был большой военный начальник, генерал. Он племянника на север отправил не потому, чтобы тот хлебнул сполна армейского лиха и стал закалённым офицером. Место в Тикси не самое тёплое, зато год за полтора идёт, звёзды на погоны быстрее падают. Беда лишь в том, что Саша не только генеральский племянник, он ещё и маменькин сынок. Про него анекдот ходил. Майор Долинский говорит:

– Саша, давай портупеями махнёмся.

Португепи совершенно одинаковые, с одного склада обоим выдали. На что Саша говорит:

– Знаете, товарищ майор, вопрос непростой, мне надо с женой посоветоваться. Вдруг будет против.

Жене его португепя нужна была, как зайцу стоп-сигнал. Изящная женщина. В садике воспитателем работала. Как-то Саша ко мне обратился – форточка у него не закрывалась в квартире. Я взял Егора Назарова в помощники. Он занялся форточкой, а я увидел гитару. Жена Патюкова была дома, попросил разрешения поиграть. Пару песен спел. Ей понравилось, она тоже спела, высокий чистый голос, на гитаре хорошо играла. Потом кофе сварила. Саша приходит, а у нас идиллия, только что рюмки с коньяком не стоят. Он ревностно так говорит:

– Я смотрю, ты, боец, хорошо устроился.

Егор сделал форточку, проглотил кофе и убежал, ему надо было чертёж доделать, а я кофе пью, светскую беседу веду.

На беду Патюкова, а на моё счастье случился с ним в Песчанке следующий казус. Командировал его Жердев в Песчанку привезти из учёбки, в которой я едва в преподаватели не выбился, солдат: электриков, связистов и спецов по локаторам. Дали ему под роспись семь человек, а ребята не хуже меня. Собрал Саша у них документы, сели ждать автобус, на аэродром ехать, Сашу солнышко разморило, он возьми и усни. Две ночи не спал, добираясь в Читку из Тикси. Просыпается, а подопечных тю-тю. Ребята воспользовались

слабостью офицера и драпанули. Сначала один, он поблизости жил, за ним остальные, по принципу: все побежали, а я чем хуже. Вся великолепная семёрка рассыпалась, кто куда. Саша остался без специалистов. Представляю, что ему пришлось выслушать от Жердева. Солдаты, можно сказать, взяты на баланс части, а их нет. Хоть дядя и генерал, но службу нести надо. Жердев даёт мне задание: найти беглецов и доставить в полк.

– Завтра борт в Тикси. Так что, Кузнецов, действуй-злодействуй, если жизнь дорога. Доставишь ухорезов – прощаю твоё болтание, волну поднимать не буду. Не привозишь – пеняй на себя. А я сегодня улетаю.

– Есть! – говорю. – Вы же знаете, все будет в лучшем виде, ухорезов из-под земли раздобуду.

Сашу Патюкова Жердев сразу отправил в Тикси, боясь, как бы тот восьмым не стал в списке бесследно пропавших. Саша Читу не знал вообще. Жердев отдал мне документы великолепной семёрки и наколку – адрес беглеца, который жил поблизости от Песчанки.

– Он должен знать, где других искать.

– Негусто, – сказал я. – А если его не найду.

– Ты хочешь, чтобы я тебя за руку водил. Рой землю. Если совсем прижмёт, в учебку зайди, там поспрошай, но лучше туда не ходить, ни к чему им знать о проколе Патюкова. Это наше внутреннее дело. От себя лично даю тебе широкие полномочия.

– Вплоть до расстрела!

– Кузнецов, ты рано веселишься, – не поддержал мою шутку Жердев, – сначала доставь их.

– Всё будет в лучшем виде! – козырнул я. – Разрешите приступить к операции.

Почему-то не сомневался, всё у меня получится в том самом лучшем виде. Я даже прикинул, у кого в учебке, в случай чего, могу разузнать тихонько о беглецах. Был у меня там в строевой части знакомый писарь. Парень разбитной, из тех, кто знает всё что надо и не надо.

Первого беглеца сходу нашёл. Убегать он никуда больше не собирался. В оправдание своё сказал, что отлучился всего на полчаса, думал, пока Патюков спит, он успеет знакомую в Песчанке попроведовать. Через полчаса вернулся, никого нет, в том числе и Патюкова. Решил денёк дома побыть, а потом в учебку идти сдаваться. Я его постращал, если вздумает от меня убегать – трибунал.

Мать его меня за стол усадила, я хорошо поел, мозг стал активно работать. Достаяю список беглецов, намечаю маршрут поисков. Первый найдёныш знал адрес сестры ещё одного беглеца. Едем вдвоём туда. Сестру застали, брата – нет. Уехал к больной матери на другой конец города. Сестру я тоже попугал, что брат вздумал играть с огнём. Это не пионерлагерь, он присягу давал, а значит что? Значит, под суд пойдёт. Сестра даёт нам денег на такси. Так появился второй найдёныш. Он знал адреса сразу двоих беглецов. Втроем по-

ехали искать третьего. Захомутали. Его мама обрадовалась нам как родным. На шею бросилась: родненькие, как хорошо, что пришли. Не знала, куда бежать, чтобы сына обратно в армию сдать, понимала – дезертирством пахнет.

Незадача получилась с четвёртым ухорезом по фамилии Сапожников. В Чите у него проживала тётя, но беглеца у тёти не застали. Тот время зря не терял, наладился на свидание к девушке.

– И долго он может свиданничать, – поинтересовался я.

– Да кто его знает, – уклончиво ответила тётя, вчера уже сегодня пришёл, в четыре утра.

Где живёт девушка, тётя не знала. Беда была в том, что больше у нас зацепок на поиски не имелось.

– Сапог должен кого-нибудь знать, – сказали подельники, – он такой, что всё знает.

– Тогда устраиваю у вас засаду, – говорю тётю. – Буду караулить возвращение вашего племянника. А так как эти архаровцы ничем не лучше его, отпустить их по девушкам и вдовам не могу, будем дежурить вместе. С вас ночлег и кормёжка.

– Пожалуйста-пжалуйста, – засуетилась тётя. – Места всем хватит.

Спроворила хороший ужин.

– Может вина? – робко спросила.

– По-хорошему, конечно, нельзя на задании, – строго сказал я, – ну-да ладно, день был сегодня хлопотный, по стакан-

чику можно.

Под утро со свидания явился четвёртый. Он на самом деле знал, где найти ещё двоих. По темноте мы не сорвались в поиск, но подъём я сыграл рано. Пятого ухореза застали тёпленьким в постельке.

– Ты что, – говорю, – разлёживаешься, – тебя служба в Тикси ждёт не дожждётся? Пять минут на сборы!

Он мне шепчет:

– Матери-отцу не говори, что в самоходе.

Мать засуетилась:

– Позавтракать надо! У меня котлетки...

– Только сухим пайком, – остановил. – Самолёт под парами стоит!

Решил, ни к чему рассиживаться, остальных надо брать, к тому же, у тёти четвёртого мы чай с хорошими бутербродами попили, добрую сковороду яичницы умяли. Мама пятого наметала здоровенную сумку сухого пайка.

Я держал бойцов в ежовых рукавицах. Всех страшал трибуналом, дисбатом.

– Вы идёте по статье дезертирства! Присягу дали, значит, корячится реальный срок за измену Родине! Последняя возможность получить прощение и избежать трибунала, сегодня улететь в Тикси. Разбежитесь, я улетаю один, а на вас тут же подадут в розыск!

Нагородил для пущей важности, что мне даны командованием чрезвычайные полномочия. Карабина нет, но я без него

мастер спорта по боксу. Поэтому лучше не фокусничать, не доводить до членовредительства.

Шестого беглеца в подъезде застали. Идёт навстречу в джинсах, курточке. Я его, естественно, не знал, свои выдали:

– Макс, мы за тобой!

У него глаза забегали. Я за руку схватил:

– Стоять, Макс! Стоять!

– Дайте хоть с девушкой попрощаться, она на первом этаже живёт!

– Какая, – говорю, – тебе девушка? Девушки потом. Быстро одевай форму, если под трибунал не хочешь, нас борт ждёт.

Мать ему тоже чемодан еды собрала.

С седьмым беглецом установили телефонную связь. У шестого был номер телефона. Беглец оказался дома, я строго переговорил с ним, с его отцом, тот заверил, сам привезёт на аэродром сына. Сам так сам. Это даже лучше. Предупредил отца, на всякий случай, о плачевных последствиях в случае неявки сына на аэродром.

– Да что мы не понимаем, – заверила трубка. – Доставим в нужное время и даже раньше.

Можно сказать, все в сборе. Поэтому не стал сопротивляться, когда пригласили нас за стол. Мать шестого принялась расспрашивать об условиях службы в Тикси. Курорт, говорю, лучше не надо, на самом берегу моря... Оно хоть и Лаптевых, но море, волны как в Одессе... Не будешь рас-

страивать её и ребят, что пурга может на неделю и больше зарядить, в шаге ничего не видно, и штормовой ветер, метров тридцать-сорок в секунду. Из казармы не выпускают, чтобы не помёрзли бойцы (а случаи такие были), на сухом пайке сидим.

Разрешил шестому сбегать к девушке, попрощаться.

На аэродроме, пока борт ждали ни на секунду не оставлял бойцов без присмотра – в туалет строем ходили. Они про себя решили, я какой-то засекреченный под рядового офицер. Только когда в самолёт сели дал возможность расслабиться.

– Парни, вольно, – скомандовал, – распаковывайте сидоры. Задача – съесть и выпить весь сухой паёк. В части всё равно отберут.

Самолёт Ан-26, в нём куча обмундирования. Мы всё съели, выпили, завалились на тряпьё спать.

Прилетели, я всех беглецов построил, лично к Жердеву привел, доложил:

– Товарищ капитан, ваше поручение выполнено!

Он головой покачал, оглядывая нас:

– Ну и рожи. Глаза бы мои на вас не глядели!

После такого перелёта мы все помятые, от гимнастёрок до физиономий.

Я привёл себя в порядок и скорым шагом к Елене Алексеевне. Поплакался, что до экзаменов не допустили, в газете была дана искажённая информация. Я оказался оторванным от родной части. Ни в нашем управлении, ни в комендант-

ском взводе, ни в учебке, ни стройбате мой вопрос не реши-
ли, ещё и в санбат загремел. Елена Алексеевна опять меня
выручила:

– Настрадался ты, но приехал и хорошо. Будешь также при
штабе служить, не беспокойся.

Жердев стал звать меня Академиком, при встрече обяза-
тельно скажет что-то наподобие:

– Ну что, Академик, два месяца продурагонил! Тебя бы,
конечно, надо было взгреть хорошо. Повезло, что в мои руки
попался, а не кому-нибудь другому!

Мне, конечно, более чем повезло с Жердевым в Песчан-
ке, но и ему со мной не меньше. Он прекрасно понимал (не
зря был кадровиком, человека насквозь видел), что я быст-
рее найду беглецов-ухорезов, чем он. Читу Жердев не знал,
да и погонями своими пугал бы. А я везде как рыба в воде.

Оказавшись снова в Тикси, я ликовал. Был на седьмом
небе, всё вокруг родное, каждая собака тебя знает и ты каж-
дую.

С Егором в казарме обнялись по-братски:

– Егорушка, – говорю, – найди-ка, родной, место, где
спать?

Моё было занято. Быстро рокировку сделали, и снова я
оказался рядом с Егором.

Прапорщик Щукин меня увидел. Щеголеватый, лет трид-
цати от роду. Чуб вороньим крылом, усики щеголеватой ско-
бочкой.

– Кузнецов, а где твоя парадка, где всё? – начал строжить-ся.

– Товарищ прапорщик, – вытянулся перед ним, – выполнял ответственное задание капитана Жердева. Обстоятельства операции сложились так, что вынужден был все вещи оставить в Чите у родственника, полковника бронетанковых войск. Они буду присланы мне в ближайшее время.

– Смотри, Кузнецов. Загремишь на губу!

Щукин ушёл из казармы, я отправился в каптёрку, с каптёром пошушукался, и форму мне «досрочно прислали». В армии многое решалось просто.

Ребят своих долго веселил рассказами об академических похождениях. Сядем нашим кругом и начинаю травить:

– В академию как Василий Иванович Чапаев поступал. Кровь, мочу сдал, а на физике срезался – закон Ома забыл. А не знаешь закон Ома – сиди дома, то бишь – в Тикси. Но скажу вам, ребята, прав подполковник Бобков из читинской комендатуры, который изрёк хорошие слова: как бы ни было плохо, от своей части нельзя отрываться. С другой стороны я понял, в армейской машине, где, казалось бы, всё под контролем и неусыпным надзором, где всё расчерчено и разлиновано, можно затеряться и попасть в межклеточное пространство.

Отслужил я в армии день в день один год. Семнадцатого ноября прилетел в Тикси, ровно через год улетел. С Егором Назаровым в один день демобилизовались. Его пытались за-

держат, я к Елене Алексеевне:

– Мы в один день призвались, вместе учились, вместе бы улететь.

Елена Алексеевна и на этот раз помогла.

Ей уже за восемьдесят, надеюсь, жива, дай Бог ей здоровья, очень хороший человек.

И вообще мне по жизни везло на хороших людей... За многих молюсь...

Женщина на корабле

Я уже говорил, что батюшка, как правило, всегда начинает разговор первым. Не ждёт вопросов, не смотрит тебе в лицо, безмолвно вопрошая, зачем сегодня пожаловал раб Божий? Ему всегда есть что поведать из своей бурной жизни. И рассказчик замечательный. В ту нашу встречу вышел на одну из самых дорогих ему, романтику по натуре, тем – работа на реке. Батюшка всегда с благодарностью вспоминает своего дядю Володю, который направил его в Новосибирский институт инженеров водного транспорта. Считает, не будь в его жизни Яны, Енисея, Лены, Чулыма, рек на которых потрудился на флоте, был бы он беднее. Сколько людей прошло перед ним, сколько осталось в сердце светлой памятью, а природа... Никогда не поймёт восторгов северянина тот, кто ни разу не слышал крик гусей, пролетающих над тундрой, кто не мчался на катере по безбрежности Енисея, не дышал туманом, плывущим над Леной...

– Год назад подошла ко мне на исповедь пожилая женщина, – начал повествование батюшка, – собственно, бабушка. Стала рассказывать, что недавно похоронила мужа, был он капитаном речного флота. О, думаю, наш брат – речник, упокой, Господи, его душу. Пятьдесят пять лет вместе прожили, и вот скорострительно умер... Захлопала носом, что-то ещё говорит, а я вдруг понял – передо мной Роза. Сразу не узнал,

шутка ли, более сорока лет прошло. Как сказала про Енисейск, я всё понял. Она меня вообще не узнала. Открываться не стал, не тот случай. Каялась в супружеских изменах. По жизни за грех не считала, жила легко, вольно, муж с этим мирился. В Омск приехала к родственникам в гости.

Это нередкое явление, когда иногородние исповедуются в стыдных грехах. Незнакомому батюшке, живущему от тебя за тысячу километров, проще признаться, чем священнику церкви, что рядом с твоим домом.

С Розой и её мужем работал я в изыскательской партии речников на Енисее.

Демобилизовавшись, я взял такой билет, что проехался по всем родственникам, от Иркутска до Калининграда. Проведал дядю Володю, брата в Минусинске, отца на Урале, в Новосибирск заехал. Потом вернулся в Якутск. Жалею, что поддался на уговоры, не поехал работать в Нижнеянск. Опять же, прав, был подполковник Бабков из читинской комендатуры: нельзя от своих отрываться. Я решил от добра добро искать. Мне расписали преимущества работы на Витиме. Природа как нигде первозданная. Охота, рыбалка... Угрюм-река из знаменитого романа Вячеслава Шишкова – это Витим на самом деле. Охота не сравнить с нижнеянской, и карьерный рост обеспечен. Сманили, но я поработал какое-то время, мне не понравилось, уволился и поехал в Читю. В надежде, что с Ларисой восстановим отношения. Да опоздал, она замуж собиралась. Убиваться не стал, как есть,

так есть. Пошёл работать в мостопоезд. Зиму в Чите провёл, больше всего из того периода жизни понравился специализированный боксёрский зал. Усиленно тренировался, соскучился по боксу, по регулярным тренировкам. Познакомился Геной Соболевым, чем-то на Казанцева смахивал. Начитанный, интеллигентный и боксёр отличный. Вместе тренировались. Подумывал в Чите остаться, но как только весной запахло, потянуло на флот. Посмотрел на карту и взгляд остановился на Дудинке. Махнул туда. Однако флотские в Дудинке меня особо не ждали, оказался я на Курейской ГЭС, начал устраиваться в строительное управление.

А дальше все как в сказке. Выхожу на берег, стоят теплоходы «Художник Поленов» и «Георгий Димитров». Знакомые речники говорили, что на «Поленове» капитаном Жора Корейчук, муж моей однокурсницы Веры, в девичестве Лопарёвой. Покричал, Жора прислал за мной лодку. Радушно встретил, провёл по кораблю, всё показал, накормил вкусным обедом. Часа два у него гостил. В это время подошёл путейский корабль «Орёл». Сказка продолжилась. Схожу на берег и по дороге в общежитие знакомлюсь с мужчиной. Началось с того, что он спросил у меня спички, дальше языками зацепились, выяснилось, мой попутчик с «Орла», прораб водных путей – Аркадий Иванович Селезнев.

– О, – говорю ему, – а я на Яне на земснаряде работал.

Он тут же давай переубеждать меня:

– Зачем тебе это стройка, эта ГЭС, раз ты речник?

Я и сам не знал, зачем.

– Приходи завтра на «Орёл», – позвал Селезнёв.

На следующее утро я был у Аркадия Ивановича на «Орле». Он связался по радиации с Енисейском, с начальником участка. И меня приняли на работу. Заочно. Он зачитал данные моего диплома. Как это часто бывает на реке, на участке работала выпускница нашего института, годом раньше меня окончила, которая меня отлично знала. По радиации приняли на работу. Сказка. Сбежал в общагу, перетащил вещи на «Орёл». Сначала работал прорабом изыскательской партии, потом попросили немного инженером поработать, затем снова в прорабы перешёл. Прораб в изыскательской партии – выше должность. Участок реки, за который отвечал, имел границы от Подкаменной Тунгуски до Туруханска. У меня было три путевых корабля в подчинении и свой разъездной катер. Мы следили за судоходством, обстановкой на реке, проводили изыскательские работы – геодезические, гидрографические, углубляли земснарядом русло...

Среди бакенщиков много староверов было на моём участке. Люди и телом могучие, и духом крепкие. На Енисее часто попадались интересные люди. Был Егор, фамилию не помню, Бородой звали – бакенщик. Его волновали вопросы мироздания, философии, он читал такие книги, таких авторов, о которых я и не слышал. На Чулыме у бывшего зека Степахи-бакенщика одно на уме – урвать, обмануть, а здесь – философ, которого волнуют проблемы человеческой ду-

ши...

Сам Енисей располагал к философии, в иных местах другого берега не различить – море. И рыба водилась под стать – по метру и больше таймени. Но ловить не могли, каралась такая рыбалка жёстко – срок до трёх лет. Поэтому если попадался таймень, съедали без промедления. Повариха оперативно разделает, поджарит на гигантской сковороде, и не откладывая на завтра, что подфартило съесть сегодня. Вкуснейшее мясо. Команда употребит с пылу с жару, а если что осталось – за борт, чтоб ни единого следа на корабле. И неукоснительное правило: не обсуждать, не вспоминать, не смаковать ни с кем. Съели, переварили, забыли.

Вернёмся к Розе, которая у меня исповедовалась в Крестовоздвиженском. Когда я был прорабом изыскательской партии на Енисее, муж её, Виктор Горохов, работал на моём участке капитаном путейского корабля «Коршун», а сама Роза (в крещении Мария) заправляла поварихой на этом же корабле. Виктор нормальный мужчина – добродушный, миролюбивый. О таких говорят: муху не обидит. Если был за ним грех, всего один – любое праздничное застолье заканчивалось тем, что засыпал за столом. Но так как массовых застолий с возлияниями в навигации случалось всего ничего, пальцев на одной руке хватит пересчитать, ещё и останутся, то грешил нечасто, зато Роза, супруга его ненаглядная, каждую навигацию, как с цепи срывалась. Путалась с кем ни попадя. Удержу не знала. Было негласное правило в

партии, внимание на такие вещи не заострять, это дело мужа, раз он мирится, что нам-то лезть. Однако после Дня речника возник конфликт. На праздник корабли нашей партии собирались вместе, молодёжь концерт организовала, после этого стол накрыли. Горохов пусть не в салате, но у салата заснул, Роза в своём репертуаре куда-то запропастилась. Праздник закончился, начался цирк – команда «Коршуна» взбунтовалась. Пришла ко мне делегация, выставила ультиматум:

– Или вы Розу на другой корабль переводите или мы уйдём! С ней работать не будем.

Причина возмущения в том, что Розе мало речников, с поселковыми начала путаться. Перед навигацией все проходят медицинскую комиссию. Вот команда и взбунтовалась, дескать, Роза непонятно где и непонятно с кем, а она в пищеблоке работает. То есть, с речниками проверенными пусть, но тут посторонние, которые комиссию не проходят. Принесёт на корабль какую-нибудь заразу. Кое-как уговорил. Пообещал с Розой работу провести. Остались.

После свадьбы опять двадцать пять...

Про свадьбу отдельная история. Помню, когда первый раз сказали, я не поверил. Меня спрашивают:

– Ефимыч, ты на свадьбу идёшь?

– Какую такую свадьбу?

Этот аттракцион в течение нескольких лет каждый год повторялся.

Наступал момент в навигации: всё обрыдло, опостылело,

изо дня в день одно и то же, одно и то же... Скукота. Комарьё зверствует, гнус достаёт... Хочется праздника. А где его взять? День речника прошёл, больше ничего подходящего календарь не предоставляет, а душа требует веселья. Тут-то наши оболтусы и устраивают свадьбу. Каждый год такое затевали, и всякий раз с рук сходило. Начальник партии, наш грозный Модест Феофанович, смотрел на это сквозь пальцы. Понимал, разрядка нужна, пусть молодёжь подурочится под относительным присмотром... А молодёжи главное, устраивая себе праздник, свадебную пару подобрать.

В тот год выбор пал на Ваську и Ленку. Кому-то в голову пришло: Васька ведь не женат и Ленка не замужем. Лена была дочерью главного механика техучастка. Серьёзная должность, второе лицо в техучастке, уважаемый человек в Енисейске. Она его дочка. Девчонка хорошая, окончила институт, инженером была в партии.

Мои оболтусы идут к Ваське.

– Вась, будешь жениться на Ленке?

Васька не против, надо взять согласие у Ленки. «Жених с невестой» на разных кораблях, операция подбора «жениха с невестой» длится не один день, и процесс подготовки свадьбы вносит свой колорит в жизнь партии.

– Лен, ты замуж хотела выйти?

– Хотела и что?

– Ну, давай свадьбу корабельную сыграем, порепетируешься...

Что интересно, Ленка соглашается.

Корабли сходятся в каком-то населённом пункте, начинается свадьба вскладчину. Жених есть, невеста есть. Садятся во главе стола бок о бок. И пошло веселье. Никакого загса, и марша Мендельсона в торжественной обстановке, зато всё остальное, как водится. Возгласы «горько» то и дело возглашаются над столом, песни, танцы, гармошка, вино рекой... Про брачную ночь ничего сказать не могу – не знаю. Дня два идёт веселье, потом все расползаются по своим посудинам, свадьба закончилась, корабли расходятся. Так как жених с невестой на разных кораблях работают, медового месяца не предполагается. Наши оболтусы хихикают: Васька с Ленкой не сошлись характерами.

Сейчас подумаешь: неужели на самом деле такое было? Взрослые люди, а хуже детей...

После навигации об этом не распространялись. Как София Ротару пела в то время: «Было, было, было, но прошло». У речников не поощрялось обсуждать грехи и грешки, случившиеся во время навигации, по окончании оной. Вернулся домой и забудь, что было летом. Болтать не рекомендовалось.

Повеселились мы на свадьбе Васьки с Ленкой, скуку разогнали, можно дальше впрягаться в работу, да на «Коршуне» веселье продолжается: Розу кто-то из наших смертельно оскорбил. Она в отместку хватает чемодан и на берег.

Обидели коим образом. Обозвали шалавой. Ладно бы

оскорблённая бросила кухню и команду на произвол судьбы, одна сошла на берег, вопрос со специалистом её кастрюльного профиля можно решить. Беда, капитан наш, как нитка и иголка со своей супругой. Причём, он – нитка. Бросает корабль и «тянется» за своей иголкой.

У меня тихая паника – навигация в разгаре, а капитан делает кораблю ручкой. Получается, я не создал соответствующий микроклимат в коллективе, возникла конфликтная ситуация, в результате путейский корабль остаётся без капитана.

– Не нанималась терпеть хамство от сопляков! – вне себя от оскорбления Роза. – Я, блин горелый, старше его в два раза!

Подмывало сказать: не давала бы повода, вела бы себя не шалавой... Да не скажешь. У них с мужем тандем, стоит ей собрать чемодан, он в любом месте бросает штурвал и за ней. Детский сад. Не в первый раз подобный фортель выкидывают! Мне перед навигацией рассказывали, но надеялся, пронесёт. Свадьба игралась шутейно, похмелье настоящее.

Начинаю уговаривать Розу остаться. Включаю всё красноречие, изливаю на неё поток комплиментов. И самая-то она незаменимая, и самая обаятельная... Как это важно в мужском коллективе, когда красивая, умная женщина своим присутствием заставляет парней чувствовать себя рыцарями.

Надо сказать, Роза была далеко не Джина Лоллобриджи-

да. Я бы даже сказал – наоборот. Зуба сбоку нет, талии – тоже. Натуральная повариха. Бывало, и с фонарём под глазом выйдет.

– Блин горелый, – скажет, – об ручку поварёшки звезда-нулась! Из котла торчала, я тряпку обронила, наклонилась в спешке и ага!

Роза на сто пятьдесят процентов пребывала в уверенности, кто-кто, а уж она точно Лоллобриджида! Неотразимый гений чистой красоты. Не зря пользуется бешеной популярностью среди морских волков. И подумать только – её шалавой назвали. Унизили, оскорбили, обидели.

– Витьку забираю и уходим! – бросила мне. – Ноги моей на этом корыте больше не будет! Оставайтесь, блин горелый, как хотите!

– Вас же, – пытаюсь до её разумения достучаться, – уволят по «тридцать третьей» статье и на будущий год не возьмут в навигацию. На что будете жить? Я как-нибудь перебыюсь, пароходство пришлёт капитана, но вас-то...

Розе наплевать. Женская честь дороже.

– Я не намерена терпеть хамство!

Комедия. Само целомудрие, а не Роза. Только мне не до веселья. С Гороховым говори, не говори, уговаривай, не уговаривай – окончательное решение за Розой. Капитан отличный, да Роза из него верёвки вьёт. Такая была у них любовь.

Кончилась трагикомедия тем, что перевели обидчика Розы на другой корабль. На этих условиях согласилась остать-

ся. Доработали с мужем до конца навигации.

Женщины на флоте отдельная история. Можно рассказывать и рассказывать, и нельзя не вспомнить Жеку и Викушу. Хоть и недолго они обретались в партии, но запомнились... В тот год на судоходной брандвахте работали два «химика». Это те, кто по суду получил срок, который надо отработать на стройках народного хозяйства и на флот таких тоже брали. Пришли к нам в партию с жёнами. Если соблюдать формальность – с сожительницами. Официально ни одна, ни другая пара не были зарегистрированы.

Жека Соснин был из природных здоровяков. Никаким спортом никогда не занимался, но редкой силы мужик, лет тридцати от роду. В буквальном смысле гора мышц. Культуристы качаются, таблетки горстями заглатывают, а тут без тренажёров и пилуль Шварценеггер. И дурковатый. Сидел за драку. Как сам рассказывал, группа парней начала к нему вязаться, он не рассчитал силы, все оказались в больнице. Был у него в семейном арсенале аттракцион... Напьётся, повздорит со своей Викушей, она что-то против вякнет, он, недолго думая, хватает за ногу... Викуша невысоконькая, миниатюрная... Если Жека – гора мышц, она – воздушное создание. Лицом не первой свежести, непутёвая жизнь оставила отпечаток, тогда как на фигурке непутёвость бытия не отразилась... И вот картина, достойная кисти мариниста Уильяма Тернера или Айвазовского. Судоходная брандвахта идёт, Жека Викушу хватает за щиколотку, мгновение и

она вниз головой висит за бортом... Брандвахта полным ходом речную волну режет, Викуша, по всем берегам слышно, пронзительнее сирены орёт, а Жека скалой на палубе висится, рука с исходящей визгом Викушей за бортом. При этом он решает гамлетовский вопрос: быть или не быть, отпустить в воды Енисея возлюбленную или пускай поживёт ещё какое-то время...

Едва не в первую неделю навигации сижу в каюте, вдруг пронзительный крик. Как минимум – режут кого-то. Выскочил на палубу, а там трагикомедия с Викушей за бортом в подвешенном состоянии.

– Жека, – говорю, – успокойся.

Он захохотал:

– Ефимыч, не волнуйся, это в сугубо воспитательных целях.

Макаренко, одним словом, с Ушинским вместе.

После второго вывешивания объекта воспитания за борт, я начальнику партии Модесту Феофановичу говорю:

– Жека в воспитательных порывах может далеко пойти. Швырнёт Викушу в набежавшую волну! Будем иметь фигуристый труп. Надо эту парочку списывать на берег, иначе до беды недалеко. Плавать Викуша, как я выяснил, не умеет.

Жека был парень работающий, за двоих играючи ворочал, ни от какой работы не отказывался, что ни скажешь, сделает, но приходилось выбирать.

Вторая пара химиков, Толя и Вера, полная противополож-

ность. Никаких эксцессов. Он два раза сидел. Один раз за воровство, второй, как он объяснял, ни за что. Вера тоже на зону сходила, имела на руках отметины – наколки. Это сейчас все кому не лень себя разрисовывают, как папуасы, тогда путные девчонки наколки не делали. Толю мужики за глаза, в глаза не любил, Копчёным звали. Смуглый, сухой, ёжик тёмных волос, цепкий взгляд. Чифирил Толя зверски. Потому, наверное, и сам был коричневый. Чай куплю для столовой с расчётом на неделю, пару дней проходит – чая нет. Да что за напасть? Веру, поварихой служила, спрашиваю, она плечами жмёт. Да ларчик просто открывался – Толя пятидесятиграммовую пачку чая на один раз заваривал. Он по собственной инициативе в свободное время Вере на кухне помогал, за что брал чаем. Я нашёл выход – стал фруктовый покупать. Надолго его хватало. Ух, Толя ворчал:

– Ефимыч, зачем эти помои покупаешь? Не надо его брать! Прошу тебя, не надо!

А я вроде как не понимаю, откуда ноги неприязни к фруктовому чаю растут.

– Да какая разница? – скажу. – Подкрашен кипяток и ладно!

– Как это какая разница? – Копчёного аж передёргивало. – Это ведь не чай – пойло! Не бери ты эту гадость! Не трать попусту деньги!

За что Копчёного уважал – никогда не напивался. Умел себя держать.

Один раз у меня десятку украли. В то время хорошие деньги. В ресторане в Дудинке можно было вечер посидеть на них. Я Толе пожаловался. Он мне:

– Ефимыч, найдём кто скрысятничал. Обязательно найдём.

– Да ладно, – говорю, – может, сам потерял. Или кому-то нужнее были. Ни к чему волну поднимать.

– Волну катить не будем, но это дело принципа. На нас ведь подумают: зеки взяли.

И нашёл. Он расставил свои капканы, воришка попался. Ключнул «на живца». На брандвахте два школьника работали, девять классов окончили и устроились деньжат подзаработать на каникулах. Была такая практика на флоте, подростков на лето брать. Один из школьников зашёл ко мне в каюту и чесанул десятку. Толя его вычислил. Я попросил Толю пыль не поднимать. Ну, оступился парень. Увольнять не стали. Десятку вернул, покаялся. Слёзно попросил родителям не сообщать. Я и не собирался.

И ещё одна флотско-женская история просится в строку. Её герои – Миша и Мариша. По сей день с ними общаюсь. Бывает, звонят, просят молитв. Случилась это в 1980-м. Пароходство тот год надолго запомнило. В Москве всемирная олимпиада проходила, а в Сибири она аукнулась по женской части. Столицу тщательно зачистили от сомнительного элемента. Воров, фарцовщиков, валютчиков, нищих и проституток отправили подальше от соревнований, чтобы не под-

рывали честь страны. В наше пароходство прислали человек двести женщин лёгкого поведения. С наказом занять порочащий социалистическую Москву контингент общественно-полезным трудом на период навигации. Москвичек распределили по объектам, кого на корабли, кого в порты по всему бассейну, кого на базе оставили. В нашу партию Маришу прислали. Кто жил в то время помнит первую звезду эстрады Советского Союза – певицу Софию Ротару. Мариша на неё походила – высокая, стройная, утончённые черты лица, ухоженная. Прямые волосы до плеч... И языкастая...

Модесту Феофановичу, начальнику партии, говорит:

– Начальник, ты мне что, хочешь лопату дать? У меня руки не под неё заточены.

Модест Феофанович мужчина суровый и конкретный, начальником партии работал бессчётное количество лет. Почти все лоцманские карты на Енисее были за его подписью. Своеобразный человек, коммунист, пунктуальный до противности и страшно хозяйственный... У нас в партии в закромах чего только не было. Забрасывай партию всем составом на Северный полюс – не пропадём. В геодезии, гидрографии был непререкаемым авторитетом, кроме этого и слесарь, и механик, и завхоз, который ни одну верёвку так просто не выбросит, мимо гвоздика, валяющегося на земле, не пройдёт...

Модест Феофанович Марише коротко бросил:

– На понт брать не советую. Если что, на необитаемый

остров высажу, комарики быстро красоту на твою физиономию и остальные части фигуры мигом наведут. Так что если и лопату дам, не переломишься. Заточишь свои холёные ручки на черенок...

Мариша, дурачась, козырнула:

– Есть.

Но поняла, Модест высадит на остров, не поморщится, а что такое сибирский комар уже познала.

После разговора с начальником тише воды, ниже травы не стала и целомудренней тоже. Как-то смотрю, Петя Соболев, молодой мастер, с синяком. Спрашиваю его: кто фингал поставил? Петя заюлил. Я и без него вскоре узнал: из-за Мариши подрался.

Оболтусов, молодёжи-холостёжи хватало в партии, кто после красноярского речного училища, кто школу окончил и перед армией пошёл работать, кровь играет, а тут Мариша глазки всем подряд строит, вся команда за ней увивается. Два дурака подрались через это. Нехорошая атмосфера в партии. Пакостная. Мариша то с одним, то с другим. Оболтусы между собой грязно смакуют похождения. Игорь Прохоров в армию по осени уходил. Девятнадцать лет, но выглядел старше. Светлые волосы, голубоглазый. Мариша его выделяла среди других, зато он ни во что её не ставил. Игорь с Петей как-то раз сцепились.

Я вызвал Маришу на разговор, она дурака принялась валять:

– По вашему приказанию, товарищ начальник, явилась, не запылилась!

– Марина, – говорю, – зачем тебе это нужно? Оболтусы смеются над тобой, грязно говорят. Не знаю, как в Москве, здесь легкомысленное поведение женщины всегда осуждается. Ты сегодня с одним, завтра с другим, потом с третьим. Это само по себе нехорошо.

– У вас тут ни танцев, ни кафе, надо же как-то разряжать трудящихся, вот я и вдохновляю на трудовые подвиги.

Я будто не слышу ёрничества:

– Остановилась бы на одном.

И советую ей Мишу-механика.

– Он, – говорю, – неженатый, самостоятельный, не то, что эти салаги, им только гы-гы, да га-га, ветер в голове. И ничего серьёзного.

Миша Мироненко был рыженький, незаметный. Эти все дерзкие, а он скромный парень, держался сам по себе. Хорошие родители. Окончил Красноярское речное училище, армию отслужил.

– Присмотрелась бы к нему, – советую. – Судя по всему, робкий с девушками, сам не подойдёт, да не мне тебя учить.

– Это уж точно! – захохотала.

– Вот и займись, а парням мозги не пудри! – попросил, особо не надеясь на результат.

Она дурашливо приложила руку к «пустой» голове:

– Есть!

Провожая, подумал, зря время тратил, ничего из нашего разговора не выйдет. И ошибся.

Пришли мы в Курейку, в посёлок гидростроителей, смотрю – Миша с Маришей в магазин вместе отправились. Потом встретил их на берегу, романтической парочкой гуляли.

Оболтусы обзывать-то её обзывали, а тут занервничали. Она с Мишей и больше ни с кем. Как жених с невестой. Отошла коту масленица. Самые резвые подумывали на Мишу наехать, чтобы оставил Маришу в покое, и всё бы вернулось на круги своя, да Парфёныч узнал и это дело пресёк.

Парфёныч – морской волк. Лицо продублённое. Заместителем начальника партии был. И человек корневой, старых правил. Было ему шестьдесят лет, но возрастом не кичился, на равных мог поговорить с тобой, чарку другую выпить, пошутить от души, если на то повод имеется, но в его присутствии не зарывайся, следи за речью, не дай Бог про старших плохо скажешь, про женщин. Отчитает по всей строгости закона. Фронтвик. И всегда выручал, если что. По рации изложишь проблему:

– Парфёныч, мне надо срочно в Енисейск.

– Ну, давай, мы тебя подбросим.

Возьмёт на корабль, ты у него как на курорте. Он тебя и деликатесами накормит, и рюмку поднесёт. Бывало, утром надо рано-рано сойти на берег, боишься не проспать. Парфёныч заверит: «Не бойсь – сам разбужу». Железный мужик. Не уснёт, пока не высадит. Всё у него всегда было по-хозяй-

ски. Вот и наших оболтусов поставил на место, предупредил, если беспредельничать начнут, вылетят из партии в двадцать четыре секунды. На помощника капитана, коим являлся Миша-механик, буром идти никому не позволит.

До конца навигации Мариша с Мишей неразлучны были как два голубка, а в ноябре поженились. Миша представил возлюбленную родителям, в Енисейске жили, они приняли Маришу, как дочку. Миша всю команду на свадьбу пригласил, но никто из оболтусов не пошёл, только мы с Парфёнычем вдвоём из всей партии гуляли, желая счастья молодым. Парфёныч сразу командовать начал:

– Не вижу на столе солёных огурцов! Как без огурцов гулять!

Сам груздей трёхлитровую банку принёс.

– Да у нас есть грибы! – ему говорят.

– Мои не помешают, сам собирал и засол специальный.

На ура пошли его грузди...

Мариша в свадебном наряде вообще красавица. На корабле комары ей лицо подпортили. Кожа не привыкла к гнусу. К свадьбе всё прошло. Один к одному София Ротару.

Преобразился человек. Наносное слетело, нормальной женщиной стала. Больше в навигации не ходила, выучилась после свадьбы на кондитера, стала работать в Енисейске по специальности. Зимой сидишь в техучастке, бумажки перебираешь, она тортик принесёт. Один раз попал я в больницу, Мариша с Мишей принесли банку брусники. Ещё что-то из

вкусок был, но ту бруснику я запомнил на всю жизнь. Мариша несколько раз повторила: очень полезно для меня. Уже начала разбираться в местных снадобьях. И откуда что взялось, стала хозяйственной, заботливой.

Ко мне относилась как к старшему брату, хотя почти ровесниками. В середине зимы принесла пирожные в техучасток, я чай поставил, вдвоём сидим, пожаловалась: не может забеременеть.

– Ты поговори со старухами, – посоветовал и отправил к Прохоровне.

Одно время жил на квартире у Дарьи Прохоровны. Мудрая, повидавшая жизнь старуха, природной интеллигентности. Прохоровна дала Марише какой-то корень, настойку делать. Корень помог или ещё почему, Мариша забеременела, родила сына. Позже у них дочь родилась, но это уже без меня.

Мы переписывались, перезванивались. Моё рукоположение в священники поначалу Миша с Маришей восприняли настороженно, будто я в сектанты подался. Но потом у Мариши даже порыв был, звонит:

– Вот бы детей к вам крестить привезти, заодно Омск им показать.

С крещением не срослось, а так Мариша время от времени звонит, просит помолиться, если болеет кто из семьи или затевают серьёзное дело. Недавно Мишина мама умерла, молюсь как за новопреставленную...

Вот такая история с Мишей и Маришей.

А Розу я больше в нашем соборе не видел. Исповедалась у меня, причастилась и всё. Где она, что – не знаю. Наверное, в Красноярске живёт. Там у неё квартира была, двое сыновей.

Рассказ батюшки Виталия о том, как он не стал семинаристом

Наше неторопкое повествование подошло к поворотному событию в жизни героя, которое определило его на путь пастырского служения. Был в нашей Церкви короткий период времени, лет десять, от силы пятнадцать, когда в большом количестве открывались новые храмы, а иереев катастрофически не хватало. Сейчас духовные семинарии едва не в каждой митрополии, без малого четыре десятка насчитывается, тогда раз-два и обчёлся – Москва, Ленинград, Одесса. Даже в советское время они половины потребности церкви в иереях не закрывали, тут стали один за другим открываться новые приходы, а священников нет... В иереи, монахи пошли офицеры, медики, водители, инженеры. Батюшка Виталий – один из них. Что привело его в церковь? Однозначно не ответишь, но сыграли своё два года, проведённые в Одесском Свято-Успенском монастыре. Ниже батюшка об этом сам расскажет. Предварительно покаюсь перед тобой, уважаемый читатель, публикуя откровения батюшки, совершу авторский плагиат. Работая над этим романом, на короткое время «вилънул в сторону» и написал повесть «В Одессу к батюшке Ионе», в ней коснулся темы пребывания батюшки Виталия в монастыре. Данное повествование требует в чём-то повторить себя. В чём и каюсь, предоставляя ниже слово

батюшке Виталию.

***

В 1986 году поехал в Одессу поступать в семинарию. Сказать, что было твёрдое желание стать иереем – нет. Два знакомых по приходу парня собрались в Одессу в семинарию, я про себя думаю: почему не попробовать. Тем более – лето, море. Семьёй не обременён, деньги на поездку – не проблема. Пошёл за благословением к владыке Максиму, архиепископу Омскому и Тюменскому. Владыка не знал меня, напрямую не дал благословения, отправил к игумену Борису (Храмцову), в Никольскую церковь на Трудах, дескать, раз ты туда ходишь, пусть он решает. Скажет «да» – езжай с Богом.

Игумен Борис мне нравился, молодой, мой ровесник, но из батюшек старого закала. Выслушал и говорит:

– Есть желание попробовать – поезжай, а там как Бог даст. Поживёшь в монастыре, увидишь монашескую кухню изнутри, может, не понравится. Пройди этот искуc.

Я и поехал, положившись на волю Божию.

Одесская семинария на территории Свято-Успенского монастыря располагалась. Самый центр города, берег моря... В трёх минутах ходьбы «самое синее в мире Чёрное море...» Походил, посмотрел и решил про себя – буду учиться. Пожить в этом райском месте четыре года – об этом только мечтать можно. Сдал документы. Вскоре ректор семинарии протоиерей Александр Кравченко (интеллигент, интел-

лектуал) на собеседовании вызвал и огорошил:

– Слушай, ну зачем мы тебе нужны? Сам посуди: мы – отщепенцы, а у тебя два высших образования. Ты коммунизм должен строить, а не с попами дремучими водиться.

Из документов увидел, у меня за плечами институт водного транспорта, армия, работа на реке, а ещё худграф Омского пединститута, который я заочно окончил. Я-то думал, меня, не желторотого десятиклассника, с руками и ногами возьмут, а получилось, мои дипломы, жизненный опыт наоборот портили всю картину. Ректор честно сказал: одесский уполномоченный по делам религий костыми ляжет, не допустит такого семинариста, не даст добро. И руководство семинарии по шапке получит от властей за самодеятельность и утрату бдительности. Молодой, самостоятельный мужчина, на обучение которого государство угрохало уйму денег, не рай вознамерился строить на земле со всем народом, засучил рукава, а норовит съехать на обочину столбовой дороги в светлое коммунистическое завтра, пытается увильнуть в церковный омут.

Потом-то я узнал, ректор не стал во все политические тонкости посвящать, не стал рассказывать, что у КГБ установка – с высшим светским образованием не допускать «в попы». А у меня два высших... Вдвойне «держи! не пушай!».

Собрал я вещи... Понятно, в каком настроении поплёлся из монастыря. Прощай Одесса – «жемчужина у моря». Иду и у ворот столкнулся с отцом Ионой. Ничем иным как про-

мыслом Божиим это встречу не назовёшь. Был он в ту пору лишь иноком. Потёртый старенький-престаренький подрясник на нём. В монастыре жил около пятнадцати лет.

Увидел меня понуро бредущего с чемоданом, поинтересовался, отчего печаль-кручина на светлом лице. Объяснил, что с семинарией не выгорело, ректор отец Александр наладил домой, слишком образованным оказался для будущего иерея. Батюшка Иона выслушал и спрашивает:

– У тебя что – дети в Омске плачут?

– Нет, – говорю, – не плачут, и жена не ревёт, по той простой причине – ни того, ни другого не завёл пока.

– Вот и не спеши в свою Сибирь, никуда от тебя не денется.

Предложил остаться дня на три. И повёл в насосную станцию, что находилась у ворот монастыря. В насосной батюшка Ионы оборудовал себе келью, тут же хранил косы, грабли. У стены стояла чурка с бабкой – косы отбивать. Бывало, отобьёт лезвие, брусок мне сунет: «Точи». Помещение просторное, насос где-то в углу, в глаза не бросался. Включался время от времени, не мешал. Уже в то время к отцу Ионе шли люди, а был простым иноком, в насосной их принимал.

На следующее утро батюшка позвал меня косить траву монастырским коровкам.

– Косить умеешь? – спросил.

– А как же, рос в сельской местности.

– Пошли!

По берегу моря вблизи монастыря располагались дома отдыха, на пустырях рядом с ними среди кустарников мы и косили. Угодья такие, что не разгонишься в трудовом азарте – «раззудись плечо, размахнись рука»: на одном пяточке пару-тройку раз литовкой махнёшь, на другом покрутишься. Зато место какое! Берег высоченный, а внизу, на сколько глаз хватает, море. Купол неба, чаша моря, золотой шар солнца, валы волн до горизонта...

Недавно в интернете попалась чёрно-белая фотография батюшки Ионы, стоит на высоком берегу в старом подряснике, за спиной море, а в руках коса лезвием вверх. Таким был, когда вместе косили.

Ему понравилось, как я запросто с косой обращаюсь. А для меня дело привычное.

– Молодец! – похвалил.

Как батюшка Иона косил, я, конечно, не мог, да и никто в монастыре. Прокос широкий... Когда на лугах с ним косили – картина! Идёт и идёт, идёт и идёт, ни миллиметра лишнего движения. Крестьянская кровь. Я почти на тридцать лет моложе, а не поспевал за ним. Неутомимый. Так-то Ильей Муромцем не назовёшь, но в грудь кулаком себя в шутку стукнет, звук, как по железу удар.

С той косьбы началось наше общение, батюшкино покровительство. Первые две ночи оставлял на ночлег в насосной, затем в келью, что в монастырских воротах, определил. Жил, без благословения отца настоятеля, то бишь – нелегально.

Недели через три батюшка Иона представил меня эконому отцу Виталию (Гаенко). Сказал, что лично проверил – сибиряк не из белоручек, работающий, зря монастырский хлеб есть не будет. Эконом против меня ничего не имел, замолвил слово наместнику монастыря отцу Вадиму (Семяшко). Тот благословил остаться трудником.

Отец эконом новоиспечённого насельника сразу отправил в полымя – на коровник, самое тяжёлое послушание. Зато на коровнике я познакомился с архимандритом Арсением. Много позже понял, каким подарком для меня были монастырские послушания. Тогда не задумывался, вот они исповедники веры православной. Это было закрыто для моего разума, понимал – хорошие люди, очень хорошие, не больше. Тот же отец Иона. Мог ли я предположить, что пройдёт короткое время, он станет игуменом, духовником монастыря, почитаемым в православном мире старцем. В келью к нему станут приходить за благословением греческие епископы, патриарх Кирилл. А уж простой люд нескончаемой вереницей потянется за утешением, исцелением, духовными советами. Никогда я не слышал от батюшки: вот бы стать иеромонахом, человеком был редкого смирения. Одну мечту лелеял – поехать на Афон. Собрал целую коллекцию видов Святой горы. Песни любил про Афон. Сам пел, голос у него тихий, ровный...

Я, грешным делом, думал: мечтать не вредно – кто тебя пустит на Святую гору? В советское время паломниче-

ство туда простому человеку было заказано. Атеистическая власть поставила задачу добить русские монастыри на Афоне, для чего общение с соотечественниками всячески пресекалось – не положено! Обители разваливались, монахи голодали, братия естественным образом убывала, а притока русских насельников почти не наблюдалось. При мне лишь келаря отца Никона неожиданно для него самого включили в делегацию от патриархии. Что было равносильно чуду.

К счастью, я ошибался. Мечтать, оказывается, не вредно, вредно не мечтать – батюшка девятнадцать раз ездил на Афон, подолгу жил там. Ему предлагали остаться на Святой горе – отказался. В бесовское время он нужен был на Украине.

Батюшка вечно кого-то устраивал в монастыре. Смотрю, на тележке везёт гору матрасов, значит, надо паломников обеспечить ночлегом. В праздник гостиница всегда полна-полнёшенька, если насосная набивалась под завязку, размещал паломников прямо в храме. Матрацы на пол и почивайте, братья и сёстры. Монастырское начальство возмущалось до крика: Иона, куда ты опять? А он будто не слышит, буркнет в ответ и по-своему сделает. Каши из трапезной паломникам принесёт. К нему шли и шли с бедами, болезнями, за советом, поддержкой, за его молитвами. Терпеливый на редкость, десять раз одно и то же спросишь – ответит. Не было, чтобы занервничал, дескать, сколько можно долбить одно по одному? Ко всем, кто бы ни обращался – учёный,

колхозник, бомж – одинаково относился...

Любил молиться, любил службы, не чурался никакого труда...

Я не понимал тогда – передо мной великий угодник Божий. Знал, чувствовал, большого сердца человек, он тебе как близкий родственник, как отец родной, но не поверил бы, скажи мне тогда: пройдёт совсем немного времени и батюшку будут сравнивать с Кукшей Одесским, могила которого на монастырском кладбище была святым местом для паломников.

Архимандрит отец Арсений, с которым работали на коровнике (он тоже станет в девяностых годах духовником монастыря), нёс послушание скотника – убирал за коровами, кормил их, бывало, и доярком подвизался, монахини-дойarki на службу пойдут, он с подойником сядет под корову. Из себя не богатырь, но посмотришь на руки – трудяга. Был родным братом отца эконома архимандрита Виталия.

Мне в жизни везло со студенчества на интересных людей. Свято-Успенский монастырь – особая статья. Тот же отец эконом – сверхлегендарная личность. Бессменный эконом монастыря на протяжении многих лет. А это не шутка – всё хозяйство обители тащил на себе до старческих седин. Кого ни поставят – не тянет. За неделю-другую вникнет в суть дела, поймёт до конца, куда встрял и сколько всего в хозяйстве (насосная, дизельная, холодильники, коровник, свиарник, гараж, склады, водопровод, канализация) на него взва-

лили. За голову схватится, в ноги отцу наместнику упадёт: не справлюсь! Хоть куда – только не сюда! Отец Виталий как взвалил на свои плечи крест эконома в молодости, так и нёс, пока вконец не обессилел. Лишь после этого потом отец Христофор взял бразды правления в свои руки.

В моё время отец Виталий ого-го-го – бравый, крепкий, красивый человек. В холодное время ходил по обители в генеральской из серого каракуля, без кокарды папахе, офицерским ремнём подпоясанный. Истинное слово – генерал. Юмор не воспринимал. Я пару раз пошутил, и понял – не проходит, лучше держать язык с юмором за зубами. В прошлом подводник отец Виталий пользовался большим уважением у моряков, военная часть которых располагалась впри-тык к монастырю. Мореманам частенько излишки молока с нашего коровника доставались, в пост – особенно. Было взаимопользное сотрудничество: моряки нам помогали, чем могли, монастырь – в ответ.

И не только моряки, отца Виталия знали на многих предприятиях Одессы, в хозяйствах области. Мог обратиться в частном порядке к директору завода с проблемами монастыря, в свою очередь обитель в долгу не оставалась. Политику и дипломатию вёл тонкую. Уполномоченному по делам религии то одно, то другое везли из монастыря. Я однажды участвовал в распилке и погрузке дров для его дачи. Монастырское вино время от времени ему отправляли. Славное делал молдаванин отец Ефим. В продажу не шло, а в каче-

стве валюты отец эконома использовал. Скажем, начальство Госавтоинспекции задобрить. Как-никак в монастыре парк машин, водители.

Хозяйство обители строилось в советское время по принципу – государство в государстве. Своя монастырская насосная станция – воду из скважины качать в случае отключения или поломки городского водопровода. Дизельная подстанция – вдруг город электричество отрубит. От безбожной власти любых козней жди. И воду отключали, и электричество, брали на измор, делали жизнь насельников невыносимой, стремясь выдавить «долгогривых» из монастыря. Расстреливать уже не расстреливали, как в двадцатые-тридцатые годы, но в покое не оставляли.

Мне однажды отец эконома доверил информацию о наличии в монастыре секретного склада бензина. Об этом знал узкий круг лиц. На территории монастыря была тайно зарыта в землю большая ёмкость, в которой на экстренный случай, вдруг на заправках не станет горючего, хранился бензин. И ведь случалось – в городе возникали перебои с горючим. Не один раз отец эконома посылал меня к ёмкостям с канистрой. Делалось это со всеми предосторожностями. Чаще по темноте, это если кому-то срочно понадобилось ехать, и машину надо заправить...

Имелись склады продовольствия. В них держали продукты, овощи, фрукты, закрутки собственного приготовления, бочки с вином. Хранилища заполнялись не по щучьему ве-

лению. Свой огород на территории монастыря, виноградник. Всё грамотно организовано, продумано. На чердаках висели связки лука, чеснока, тут же орехи грецкие. Отвечал за обширное хозяйство отец эконо́м.

Монастырский гараж располагал набором легковых и грузовых автомобилей. Даже представительская «Чайка», редкая в Советском Союзе машина, имелась – патриарха встречать или высокого заграничного гостя. В этом случае отец Лаврентий, лучший водитель монастыря, садился в «Чайку» и ехал в аэропорт или на вокзал. При мне приезжал Касьян-сан, православный монах из Японии. Из Индии индус однажды пожаловал, имя не помню, тоже монах. И тому, и другому нравилось гулять по территории монастыря. Вся без исключения братия работает, они прохаживаются. Отцы не могли не пошутить, кто-нибудь посоветует мне:

– Виталий, взял бы ты на коровник Касьян-сана!

– Ага, – скажу, – корова хвостом зашибёт хлипкого японца, мне потом отец благочинный устроит Цусимское сражение, а отец настоятель – взятие Порт-Артура. Пусть лучше отец Геннадий даст японцу послушание по своей канализационной части. Подрядник у Касьян-сана самый подходящий для сантехнических работ.

Подрядники, что у японца, что у индуса светлые. Такие в монастыре не носили. Митрополит Одесский и Херсонский Сергей (Петров), жил он на территории обители в архиерейских покоях, мог себе позволить, из простых монахов

– никто. Только архиереи. Это сейчас – без году неделя как он монашеский постриг принял, уже в светлом подряснике форсит. Тогда никто бы не понял, с чего ты вырядился таким фертом. Касьян-сан вальяжно прогуливается по аллеям, и обязательно какой-нибудь наш нерадивый к нему пристроится, вроде как сопровождает гостя. Отцы иронизировали: сам сан палец о палец не ударит, ещё и наших лодырей искушает.

Даже фуникулёр, редкий на то время механизм, в монастыре имелся. Обитель на высоченном берегу. С него по тросу, к морю спускающемуся, ходила кабинка. В конце пирса имелась крохотная монастырская территория с небольшим огороженным бетонными плитами домиком – купальня для монахов. Но шли отцы на водные процедуры пешком, фуникулёр предназначался только на случай приезда патриарха в летнюю резиденцию. Монастырь патриарший, на его территории располагалась патриаршая резиденция, всегда готовая к приёму святейшего.

Когда в девяностые годы ездил я в монастырь, уже иереем, от фуникулёра мало что осталось. Проржавела кабинка, исчез подъёмный механизм, как и домик на пирсе. Лестница, что к морю от монастыря спускалась (через сад проходишь, калитка, а за ней деревянная лестница) была в жутком состоянии – ступеньки полусгнившие... И вместо домов отдыха, что стояли рядом с монастырём, одни руины.

Отец эконоом, не переносил нерадивых, зато, если видел,

ты работы не чураться, со всей душой к тебе относился. Приведу пример. Меня и ещё троих семинаристов отправил в колхоз за сеном. Привезти в монастырь прессованного сена на монастырской машине, заодно помочь колхозникам. Выезжали рано утром, накануне вечером, смотрю, отец Виталий везёт на тележке объёмистый фанерный ящик. Казалось бы, экономай, распорядись и без тебя всё сделают, нет, собственноручно. В ящике колбаса копчёная, сыр, масло, картошка свежая, хорошие консервы и трёхлитровая банка монастырского вина. Полный ящик еды собрал. И говорит: «Хлопцы, если что не съедите – не везите обратно, местным жителям оставьте!» И заговорщицки добавляет, мы-то не видим, что там в ящике: «Я вам немного кое-чего поставил, но только после работы. Колхозникам поможете, а вечером не возбраняю. День постный завтра, но у вас работа тяжёлая, вам можно». С пониманием отнёсся – молодые, работа напряжённая, весь день на свежем воздухе. И скромное положил и вина благословил после работы выпить.

Причём, всё предусмотрел. Заглянули, кроме еды и «кое-чего» в ящик уложены рабочие рукавицы, два или три полотенца, мыло... Работа на покосе ломовая, мы честно всё сделали, парни работающие попались, а вечером, помолвившись, плотно поужинали, вина выпили и помянули добрым словом отца эконома.

Кроме сена монастырским коровкам, колхозники предложили набрать в обитель арбузов, из расчёта: сколько заберё-

те – всё ваше, всё равно пропадут. Бахча таких размеров, что устанешь от края до края идти. Колхозники арбузы, что по-лучше, собрали, остальные бесхозно валяются, хоть в футбол играй. Спелые, вкусные и никому не нужны... Сколько могли набрали, привезли отец Виталий похвалил:

– Вот молодцы! Вот уважили! И меня, и братьев.

Любил арбузы.

Отец эконом редко служил литургию или всенощную, хозяйство требовало постоянного внимания. Но Божьей милостью однажды, в первый свой приезд иереем в монастырь, довелось с ним послужить. Сподобил Господь с таким батюшкой у Своего престола помолиться.

Отец Виталий после года моего житья-бытья в монастыре, пообещал провести кандидатом в семинарию. Дескать, замолвлю слово ректору отцу Александру. Замолвил, я месяц походил в кандидатах, на этом моё обучение окончилось. Снова ректор вызвал и один на один сказал: уполномоченный по религии всё равно не разрешит учиться. Ничего за год не поменялось в лучшую сторону. Установку «не пущать» людей с высшим светским образованием в «попы» КГБ не отменил. А значит, благоразумнее льва не дразнить и не высовываться пока, оставаться в тени. Я отцу Виталию доложил, он развёл руками, мол, ничего не попишешь, жди раб Божий, обшитый кожей своего часа.

***

В монастырь наведывались монахи из Почаева, Пско-

во-Печерского монастыря, Киево-Печерской лавры, с кем-то сходил на короткую, приглашали в гости. Иногда отец Виталий отпускал, иной раз скажет: «Лучше воздержаться. У них нынче майор КГБ орудует, как бы не аукнулось, как постричь принимать». Оберегал на будущее, не влез бы я в историю неприглядную, не подпортил репутацию. Но и понимал, кругозор надо расширять, нужны впечатления от других обитателей.

В Киев, в Свято-Вознесенский Флоровский монастырь, сам отправил: «Поезжай дней на пять, посмотри, как матушки живут». Попутно поручение дал, посылочку настоятельнице вручить. Первым делом пошёл я к благочинной, та послала к матушке Александре. Захожу, батюшки святы, как моя бабушка Анна сказала бы, – в келье русская печь. Кробокая, белёная. И не для музейной красоты. Матушке Александре лет восемьдесят, она каждый Божий день у печи орудует. Назначила себе послушание – каждое утро печь пирожки, печенье, шанежки. Ведерную кастрюлю теста заводит, печёт и отправляетстряпню с монахинями в онкологическую лечебницу.

Захожу в келью, она:

– О, монах пришёл.

На мне пальто батюшки Ионы. Прохладно было, батюшка настоял надеть его пальто. Позже, когда батюшка игуменом стал, в паломничества в нём ездил. Я в интернете нашёл и скачал фотографию батюшки в легендарном пальто. Серое в рубчик. Фасон не крик моды, но добротное и тёплое. Те-

перь у меня две фотографии этого пальто, на одной я в нём у главного входа Одесской киностудии, на второй – батюшка Иона на Святой земле.

Матушка Александра первым делом поручением нагрузила. Наладила на Крещатик – купить масла и ещё целый перечень продуктов, выделила сорок рублей, приличные деньги по тем временам. Крещатик рядом. Сам монастырь на Подоле, спускаешься по Андреевскому спуску и вот она обитель.

Быстро сбегал, вернулся с продуктами, матушка усадила за стол обедать. Объеденье, как у бабушки на Урале. Русская печь она и в Африке русская. Всё естественным образом парится, жарится... Отведал знаменитых матушкиных пирожков. Наелся, еле дышал. Поговорили, пока ел. Жизнь матушке досталось, никому не пожелаешь. Что удивило, хоть и пострадала в годы репрессий, прошла ГУЛАГ, гонения, начиная с двадцатых годов, коммунистов огульно не хаяла. Заговорили о них. Я было собрался свои три копейки вставить, дескать, приходилось видеть подлецов и проходимцев с партбилетами в кармане... Матушка твёрдо сказала: были и есть настоящие коммунисты, не надо путать их с негодьями. Настоящий коммунист отец и брат для всех. Ей доводилось сталкиваться с трагедией – коммунист стрелялся от бессилия. План в НКВД спускают: расстрелять триста человек, а он достаёт пистолет и пускает себе пулю в лоб...

– Нет, брат Виталий, – сказала, – были среди коммунистов настоящие люди...

Ни от кого из монахов не слышал такое... И в ГУЛАГе, говорила матушка, были настоящие коммунисты...

Благодаря монастырю, узнал жизнь монахов, монахинь, кто шёл в монастырь осознанно, выстрадано, наперекор обстоятельствам. Мирские власти, сам мир противостоял церкви, шельмовал её, гнобил, сегодня мирское проникает в монастыри и храмы. Я пятнадцать лет прослужил, прежде чем стать протоиереем. Сейчас смотришь, года два как рукоположили юнца, уже камилавку получил, крест золотой. Понимаю, время другое, скорости не сравнить, да гордыня, тщеславие – те же... Без году неделя иной в церкви, уже свысока на всех взирает, через губу речь ведёт. Закачивает в ютуб свои ролики, мнит себя почти старцем, а ещё румянец на щеках. Злопыхатели рады радёшеньки, тычут пальцем: церковь такая-сякая... правда Господь Бог это дело не пускает на самотёк. Я заметил, если человек (хоть светский, хоть духовного сана) увлекается говорением на публику, Бог потерпит-потерпит, подождёт-подождёт в надежде, что поумерит язык, а потом раз и выставит в глупом свете – знай, человек, ограничен ты умом, не возносись. Говорун продолжает вещать с умным видом, да всё уже с ним ясно...

Вернулся я из Флоровского монастыря, отец Виталий спрашивает:

– С матушкой Александрой познакомился? Как тебе старушка?

– Уникум, – говорю, – пирожки вообще объеденье.

– Что верно, то верно! Этого у неё не отнять! И молитвенница!

***

Если отец Виталий был на виду, брат его отец Арсений в тени держался. Служил в храме в свою седмицу, но чаще на коровнике смирялся. Работа ломовая. Жилы на руках, как канаты. А сам по себе непритязательный и добрый. Заправляли на коровнике две монахини. Вот уж гром женщины. Все их боялись, даже отец Виталий старался не связываться. Им слово, они сто на тебя. Отца Иону, когда ещё в послушниках ходил, помоями облили, рассказывал, стал перечить коровницам, ну и получил из ведра. Одна мыла подойник, батюшка заспорился с ней. Недолго думая окатила с ног до головы, чтобы в следующий раз при себе держал особое мнение на предмет правильных порядков на коровнике. Смиряли всех. Ничего не стоило пожаловаться митрополиту Сергию, матушки ему молоко носили, ну и докладывали, если что не так в мычащей епархии.

Кстати, с владыкой я однажды столкнулся у святого источника. Он шёл с каким-то важным человеком. А я вырुливаю в застиранном рваном подряснике... В монастыре в свободном доступе были подрясники для использования в качестве рабочих халатов. Я вырядился в подрясник последней ветхости и везу на тележке в трапезную картошку. Владыка меня подзывает... Над источником купол, его изнутри покрасили... По задумкам маляра был изображён небесный цвет,

на самом деле небесным и не пахло. Что-то зелено-жёлтое. Митрополит подзывает меня:

– Ну-ка посмотри, что-то мне цвет не глянется.

– Да, владыка, – говорю, – намешали какой-то бодяги.

– Я тоже чувствую – не то.

И говорит спутнику:

– Вот, видите, трудник тоже не согласен.

Шла подготовка к 1000-летию Крещения Руси. Монастырь ожидал много гостей. Не исключено, как раз спутник владыки приложил руку к покраске купола. Я его, получается, подставил, сам того не ведая. Владыка откровенно спросил, я честно ответил.

Возвращаясь к матушкам-коровницам надо сказать, работали с утра до вечера не за страх, а за совесть. Послушание – не позавидуешь. Кроме коровника ещё и свинарником командовали. Монахам мясо не положено в рационе, поросят для семинаристов откармливали. На коровнике да свинарнике матушки закалили железный характер. Железобетонный.

Я жил рядом с коровником. Бывало, ночью попадал под раздачу: то корова телится, то ещё какая загогулина. Только прилёт, тарабанят в раму, да так, что того и гляди – все стёкла полетят по закоулочкам: «Вставай, бисова семья! Коривка мукает, порося хрюкает, вин лэжит!» У матушек неподалёку, тут же на территории монастыря, стоял домик, огороженный отдельным забором, к домику вёл от коровника проулочек. Всё под охраной злющих собак – никто свободно не мог

пройти ни к матушкам в келью, ни на коровник. Меня, отца Арсения, отца Иону, отца эконома собаки хорошо знали, проблем не возникало. Хотя однажды я забылся... Был такой Рекс, самый злющий пёс, я с ним отлично ладил – запросто его гладил, ещё кусочек какой-нибудь дам в знак дружбы. Но не вздумай приближаться к нему, если кость грызёт. Я в тот вечер забылся, подхожу, Рекс меня хватъ. Дружба дружбой, но косточки врозь... Посчитал, претендую на его лакомство. Кость бросил и в первое, что было ближе всего, вонзил клыки. Страшно повезло, прокусил туфлю в миллиметре от пальцев. Летние лёгкие туфли, как сейчас помню, чешские фирмы «Цебо», поизносились уже, вид не парадный имели, только на коровник ходить. Рекс клыками прошил верх и подошву, рычит, тащит на себя. Я на задницу упал, пытаюсь вырваться... Руками в землю упираюсь. Боюсь, подтянет меня и цапнет за живое – отчекрыжит полступни. Зубы такие, свиные косточки, как сушки хрумкают. И туфлю, как ни силюсь, не могу сбросить – Рекс в землю ногами упирается и со страшной силой тянет на себя. Кое-как удалось мне исхитриться, при помощи другой ноги, освободился от туфли. Отпрыгнул и бежать. Рекс туфлю в будку затащил. На следующий день как ни в чём не бывало, завидев меня, завилял хвостом. А туфля у будки валяется, в мочалку её превратил, так был зол – на его кость позарились.

Основная братия вообще о монастырском коровнике имели туманное представление. Тем более прекрасно знали про

охрану – не собаки, а смерть. Если возникала срочная необходимость, допустим, отца Арсения искали, на забор, отделяющий коровник, залазили и кричали оттуда.

Сколько раз, особенно по первости, монахини жаловались на меня. Могли настоятелю настучать, а то и митрополиту – трудник ведёт себя не должным образом, дерзит, норовит по-своему делать. Отец Виталий придёт на коровник и ну отчитывать: «Шо ж ты зробыл окаянный, как тебе не стыдно?» Я начну каяться: «Виноват, батько, всё исправим!» Пошумит-пошумит, увидит, монахини отошли, не слышат, сменит тон: «Не журысь, Виталий, опять наговорили владыке. На, поешь». Сунет пару пирожков или горсть конфет. Владыка Сергей поручил ему отреагировать на жалобу коровниц, он, выполняя наказ митрополита, демонстративно отчитал меня.

И отец Арсений меня подкармливал. Подоит коров, баночку молока оставит, причём, с учётом острых языков коровниц. Им всё равно – архимандрит или кто. Ничего не стоило сказать, что отец Арсений монастырское молоко разбазаривает почём зря, тогда как каждый литр на учёте. Он баночку накроет от бдительных глаз, а мне тихонько скажет: «Попей, брат, парного, под скуфьёй оставил». Или грушу принесёт в качестве угощения, гроздь винограда зимой, а то из одежды что-нибудь: «На, пригодится».

Отец Арсений в своё время спас батюшку Иону. Его сразу не приняли трудником в монастырь, жил в пещере, выры-

той в обрывистом берегу. Её можно было увидеть со стороны моря: высоченный яр, в нём пещера. А под стеной монастыря со стороны коровника были заросли грецких орехов с густыми кронами, Паломники из сёл располагались под ними на ночлег, а утром шли на раннюю службу. Отец Иона больным пришёл под стену. Спал, подложив под себя фуфайку. И занемог так, что температура под сорок, всего лихорадит, ослаб... Отец Арсений увидел его и на свой страх и риск взял доходягу на коровник. Того уже ноги не держали, на себе дотащил, уложил в ясли на сено. Отпаивал парным молоком и молился за здоровье раба Божия Владимира, батюшка при рождении Владимиром был крещён. Отмолил его отец Арсений. Батюшка пошёл на поправку, начал крепнуть, фигуристость появилась. Хотел остаться в монастыре, но его не взяли. В шестидесятые хрущёвские годы был строжайший запрет властей брать в монастырь трудников и послушников... Батюшка лишь в 1971 году попал в обитель...

***

Монастырь – незабываемо счастливый отрезок жизни. Не знаю, дала бы столько семинария. У семинариста другой статус. Учёба отгородила бы от батюшки Ионы, остальной братии, с кем был рядом в повседневной работе, в церкви... Первое время думал, ну ещё месяц побуду, да поеду в Омск. Месяц пролетит, а уезжать не хочется. Потом назначил срок до весны. Наступила весна, продлил до осени, руководствуясь мыслью: разве плохо лето провести у моря... Жизнь оби-

тели незаметно захватила, вовлекла в свой ритм. Это как в семье, ты становишься частью родного коллектива...

В два года столько хорошего вместилось, а сколько светлых людей узнал... В семинарии несла послушания Анна Храмцова. В монашестве матушка Мариам, насколько помню. Почему-то не отложилось доподлинно в памяти. Моя землячка, родом с Урала, а после войны осела в Одессе. По-матерински ко мне относилась. Дня через два, как познакомились, подзывает и дарит сорочку с длинными рукавами. Красивую и модную. Я опешил:

– Зачем, не надо! У меня есть!

– Бери, бери, – настояла, – ты молодой, должен красиво одеваться.

Ещё раза три-четыре дарила отличные сорочки. Собираюсь на Одесскую киностудию, обязательно одевал какую-нибудь из её подаренных. Жила матушка Мариам в городе. Неоднократно ездил к ней в гости. Старался чем-нибудь помочь по дому – прибить полочку, розетку поставить новую, прокладку в кране поменять. Несколько лет переписывались с ней, как вернулся в Омск. Рассказывала монастырские новости, я описывал свою жизнь. Наставляла: «Виталья, что бы ни было, от Бога не отходи, от церкви не отдаляйся!» Радовалась, что на клиросе пою: «Как можешь, славь Бога!» Её слова воспринимались материнским наказом.

В монастыре был монах Лаврентий. Рослый, красивый парень. Семинарию окончил. Артистически красивый, Бог

наделил и лицом, и статью. Девчонки табунами бегали. Да назойливые, приставучие. Сказано – одесситки. Оторви да брось девки. А он скромняга. У матушки от бесстыдниц прятался. В буквальном смысле скрывался, был в ту пору ещё послушником. Не давали прохода, как бесы неотступно кружили около него, на всё были согласны, только бы в монастырь не пустить. Предлагали себя в качестве матушек, дескать, не ходи в монахи, что ты себя заживо хоронишь? Лучше давай на крайний случай в белые священники! А то бросай к едрене фене монастырь... Искушали со страшной силой. И девки-то одна другой краше. Одесские штучки. Особенно активизировались перед постригом, почувствовали, ускользает парень из рук. Готовы были выкрасть. Матушка Мариам одну такую привязчивую отогнала и говорит: «Виктор, поехали ко мне! Не дадут хабалки покоя! А у меня не достанут!» Прятался у неё до самого пострига. Так ведь и там нашли. Матушка Мариам жила на первом этаже, приехали под вечер и давай в окна стучать. Матушки не было. Виктор, как подпольщик, забился в дальний угол и сидел, не дыша.

Я был на его постриге. Потом под впечатлением ходил. Только что был Виктором, и вот – Лаврентий. Тот же человек, и другой... Во всяком случае в моём восприятии. Что-то поменялось на мистической уровне... Возможно, не присутствуй на постриге, не было бы такого впечатления... Вместе с Лаврентием были пострижены в монахи Зосима и Савватий. Савватий никак не мог смириться, что имя Зосима

не ему дали. Как ребёнок обижался. Очень хотел быть Зосимой. Крепкий из себя мужчина, нёс послушание кузнеца. Трудяга редкостный... За любую работу брался. Свидетелем был, ему поручили сделать слив из алтаря Свято-Успенского собора. Начал рыть траншею и вышел на глыбу бетона, как уж и когда оказалась под землёй... Можно было обойти, я бы никогда не стал долбить напрямую. Он не свернул, продолбил.

Матушка Мариам рубахи мне даже в Омск присылала. Семинаристы после выпуска уедут, бросят, ничего им уже не надо, она стирает, выгладит. Одни рубахи сам носил, другие раздавал знакомым. Молодость матушки совпала с войной, сполна хлебнула фронтовых скорбей, а воевала в морском десанте. Два боевых ордена у неё, медали. После войны потянулась к Богу. Смерть родных, смерть боевых товарищей заставили на многое посмотреть по-новому. Начала ходить в церковь. И не от случая к случаю... Однажды вызвали на дисциплинарную комиссию, насколько помню, при горисполкоме. Пришла бумага из соответствующих органов – провести с несознательной гражданкой разъяснительную работу. Случилось это, когда Хрущёв грозился искоренить церковь до последнего попа, а того показывать по телевизору, как музейный образец былой дремучести. Председательствовал в комиссии генерал. Он припозднился, без него поставили Анну Храмцову на лобное место и начали прорабатывать. Набросились ретивые борцы за нравственный об-

лик строителя коммунизма. «Как вам, советскому человеку, не стыдно, – встал один, – государство щедро наградило вас орденами и медалями, а вы по церквям да монастырям, как насквозь тёмная бабка! Позор!» Первый не успел договорить, второй поспешно перебил, боясь, загодя заготовленное раньше него скажут: «Порочите честь защитника Родины и Отечества!» Тут же третий впрягся в обличительно-разоблачительную упряжку, тоже не терпелось внести свою лепту: «Какой вы подаёте пример подрастающему поколению?! Какой?! Вы что не можете другую себе работу найти, в семинарии за попами полы моете!»

Матушку подмывало возразить: не с барского плеча давали ей ордена и медали, кровью заслужила! Да прекрасно знала: ничего не докажешь пустозвонам. Настроилась держать себя в руках. Избрала смиренный стиль поведения – не ввязываться, терпеть словоблудие. Решила, если только Бога хулить станут, тогда перейдёт в наступление, даст отпор, мало не покажется, а так пусть себе резвятся. Ведь сами не ведают, что творят.

И тут заходит генерал. Извинился за опоздание, бросил взгляд на объект суда и вдруг возгласом: «Аннушка, ты ли это!» – пошёл раскинув руки для объятий, на пропесочиваемую. Сгрёб в охапку, на глазах изумлённых членов комиссии расцеловал. Комиссия только лишь распалила себя в праведном гневе, вошла в азарт врезать отсталому элементу по первое число, чтобы раз и навсегда запомнил: никто не будет

терпеть церковных закидонов, никто на самотёк не пустит вопрос мракобесия! И вот тебе, на тебе – председатель комиссии бросился целоваться с «тёмной и отсталой»... Да раз её поцеловал, да второй, да третий...

А всё почему? «Отсталая» жизнь спасла генералу. В войну погон генеральских он не носил, а воевал храбро, в одном из боёв тяжело ранило, матушка вынесла его на себе и не успокоилась, пока не сделали в госпитале операцию. После войны потеряли друг друга. Ветераны на День Победы в ту пору не собирались, да и праздника как такого до 1965 года не было. Генерал думал, Аннушка-спасительница погибла. И вот встреча. Председатель комиссии тут же закрыл заседание, саму комиссию в решительной форме выпроводил за дверь. А затем достал из сейфа коньяк...

Отметили однополчане встречу, по-фронтовому выпили за Победу, помянули погибших товарищей.

«После этого, – рассказывала матушка, – меня больше никто не трогал и морали не читал».

***

Замечательные люди подвизались в монастыре. Отец Ефимий отвечал за виноград и вино. Старенький, борода белая до последнего волоска, молдаванин. Что бы я не накосячил, никогда голоса не повысит. По жизни я много раз сталкивался с молдаванами, в армии, на реке, в монастыре – никогда проблем с ними не было. Всегда ладил. Народ спокойный, бесхитростный. В Молдавии, где много солнца,

винограда, и люди солнечные. Труженики, и вера в Бога у них твёрдая. Был в монастыре игумен Серафим, регент, тоже молдаванин. Кто бы ни пришёл в хор – семинарист ли захочет петь, монах, трудник, послушник – всех брал. Ему не важно, хороший у тебя голос или совсем слабенький, хочешь петь – вставай. Но если кто-то начинал гнуть из себя: я – Робертино Лоретти, а неумехи мне мешают, – мог запросто выгнать: раз мешают – иди отсюда. Клирос был основным послушанием лишь у двух отцов – Варахиила и Митрофана, у одного тенор, у второго баритон, – остальные клирошане ходили по собственному желанию, и никому отец Серафим не сказал: ты нам не подходишь. Сам был в церковном пении профессор, окончил духовную семинарию. Невысокого роста, крепкий телом, светлый душой. Когда начались шатания, развал Союза, делёж на национальные квартиры, игумен Серафим покинул монастырь и уехал в Кишинёв.

Его земляк отец Ефимий, главный винодел монастыря, часто призывал меня в помощники. Одна из причин – я никогда не просил вина. Это отец Ефимию нравилось. Другого позовёшь, говорил, а у него все мысли на одно заточены, когда будет выпивка. Зачем искушать слабого человека. У отца Ефимия виноград собирал, давил его, бетонные столбики на винограднике ставил... А в самый первый раз помогал бочки ремонтировать. Поработали до обеда, доньшко у двух бочек заменили, несколько клёпок новых поставили. Плотно потрудились.

Отец Ефимий деловым тоном бросил:

– Брат Виталий, прежде чем на трапезу идти, надо молотки смазать.

Надо так надо. Молотки разнокалиберные: лёгкие, тяжёлые, головки разной формы – круглые, квадратные, прямоугольные... И все медные... Собрал вместе, штук восемь получилось. Отец Ефимий направился в подвал, я за ним с охапкой молотков. На улице жара, в подвале благодать – прохлада. Два ряда бочек друг над другом. Батюшка подходит к одной подставляет кружку объёмом стакана на два, наполняет, ко мне поворачивается:

– Виталий, ты шо? Да брось ты молотки, зачем притащил? На, выпей! Смажь молотки!

Над винным подвалом был небольшой цех отца Ефимия, в нём ставил агрегат для отжима винограда. Не единожды довелось вращать его ручки с семинаристами. По сторонам в цехе располагались комнатухи, в них отец Ефимий чаем поил, вином угощал земляков-паломников из Молдавии. Среди семинаристов немало училось молдаван. Я иногда просто так заглядывал к нему, угощал вином или чаем, беседовали. О Сибири расспрашивал.

А ещё отец Ефимий был кровельщиком. Однажды вместе с ним крышу семинарскую ремонтировали. Это накануне 1000-летия крещения Руси. В тот период высотные работы для меня шли одна за другой. На главных монастырских воротах двенадцать больших икон установлены, отец

эконом поручил к празднику обновить: раз ты художник – давай. В помощники выделил семинаристов, вместе красили, подрисовывали. Затем пришла в монастырь бригада специалистов по золочению куполов. Им потребовался специалист «подай-принеси», но выставили жёсткое требование – непременно лёгкий и подвижный, чтобы на самый верх по лесам лазить. Во мне тогда и семидесяти килограммов не было. Довелось и у куполов соборов монастыря побывать, полюбоваться красавицей Одессой с птичьего полета. В одну сторону глянешь – море до края неба волнами ходит, в другую – расчерченный улицами город в зелени утопает...

Вечером говорю батюшке Иону:

– Сверху смотришь на мир, вот бы птицей полететь – райская красота. Но человек не может не нагадить в ней.

Батюшка улыбнулся:

– Не будет, Виталий, рая на земле, не будет. Ни у коммунистов, ни у капиталистов. Все жадные, алчные, всем деньги подавай, или за мячом футбольным бегать будут. А Бога им не надо...

Он это не один раз повторял:

– Рая на земле не будет!

– Для меня монастырь, как рай, – скажу.

– Трудись и молись, – покивает головой, – только так можно спастись. Но молитва первым делом.

Учил простоте, учил быть не стяжательным, не гоняться – вкуснее поесть да помягче поспать. Не возноситься: я хо-

роший-расхороший. Ходить в храм, исповедоваться, причащаться, Родину любить, почитать великих полководцев Суворова, Макарова, Ушакова, Нахимова.

Был монархистом. Ещё разговора, даже в церковной среде не было о прославлении царской семьи, почитании царских мучеников. В меня тогда было вбито: царь – отжившая форма власти. Батюшка говорил: царь – помазанник Божий, всегда за народ, свою страну, ему бежать некуда, а эти меняются один за другим: сегодня один красуется, завтра, ещё хуже придёт. Я с недоверием слушал, думал, что он такое несёт? Слава Богу, хватало ума не лезть в спор. Не рвать рубаху на груди, как же так: царь – и вдруг хорошо, да уже царей в цивилизованных странах не осталось.

Батюшка часто повторял о духовном возрастании православного человека. Сам постоянно читал духовную литературу и призывал к этому. Часто вручит книгу: на, почитай, расскажешь потом. Учил радоваться тому, что Господь каждый день жизни даёт. «Виталий, – скажет, – не пугайся ничего. Надо копать землю – копай и не сетуй на судьбу. Господь посчитает нужным – экскаватор на помощь пришлёт. Заставляет жизнь идти дворником – иди, а завтра, если достоин, Господь поставит начальником ЖЭКа. Господь, если обращаешься к нему, не оставит без внимания, не оставит без еды, без помощи! Будь всегда с Господом!»

Рядом с ним в монастыре было легко. Молился за меня. Сегодня я это хорошо понимаю. Старался следовать его на-

ставлениям. Какое бы ни дали послушание – не крутил носом. Надо – на лошади поеду, надо – на машине грузчиком. Читать пошлют – читаю. Не рвался в алтарники, поближе к архимандритам, наместнику, митрополиту. Считал себя недостойным. Вообще редко-редко в алтарь заходил. Только лишь, когда скажут ковры вынести или занести, что-то подобное сделать.

Уроки батюшки Ионы не все открылись сразу, но запомнил на всю жизнь, по сей день помогают. Батюшка часто ставил в пример преподобного Кукшу, тогда ещё не прославленного в святых. Говорил: надо быть как Кукша, столько скорбей выпало на его долю, всё вытерпел, всё прошёл, Богу не изменил, и в общении с людьми всегда был простым, сердечным. Народ любил его, шёл к нему. С преподобным Кукшей батюшка встречался, от него получил благословением на монашество.

***

Не могу не упомянуть ещё об одной колоритной личности монастыря – архидиаcone Пимене. Перевели его в Одессу из Почаевской лавры, понятно – не в качестве поощрения, как раз наоборот – за какую-то провинность. Заметная внешность – рыжие волосы, из себя представительный, каким и должен быть архидиакон. Густой баритональный бас. Энергичный, подвижный. Иду с коровника, он навстречу бежит: – Брат, – голосом, каким кличут на пожар, блажит, – трэба взять драбуну и поднять шпакивню!

И срывается с места в карьер, я следом за ним. Не знаю, что за зверь «драбына» и с чем едят «шпакивню», но бегу.

Отец Пимен несётся со всех ног, еле поспеваю. Подбегаем к здоровенной лестнице, хватаем её. Архидиакон за один конец, я за другой. Он впереди, я сзади. Летим, вот-вот от земли оторвёмся. Его пожарное нетерпение передаётся мне посредством вибрирующей лестницы. На бегу перевариваю услышанное, рисую жуткую картину падения неведомой «шпакивни» на умопомрачительную глубину. Делаю предположение: нам предстоит лезть едва не в преисподнюю за ней. Хорошо, если не тяжелая сама по себе, управиться вдвоём, а если нет... Лестница длиннющая, меня мотает из стороны в сторону, заносит на поворотах. У отца Пимнена все мысли о трагедии со «шпакивней», посему не ввёл в полётное задание поправочный коэффициент на габариты доставляемого к цели груза – лестницы – и наличие свёртков на маршруте. Приходилось время от времени притормаживать галопирующего архидиакона, дабы вписаться в очередной поворот и не очутиться в кустах. Несмотря на бешеную скачку, голова моя не утратила мыслительной функции, сделала умозаключение, что «драбына» – это есть тот самый предмет, с которым летим по аллеям монастыря, остаётся развеять туман в отношении провалившейся в тартарары «шпакивни».

Подбегаем к высоченному ореху, отец Пимен приставляет «драбыну» к стволу, быстро взбирается по ней...

Я-то думал, неведомая «шпакивня» в результате ЧП оказалась значительно ниже уровня поверхности земли, на самом деле – высоко над ней, но в положении «или-или», в любой момент может сорваться и удариться оземь...

«Шпакивня» – ни что иное как скворечник. Он висел на честном слове. Это трагическое обстоятельство и привело к переполоху, который отец Пимен устроил в монастыре... Таща «драбыну» мы пол обители распугали.

Так что мы с отцом Пименом и благородное дело совершили – спасли скворчат от падения вместе со «шпакивней», а ещё я обогатил словарный запас двумя украинскими словами, которые вписались в меня намертво.

Отец Пимен был знаменит тем, что имел феноменальную память: все службы знал наизусть. Псалтирь с любого места мог читать. По его разумению Псалтирь каждый монах должен знать наизусть.

Любую службу вёл, не заглядывая ни в какие требники, служебники. Больше такого феномена я за двадцать пять лет службы в церкви ни разу не встречал.

***

Старец Михей, как и отец Пимен, переводом попал в Одессу. Был самым возрастным насельником монастыря, шутка ли – сто два года человеку. Родился ещё в XIX веке в царствование Александра III, современник Толстого, Чехова, патриарха Тихона... Ходил с большим трудом, его или паломницы водили под руки, или послушник. Раза два меня

просил помочь. В хрущёвские времена его выслали в Одессу из Троице-Сергиевой лавры. Обладал редким даром – отчитывал бесноватых. Это раздражало власть предрежащих, посему отправили монаха подальше от Москвы. Занимался отчиткой в Одессе или нет – не знаю, не скажу...

При мне точно нет, совсем старенький был. Чудил, время от времени в трапезной мог взорваться ни с того ни с сего:

– Вы хотите келью мою забрать? Ждёте не дождётесь, когда умру!

Его убеждают: нет-нет, ничего подобного! Он не верит:

– Ждёте-ждёте, я знаю.

По этим истеричным выпадам, я считал, выживает человек из ума, оно и понятно – столько лет, вполне объяснимо... Оказывается, ничего подобного. Ум был вполне. Однажды батюшка Михей несказанно удивил меня. Было это перед Успением Божьей Матери, отец экононом отправил меня на просфорню. Успение Богородицы – престольный праздник обители, тысячи паломников стекается в монастырь, просфор понадобится как никогда много, посему на просфорне аврал. Постоянное послушание по выпечке просфор нёс отец Аркадий, не простой монах – духовную академию окончил. Человек добрый, красивый, но исповедь, надо сказать, жёстко вёл. Было дело, я проштрафился, он мне за это триста поклонов назначил. Я по простоте душевной рассчитывал: отец Аркадий сам по себе мягкий – покаюсь ему и дело с концом, пронесёт. Ничего подобного, по-

лучил по полной. Жёсткий отец Аркадий в этом плане оказался. Грешным делом после той исповеди стал остерегаться его. В первый раз ринулся к нему, думал, человек добрый, к тому же очередь к нему коротенькая. И получил епитимию. А так по жизни ко мне хорошо относился. При встрече останавливал, проявлял неподдельный интерес, расспрашивал о моих планах, о храмах Омска. Интеллигентный человек. Но не мягкотелый. Не случайно его в девяностые годы поставили наместником Одесского Свято-Пантелимоновского монастыря, что рядом с железнодорожным вокзалом. Основан был в XIX веке греческими монахами с Афона. Когда-то в нём была Одесская семинария, но в 1961 году в хрущёвские гонения, монастырь закрыли, а семинарию перевели в Свято-Успенский монастырь. Отец Аркадий возрождал обитель.

Кроме него на профсорне подвизался отец Тит, мой земляк-сибиряк. Он в семинарии преподавал, но летом нёс послушание на просфорне. Тит родом из Красноярска. Немногословный, основательный, будто рождён для монашеской жизни. Я по натуре общительный, работали с ним на винограднике, начал расспрашивать его, откуда приехал, чем по жизни занимался? Он коротко, в двух словах сказал о себе, потом бросил:

– Прости, брат, прости, давай лучше помолимся.

Мне показалось, что-то трагическое у него в жизни произошло. Молодой, моложе меня лет на пять, и ревностный в вере. Не бука, всегда приветливо здоровался, читалось по

лицу – искренне рад тебе. Уже после меня он стал архимандритом.

А тогда перед Успением Божьей Матери меня и ещё двух братьев бросили на подмогу отцу Титу и отцу Аркадию. Просфрня особое место в монастыре, это и понятно – богослужебный хлеб выпекается, всего два раза удосуужился я поработать там. В тот раз прихожу и, Бог ты мой – старец Михей. Причём, не дореволюционную молодость вспомнить пришёл, не в сторонке безучастно наблюдает, как братья просфоры выпекают, нет, он в свои сто два года рулит процессом – вся просфорня под ним ходит. Отцов просфорников гоняет как мальчишек. Сам помолодел, преобразился, прилив сил у него. Заставил нас, вновь прибывших, первым делом ногти остричь, дал ножницы и выгнал на улицу: быстро привести себя в порядок! Вернулись – проверил каждый палец, после чего скомандовал тщательно вымыть руки с мылом. Только что артериальное давление не отправил измерять. По его команде молитву прочитали и принялись за Богоугодное дело.

***

Всегда с радостью и благодарностью вспоминаю отца Геннадия. Держался в монастыре отшельником и молчальником. Своего рода юродство. Ходил в выдавшем виде замызганном подряснике. Вместе с братией никогда не трапезничал. Он нёс послушание – содержать водопровод и канализацию в должном порядке. Посему считал, ни к чему распро-

странять в трапезной запахи своего далёкого от тонких благоуханий хозяйства. На службу ходил чин чинарём, вымоется (баней сам заведовал), облачится в рясу... У него был друг отец Тихон, такой же старенький, они частенько пикировались. Отец Тихон увидит отца Геннадия в рясе, обязательно начнёт подначивать: «О, вырядился сантехник! А вдруг канализация прорвёт! И что тогда?» Они были полной противоположностью друг друга: отец Тихон говорун, балагур, увидит тебя и ну что-то живо рассказывать, всегда у него были в загашнике новости, истории. Вдвоём с отцом Геннадием они топили монастырскую баню, а перед этим пилили дрова на циркулярке. Иногда вызывался помогать им. Кино было наблюдать за этой парой. Отец Тихон говорит-говорит, задаёт вопросы отцу Геннадию, сам на них отвечает, его собеседник лишь кивает головой, редко-редко удосужится уронить скупое слово. Оно и не надо отцу Тихону, его монолог без того не оскудевает.

Отца Геннадия с ранней весны, как тепло устоится, до холодов чаще можно было застать в его традиционной позе – сидящим на доске... Доска лежала прямо на земле: толстая (пятидесятка), широкая, длинная. Ноги вытянет вдоль неё, голову на грудь уронит... Сидел и дремал у стенки рядом с входом в подвал, в его мастерскую. Чего только в ней не было – верстак с тисками, газовые ключи разных номеров, самый разный инструмент ждал своего часа... Тут же склад с задвижками, заглушками, вентилями, кранами, проклад-

ками, патрубками, паклей... Ночью молился отец Геннадий, а днём вот так, сидя в теньке, добирал сон. Батюшка Иона, бывало, также. К примеру, давим виноград, порцию сделали, ждём, пока отец Ефимий заливает сок в баки из нержавеющейки. В это короткое время отец Иона дремлет. Голову на грудь уронит, рука повиснет, или обопрётся о руку... Ночью молился, а днём в перерывах, если была возможность, досыпал. Часто повторял: труд и молитва – вот наши два крыла. Вечером придёшь к нему, он свечи отливает. Было у него маленькое устройство, ниточки-фитильки натягивает, воском заливает, меня при этом просил почитать из святых отцов. Научил читать по-церковнославянски. Подарил молитвослов Киево-Печерской лавры, давних времён издания, в кожаном переплёте. Подписал «На молитвенную память Виталию». Храню. Церковных книг тогда днём с огнём нельзя было купить, но ему паломники частенько приносили, дарили. Он мог тут же тебе отдать: на! Да и любую вещь в келье. Любил подарки делать.

Отца Геннадия особо уважал. И всегда спешил к нему на помощь (меня прихватывая), если у того форс-мажор – трубу прорвёт или какая другая неполадка. Тут уж дрёма с отца Геннадия слетала, как и не было, бежал к нам: выручайте, братья! И тогда лезем в колодец или подвал... Отец Геннадий указывает, что делать, какой вентиль крутить, где хомут ставить. У него сил уже не хватало. Или канализация выйдёт из строя, забьётся. Шуруем проволокой, устраняя затор,

возвращаем в штатное состояние столь важную для жизнедеятельности монастыря коммуникацию. Сделаем, выберемся на свет Божий с головы до ног неизвестно в чём... Идёшь мыться и думаешь, чтоб я ещё хоть раз вот так согласился...

Отец Геннадий говорили о себе: я – человек грешный, окаянный, недостойный. Но этот вечно дремлющий дедок был редким молитвенником. Я удивился, когда архимандрит отец Арсений, окончивший кроме семинарии ещё и духовную академию, будущий духовник Свято-Успенской обители, на мою жалобу о личных нестроениях сказал:

– Ты попроси отца Геннадия помолиться, и всё наладится. Думаю: да не может быть. Но ведь наладилось.

Уверен, в том числе по его молитвам я священником стал. Пусть не сразу, но стал. Когда второй раз собрался в семинарию поступать, молился на могиле Кукши, просил старца, тогда ещё не святого, посодействовать. А также просил молитв отца Геннадия. Помню, от ректора семинарии плетусь горем убитый, тот сказал окончательное «нет», поставил шлагбаум моему обучению, иду мимо отца Геннадия, он по своему обыкновению сидел на доске.

– Что опять не получилось? – спросил.

Начал ему жаловаться:

– Отец Александр сказал, что нельзя мне.

– Бог даст, – перебил моё нытьё отец Геннадий, – будешь священником. Обязательно будешь!

И заулыбался своей неповторимо сердечной улыбкой.

Мне так захотелось обнять его, до того родной человек...

Был свидетелем, из Киева приехали высокие гости из духовенства (летом в монастырь частенько приезжали серьёзные люди отдохнуть у моря), слышу, один заезжий архимандрит сетует эконому отцу Виталию, мол, так и так, бьюсь-бьюсь, а хоть ты волком вой, ничего не выходит.

– Попроси молитв отца Геннадия, – посоветовал отец эконом.

Отец Геннадий по жизни почти не разговаривал, кивнёт на твою просьбу. Или засмеётся (смех был рассыпчатый), рукой махнёт, вот и весь разговор. Постороннему могло показаться, у человека проблемы с речью. Ко мне как к внуку относился. И я к нему, как к дедушке. Не понимал тогда, не хватало ума, что это не просто водопроводчик и хороший человек, это старец. Однажды захотелось арбуза. Иду на трапезу, отец Геннадий в своей дремлющей позе на доске расположился.

– Отец Геннадий, – спрашиваю, – не подскажите, где арбуз взять? Смерть как захотелось!

Он неопределённо сказал:

– Ты приходи, приходи.

Я и не понял, услышал, нет ли о чём я ему говорил.

На следующий день иду, он голову поднял, пальцем, ни слова не говоря, показал на лавку, рядом стоящую. Я наклонился, а под лавкой в картонной коробке арбуз. Я уже забыл о вчерашнем разговоре.

Поздней осенью помогал отцу Геннадию вентили в подвал затаскивать, ну и сказал между делом: холода наступают, скоро снег пойдёт, пора на другую форму одежды переходить. Он кивнул головой. Вечером меня подзывает, в мастерскую заводит, на верстаке большой узел лежит, ремнём перевязанный. Отец Геннадий показал на него, мол, бери. Разворачиваю – шапка, пальто, ботинки тёплые моего размера, полный комплект на зиму. И туфли, да такие – только в ресторан ходить.

Пальто у себя примерил, нормальное, сунул руку во внутренний карман, а там деньги. Рублей сто. Приличная сумма по тем временам. Билет на самолёт из Омска в Одессу рублей сорок стоил. У меня искушение – что делать? Идти с ними к отцу Геннадию, или специально положил? Боялся, обидеть отца Геннадия. Ну, а вдруг, просто-напросто забыл вытащить? Что обо мне подумает? Пока я раздумывал, у меня это пальто спёрли вместе с деньгами. Не спёрли, конечно. Кто-то из паломников, видимо, перепутал, одел и уехал.

Когда пальто «ушло», признался я отцу Геннадию, деньги лежали в кармане. Он мотнул головой: такая ерунда, что и обсуждать не стоит.

Я рот раскрыл от удивления:

– Ну как же!

– Не морочь мне голову этими деньгами! – замахал руками отец Геннадий и наладил в храм: – Иди уже, скоро служба начнётся!

Этим случаем вразумил: если старец дал – бери и пользуйся и не страдай ерундой. У старца ничего случайным не бывает.

При мне трудником пришёл в монастырь Валера. Отслужил армию, отдохнул, как мы после дембеля говорили, и отправился в обитель. Друзья-однополчане кто на завод, кто в институт, а он в монастырь. Под два метра ростом. Плечи, не обхватишь. Курчавые чёрные волосы. В подряснике ходил и в здоровенных, сорок шестого размера армейских сапогах. Добродушный, общительный, улыбчивый. От послушаний не бегал, ломал работу за троих. Но была проблема. На Успение Божьей Матери на трапезу вино подали. Валера на радостях, что Успенский пост закончился, решил взять повышенное послушание: за себя и за тех монахов (многие отцы проявили к вину полное равнодушие) отметить праздник. Крепко выпил. И понесло... Начал по монастырю шататься, благим матом орать, распугивая окружающих. Благочинный отец Павел, сам под стать Валере богатырь, быстро устранил возникший беспорядок, урезонил дебошира. Скрутили Валеру, полотенцами связали, бросили как тюк. Я думал, ну, завтра проспится Валера и ему достанется на орехи и остальные фрукты с овощами за нарушение устава монастыря. Обязательно будет разбор полётов, как это обычно в миру бывает. Того гляди, выставят парня за ворота обители, а жаль. На другой день Валера с утра впрягся в работу, под руководством келаря отца Никона возил на тележке продук-

ты со склада в трапезную. И тишина! Никаких разборок и вызовов на ковёр. Все сделали вид, что ничего не случилось. То есть, не осуждай брата своего, если он оступился, а молись за него.

Валера после инцидента обратился к отцу Геннадию, попросил у того молитв, чтобы избавиться от тяги к вину. Батюшка как всегда молча кивнул... Валера поступил в семинарию, окончил её, это мне матушка Мариам написала, его рукоположили в священники и отправили на приход.

***

Отец Макарий был искусным автомехаником. Ремонтировал любые марки машин. Нередко к нему со стороны пригоняли. При мне делал капремонт «Волге» профессора из Львова. Могли позвонить отцу эконому из колхоза с нижайшей просьбой – поставить «бобик» на ноги или грузовую реанимировать. Об отце Макарии знали далеко за пределами монастыря, слава шла по городу и области – есть в обители умелец, руки не просто из нужного места растут и голова светлая по железу, электрике и любой неполадке, он ремонт сделает во славу Божию. Последний критерий светские заказчики не понимали, просто знали, не за страх, а за совесть работает монах. Для меня отец Макарий – идеал труженика и порядочного человека. Всегда откликнется на твою просьбу. Я в Киев уезжал во Флоровский монастырь, пиджак понадобился. В то лето в монастырь приезжали преподаватели Киевского института культуры, познакомился с ними,

пригласили в институт. Как без пиджака в культурное заведение? Мы с отцом Макарием примерно одной комплекции. Посетовал ему на отсутствие необходимого наряда. Он пошёл в свою келью, открыл шкаф:

– Выбери, какой нравится, да хоть и все бери насовсем.

Два костюма, пару пиджаков висели. Я выбрал костюм тёмно-фиолетовый и пиджак в крупную клетку. Пиджак от костюма кому-то отдал потом, узковат в подмышках был, в клетчатом пиджаке долго ходил, и в Омск в нём уехал. Носким оказался.

Поначалу, когда я приехал в монастырь, отец Макарий был послушником, звали Михаилом. Потом постриг принял. Моего возраста. Историю его прихода в монастырь не знаю, практически не говорили на житейские темы, в работе не любил разговаривать о постороннем, но меня часто призывал в помощники. Были ребята не чета мне – доки в автомобилях, но те лезли с советами, как лучше ту или иную неисправность устранить. Всезнайки мастера раздражали. В отличие от них, я работал по принципу: скажет крутить – кручу, держать – держу. И дело не стоит. Понятие капремонта у него было такое, всё равно, чья машина – знаменитого профессора, из военной части или колхозная. Ремонт, значит ремонт. Двигатель ставим на кантователь, он его переберёт от и до... Что надо заменит. В монастыре всё заготавливалось впрок, в том числе имелся богатый склад запчастей. Кузов машины грунтуем, шпаклюем, красим, причём, если

мушка какая, волосинка попала – перекрашиваем. Должно быть без сучка и задоринки. Только высшее качество. Если надо укрепить раму (знал слабые места конструкции), жёсткости добавит. Или, наоборот, лишнее уберёт. Мыслил как конструктор. Где-то набивается грязь, поставит защиту.

Работал отец Макарий, не глядя на часы. Скажу:

– Не успеем к сроку, скоро должны приехать за машиной, а у нас ещё дел по горло.

– Ты, брат, главное не суетись, – бросит в ответ. – Случись авария по нашей вине, никто не спросит, сколько времени потратили на ремонт, долго возились или раз-раз и в дамки – забирайте машину. Каким словом нас помянут, произойди поломка в дороге? А если машина будет ходить исправно, за нас с тобой молиться будут.

Мелочей, которые можно оставить за бортом у него не было. К примеру, пыль под ковриками в кабине. По большому счёту – хозяин не переломится, сам вычистит. Нет, проведёт уборку и скажет:

– Хозяин может и не заметит, но Господь знает, где мы с тобой лень праздновали, спустя рукава сработали.

Страх Божий в нём был такой, что всё делал на совесть, на авось да небось не надеялся. Ремонтируем бортовой ЗИЛ. Перебрали двигатель, изношенные запчасти заменили, каждый болт смазали. Работает движок как часы. Задачу сделать капремонт двигателю выполнили на пять с плюсом. Он смотрит – в кузове одна доска с трещиной. Что тебе та доска? К

двигателю не имеет никакого отношения. Ну, трещина – не сломана ведь. Машина не один год с ней ходить может. Нет, он доску вынимает, новую выстругивает, красит, ставит.

– От Господа ничего не скроешь, – скажет.

Однажды пригнали ремонтировать «Альфа-ромео». Как сказал отцу эконому хозяин – второй подобной красоты нет в Одессе. Напомню, это были времена советские, иномарка на дороге – редкость. Из легковых машин господствовали на трассах «жигули», «москвичи», «запорожцы», «Волги», да ещё «Ока», про которую говорили: курица не птица, «Ока» – не автомобиль. Соответственно – никаких специализированных автосалонов для «немцев», «японцев», «итальянцев» не было в помине.

Когда пригнали «Альфа-ромео», весь монастырь ходил любоваться авто с летящими грациозными формами.

– Ты когда-нибудь имел опыт работы с такой цацей? – спрашиваю.

– Не приходилось, – без тени смущения отец Макарий ответил.

– И с какой стороны к ней подступать будешь?

– Разберёмся, люди ведь делали.

Смело принялся за ремонт. Если какой затык, открывает описание автомобиля, оно на английском, находит страницу с рисунком нужного агрегата, просит:

– Переведи, брат.

Я, конечно, в английском не дока, но читал со словарём,

термины все специфические. Он послушает немного, потом прервёт:

– Всё понятно, спасибо, дальше не надо.

***

Исповедовался я часто у архимандрита Алексия (Филозофа). Иногда у отца Арсения, но чаще – у Алексия. Он в пятидесятые годы исповедовал самого академика Филатова, был его духовником. До монастыря краем уха я слышал про знаменитого врача-офтальмолога, попадалась статья о его прогрессивных методах лечения глазных болезней. Что он был глубоко верующим человеком, знать не знал. Это тщательно замалчивалось в Советском Союзе. Филатов был прихожанином храма святых мучеников Андриана и Натальи, что на Французском бульваре. В этом храме служил сразу после окончания семинарии отец Алексей.

Говорю, был я совсем зелёный тогда – отца Алексия не воспринимал как высокой духовной жизни монаха. Не доходило, передо мной иерей, у которого исповедовался всемирно известный учёный. Филатова уважали в самых высоких кабинетах, вплоть до Кремля, а те, кто завидовал ему чёрной завистью, боялись строить козни ему, ведь самого вождя народов лечил от глаукомы. Кавалер четырёх орденов Ленина, Герой Социалистического Труда. Только, пожалуй, учёные-атомщики получали в то время столько наград. Светило медицины ходил к отцу Алексию на исповедь. До меня это слабо доходило, мог запросто подшутить над батюшкой. Он

адекватно воспринимал мой юмор. Бывало, бегу с коровника... Как работал с вилами да лопатой, так в грязной одежде (скотник, что тут скажешь) бегу. Отец Алексей стоит у церкви, волосы белые-белые, у отца Ионы чёрные с сединой, а у этого белые, завидит меня:

– Виталий, ну-ка пошли-пошли на исповедь.

Начну отказываться, я ведь не просто так бежал, может, в город торопился. Мне бы поскорее умыться, переодеться и выскочить на часик-другой на море или в кино. Коровник такое послушание, ты к нему как привязанный. Коровам всё равно – праздник, будни, они отгул не дадут, регулярно требуется кормить, доить, убирать за ними. Выдастся свободный часик, стараешься использовать с пользой – Одесса чудо, а не город. Попытаюсь открутиться:

– Батюшка, да я в грязном, только что от коров, как в храм в таком виде?

– Ничего, перед Богом все равны.

И куда тут денешься. Архимандрит зовёт. Поисповедуюсь, уходя, брякну:

– Батюшка, натащил вам запахов навоза, никаким ладаном не перешибёшь.

Улыбнётся:

– Навоз дело естественное, не какая-нибудь химия или радиация.

Не обижался на мои дурацкие шутки. Исповедовал долго. Получаса никогда не хватало. Расспрашивал о детстве,

учёбе в институте, службе в армии, в свою очередь про Филатова рассказывал. Филатов был близким другом архиепископа Одесского и Херсонского Никона (Петина), состоял в переписке с ещё одним великим врачом, архиепископом Лукой (Войно-Ясенецким), будущим святым. Бывало, стою под епитрахилью и грешным делом думаю: скорее бы ты, батюшка, закончил, мне бежать надо. В то же время неловко, ведь в грязном стою – как бы не замарать батюшку. Он не обращает внимания на неприглядный вид скотника. Скажет:

– Ты много трудишься, брат, это хорошо.

Я в долгу не останусь:

– Зато вы, батюшка, много молитесь.

Улыбнётся, дескать, молодец, ответ принят.

– Ты прав, – заметит, – надо трудиться и молиться.

И это были не досужие разговоры. Исподволь он наставлял меня.

– Кто-то храмы разрушал, – скажет, – а кто-то всю жизнь жертвовал на них, как это делал Филатов.

За разработку методов пересадки рогами и тканевой терапией Филатов в войну был удостоен Сталинской премии I степени. Ученый обратился на самый верх, к тому, чьё имя носила премия, с просьбой половину денег направить в детские дома, а другую – в Свято-Димитриевский храм, что стоит на Втором христианском кладбище в Одессе. Разрешение было дано. Филатов помог сохранить храм на Французском бульваре и кладбищенский Свято-Димитриевский. Если бы

не он, могли снести.

О Филатове отец Арсений рассказал следующую историю. Учась в Московском университете, будущий светило медицины увлёкся карточной игрой. И однажды выиграл у сокурсника крупную сумму денег, тот, желая отыгратья, поставил на кон свой дом и проиграл его. Дело было при царе. На следующий день сокурсник не пришёл на занятия. Филатов поначалу не придавал этому значения, а потом его начала мучать совесть. Вернувшись домой, взял выигранные деньги и пошёл к сокурснику. А в доме гроб с сокурсником – застрелился. С той поры Филатов зарёкся брать в руки карты.

Этот рассказ слышал потом и от батюшки Ионы.

Батюшка Иона исповедовал, как и отец Алексей, долго. Это был разговор о жизни, вере, человеческих немощах. Мог начать рассказывать о Суворове. Впервые к нему на исповедь попал, уже иереем, когда в девяностые годы приехал в Одессу. Ездил к родственникам в Харьков и заехал к батюшке. За то время, как мы не виделись, батюшка стал иеромонахом, потом игуменом. Суворова батюшка почитал за крепкую веру в Бога, считал святым, называл Русским архистратигом. В келье у батюшки стоял портрет великого полководца. Для него Суворов являл пример мирского человека, который не представлял жизни без молитвы, без церкви, без Святого причастия, всю свою жизнь строил с Богом. И солдат учил этому. Победы считал не собственной заслугой, а даром Божиим... При этом поражений не знал, шестьдесят

девять битв выиграл. Батюшка повторял: Суворов не дьявольскую гордыню тешил, направляя полки на неприятеля, как это делал Наполеон, он с Божьей помощью бился с врагами царя, Отчества и веры православной. «Преклоните колена, – обращался к солдатам перед сражением, – разогрейте душу к Богу, помолитесь Ему, и победа будет за нами».

– Суворов верил в чудотворную силу молитвы, – говорил отец Иона. – С Богом за синее море, а без Бога ни до порога!

Исповедовал меня в алтаре. Исповедь занимала не менее часа и проходила, как беседа, он рассказывал о себе, о своих грехах, вспоминал молодость, была она у него бурной, что-то спрашивал, и всем этим разговором подвигал тебя раскрыться, заглянуть глубже в себя. Мог заплакать. И понимаешь, плачет о тебе, о всех нас – живём не так, размениваемся на мелочи, суетимся, гоняемся за миражами, не делаем главного. Стоим в алтаре у жертвенника, накроет епитрахилью... Или я на коленях, он (ноги сильно болели) рядом на табуреточку присядет. Ощущение непередаваемое, будто паришь над землёй. Время остановилось, исчезло, его нет, другое измерение. Вот он храм, вечерняя служба или приготовление к ней, но это всё куда-то отодвигается, душа купается в любви, исходящей от батюшки. Тебе и стыдно за себя окаянного, в то же время легко, тяжесть уходит из сердца, батюшкина любовь окрыляет, обновляет. Он понимает тебя, просит Бога за тебя... Незабываемые минуты.

Отцы Арсений, Алексей, сами того не зная (и я не думал

тогда об этом), отец Иона научили меня исповедовать. Не копаться в мелочах, деталях... По интонации голоса понятно, что человеку стыдно даже название своего греха озвучить, он искренне волнуется под епитрахилью, раскаивается в содеянном... И наоборот, другой такое начинает рассказывать про себя – стыдно слушать, а по его голосу видно – никакого раскаянья в сердце. Батюшка Арсений повторял: «Я сам грешник и люблю грешников». Он и отец Иона могли говорить на исповеди больше, чем я, исповедующийся, и не укоряли, не грозили пальцем «ай-я-яй», вообще, казалось бы, о чём-то постороннем вели речь, да слушая их, понимал свою греховность, понимал, как я далёк от спасения...

***

В 2013 году в последний раз ездил к родственникам в Харькове. Батюшка Иона за год до этого почил. Я планировал съездить в Одессу в монастырь, поклониться могилке батюшки Ионы, да не сложилось. Думал, в следующий раз обязательно. А потом случился майдан, война на Донбассе. А тогда в 2013-м заговорил с женой дяди о батюшке Ионе. Она посетовала, у невестки проблема с чадородием, пять лет живёт в браке, а деток нет. Собиралась съездить в Одессу к батюшке Ионе, да прособиралась. Результат, говорят, всегда был положительный у таких женщин, когда обращались к старцу.

Я хорошо знал батюшку Иону в повседневной монастырской жизни, однако не предполагал того, что раскрылось в

нём несколькими годами позже. Жена дяди рассказала такую историю. У директора крупного завода... Не могу не вспомнить удивившие меня слова монахини Александры из киевского Свято-Вознесенского Флоровского монастыря о том, что были коммунисты, которые для простых людей становились отцами и братьями. Тот директор относился к таким советским руководителям – радел за завод, радел за заводчан. А дочь родную упустил – стала наркоманкой. Хорошая, добрая девушка попала в роковой капкан... Мать поехала к отцу Ионе за помощью. Очередь на несколько часов. Знала, можно задавать старцу один вопрос, и что скажет – неукоснительно выполнять, только тогда будет результат. Очередь подходит, до ушей доносятся слова батюшки. Мужчина задаёт вопрос по той же беде, что и у неё: сын – наркоман. Батюшка говорит: моли для него смерти, чтобы душу его спасти. Она испугалась услышать и в свой адрес подобное. Как так вымалывать смерть для единственной дочери?! Вышла из очереди, поехала на вокзал... Дочь умерла через два года. В Германии заразилась неизвестной болезнью, врачи не смогли поставить диагноз, вернулась домой и умерла. Её ребёнок дед с бабушкой усыновили и вырастили.

В мой период послушничества батюшка Иона время от времени выручал деньгами. В город соберусь, а в кармане пусто, попрошу займы пятёрку или десятку. Он, кстати, не пресекал мои походы в город, не требовал: в мир не ходи, сиди в монастыре, здесь твоё место. Нет. Ещё и пальто своё

даст, то самое, в котором я во Флоровский монастырь ездил. Модель, как уже говорил, не последнего крика моды, зато из отличного драпа, серое в мелкий рубчик, богато смотрелось. Выглядел я в нём колоритно. Оттого и попал на Одесскую киностудию. Волосы у меня, это сейчас сплошь седые, в то время волнистые, чёрной шапкой. Наверное, фотогенично смотрелся. Так-то я худой был, пальто добавляло недостающей импозантности. Иду мимо киностудии. Самый центр города, Французский бульвар, неподалёку от киностудии церковь святых мучеников Андриана и Натальи, в которой служил после окончания семинарии молодой отец Алексей и в которую ходил врач Филатов. Здание его клиники было тут же на бульваре... Иду прогулочным шагом, женщина останавливает:

– Молодой человек, мы снимаем кино, в массовой сцене нужен человек вашего типажа...

Пообещала три рубля за «типаж».

Ладно, думаю, почему не попробовать.

Так познакомился с режиссёром Валерием Федосовым. Через него с другим режиссёром – Кирой Муратовой. Тогда ей было чуть за пятьдесят. Одевалась нестандартно, с большим вкусом. Длинное в пол пальто, строгий, отлично сшитый костюм, яркая блузка. Интеллигентно и в то же время оригинально. Она и по характеру была такой. В её кабинете на киностудии много раз доводилось бывать. Пили кофе, она вспоминала Владимира Высоцкого, съёмки фильмов с

ним – «Опасные гастроли», «Короткие встречи». Со своей стороны расспрашивала о монастыре. Её и Федосова удивляло, что я, современный образованный человек, художник по второй профессии, по собственной воле оказался в обители, столько времени бок о бок с монахами живу, несу разные послушания, вплоть до коровника. С Муратовой говорили о вере, о Боге, об отцах монастыря, силе молитвы. Женщина умная, интересная, и, так мне показалось, очень одинокая. Сетовала, что её кино далеко не все зрители понимают, а радетели идеологической выдержанности критикуют, но снимать сугубо на потребу публике не её удел. Ей хотелось, чтобы зритель думал вместе с ней, говорить с ним не на уровне инстинктов, а на уровне души, чтобы его волновало то, что тревожит в жизни её. Не желала тратить себя на мыло, если уж снимать, то умное кино. Кстати она и после развала Союза старалась делать фильмы не на потребу...

Недавно умерла, молюсь за упокой её души...

Мы с ней какой-то период переписывались. Я даже было озадачился: вот бы помочь обрести своё женское счастье. Красивая, умная и одна... Наметил кандидатуру – знакомый художник, примерно её возраста, жена умерла, очень талантливый, интересный человек. Уже было решил – познакомлю, сведу, пусть съездит в Одессу, а там как Бог даст. Но потом передумал, художник был из выпивающих...

Мне Муратова говорила: «Может, попробоваться тебя по-настоящему, внешность вполне, ты внутренне не зажатый, долж-

но получить».

До кинопроб со мной руки у неё так и не дошли, а вот у Федосова дошли, он решил дать роль пусть не главную, но и не такую, когда секундно мелькнул в кадре и всё. Снимал он фильм «Утреннее шоссе». В главной роли Родион Нахапетов. Меня собирался пробовать на роль священника. Ты, мол, всё знаешь, касаемо этой сферы, не соврёшь... Дал сценарий. Мы когда познакомились с Федосовым, часа три проговорили. Ему было всё интересно: церковь, монастырь, монашеская жизнь. Дотошно расспрашивал. Тогда церковь в кино практически не показывали, ничего не снимали. Ему хотелось коснуться этой сферы. Дал сценарий. Я прочитал и накатал три листа критических замечаний. Даже не замечаний, раскритиковал в пух и прах. Сценарист ничего лучше не придумал, как главарём наркомафии сделать священника. Портовый город, из Средней Азии привозят наркотики и переправляют по морю дальше. Герой Нахапетова таксист. Как сейчас помню, Антоном звали. Его сменщика втянули в схему доставки «товара». Ездил за ним в горы. В один момент стал неуютным, с ним расправились – в шахту лифта столкнули. Понадобилась замена, предложили Антону, естественно, не посвятили, что будет использоваться в качестве транспортировщика наркоты.

Фильм не без элементов индийского кино. В город приезжает взрослая дочь Антона, которую он ни разу не видел. Она хочет на папу посмотреть, а папа начинает за ней недву-

смысленно ухаживать. Это ладно, по этому поводу замечания не делал, другое возмутило. Сценарист посчитал, он гениальный ход придумал: под крышей православного храма главный мафиози окопался и всем заправляет... Съёмки уже шли. Я познакомился с Нахапетовым. Мы даже с ним что-то наподобие стенгазеты вместе делали прямо на съёмочной площадке... Замечательный артист, хороший человек...

Это было накануне 1000-летия со дня Крещения Руси. Я написал своё мнение о сценарии, Федосову сказал: «Валера, ты русский человек, после такого фильма всю жизнь будешь каяться. Всем нам придётся отвечать перед Богом. Без тебя хватает тех, кто мажет грязью церковь – коммунисты-богоборцы, КГБ. Никакой батюшка под автоматом не пойдёт на наркоторговлю. Это не просто грех, а грех, вопиющий к Богу. Ничего даже отдалённо похожего не знаю. Да и все батюшки под контролем КГБ. Получается, КГБ спит, раз у него под носом такое творится. Сцены, касаемые церкви, написаны топорно, даже люди далёкие от этой темы поймут – враньё».

Резко написал и сказал. Мол, зачем тебе такая слава к 1000-летию Крещения Руси. Думал, обидится после моих категоричных слов. Но для меня вопрос был принципиальным. Что интересно, Валера послушался. Сделал главарём мафии начальника порта. У священника в переработанном сценарии осталась совсем крохотная роль. Главный герой везёт его на такси и просит помолиться за сменщика, убиен-

ного раба Божия Михаила. Федосов звал меня на эту роль. Сказал, мол, только тебя вижу в этом эпизоде. Но его снимали, когда я уже уехал в Омск. Мне пришла телеграмма с вызовом, да я не полетел. Кстати, в «Утреннем шоссе» снимался актёр Перфилов, который всем запомнился по фильму Говорухина с Владимиром Высоцким в главной роли – «Место встречи изменить нельзя», где сыграл колоритного фотографа МУРа. Перфилов сам по себе светлый, доброжелательный. Как-то он ждал съёмки своей сцены, погода стояла промозглая, холодный ветер с моря, я в автобусе сидел, он зашёл в салон погреться, подсел ко мне, разговорились. Оказался простым в общении... Вспоминал, как с Высоцким снимался.

***

В монастыре была ещё одна видная личность – благочинный отец Павел (Судакевич). Однажды поздно вечером прихожу в келью к батюшке Ионе и каюсь:

– Не удержался, так захотелось искупаться. С вечерней службы два раза удирал на море.

Удобно было. Море рядом – пару минут и там. Делал так: на клиросе встану с краю, почитаю, потом в боковую дверь шмыгну, через сад и на море. Покупаюсь, незаметно вернусь к помазанию, вроде никуда и не уходил. После помазания опять улизну. К окончанию службы вернусь. Шкодничал, одним словом.

Батюшка выслушал и говорит:

– Бог простит. Я сам сегодня отца благочинного обидел. Сказал ему, что в сытом теле добродетель не держится. Вырвалось с языка.

Тела у отца Павла было много. Глыба весом в сто двадцать килограммов. Железную дисциплину держал в монастыре. Поздно вечером (ночью тоже приходилось с ним сталкиваться, это когда я на коровнике работал), как медведь шатун ходил по территории. Бывало, на отца Иону шумнёт. У того подолгу свет в келье горел – молился. Отец Павел как гаркнет, а голос такой, полмонастыря разбудит:

– Иона, хватит уже, выключай свет!

Не дай Бог семинарист припозднившийся попадётся на глаза, шуганёт, мало не покажется:

– Ну-ка спать!

А как без дисциплины! Что только не пережил монастырь за годы советской власти, поэтому ухо надо было держать остро, провокации нельзя было исключать. При мне послушника избил милиция до полусмерти. Васей звали. На монастырской грузовой машине ехал, милиционеры остановили и потребовали вина. Вези и хоть ты тресни. Вася не без наивности, посчитал: милиция шутит. Одесситы народ весёлый, почему бы милиции не поюморить. Откуда, спрашивается, у послушника вино? Так и сказал. Реакция последовала отнюдь не шутейная: Ах, тебе вина жалко, поповский прислужник. Вытащили Васю из кабины, отволтузили так, что еле добрался до монастыря. Вся братия молилась за его здо-

ровье. Врачей в монастырь приглашали. Но разглашать и заявлять в милицию не стали. Наместник отец Вадим решил дело не возбуждать. Посчитал, пожалуйся на милицию, только обители хуже будет. Еле-еле выкарабкался Вася. Отец Павел сокрушался: «Что ж ты, брат, такой недогадливый, надо было посоветоваться со старшими, нам что вина жалко? Отвёз бы милиционерам, и дело с концом».

Простодушный Вася просто-напросто не сообразил. Менты имели в виду: раз ты в монастыре работаешь, нацеди банку-другую и привези. Знали о монастырском вине. Били Васю остервенело, весь монастырь молился за него. Я на коровнике работал, пойду в угол, где сего лежало, встану на колени и молюсь. И все так, по кельям молились, на службе. Вымолили Васю.

На отца Павла любо дорого было посмотреть. Бери с картины «Три богатыря» Илью Муромца и вот он наш благочинный. Рассказывали, когда ещё в академии учился, любимым развлечением у сокурсников было упросить его согнуть пятак. Отец Павел смущался, отказывался, только если сильно уговаривали, исполнял цирковой номер. Брал советский пятак, клал его на указательный и средний пальцы, большим давил, будто фигуру из трёх пальцев хотел сделать, и пятак сгибался пополам. Во, силища! Отец Арсений говорил, что отец Павел изредка в узком кругу, опять же – надо сильно попросить, мог и сейчас продемонстрировать номер с пятаком.

Отец Савватий заведовал при мне мастерской по металлу. В тот раз я у него молотобойцем подвизался, а делали скобы по заказу сельского храма. Мастерская без кузнечного горна, прутки разогревали газосваркой и гнули. Отец Савватий своим молотком показывал, куда наносить удар, я кувалдой бил. Отец Павел подходит:

– Братья, дайте-ка помогу!

Я уже собрался ему молот дать.

Отец Савватий тоном, не терпящим возражений, пресёк трудовой азарт благочинного:

– Отец благочинный, вы в чистом, замараетесь!

Мол, к чему монаху вашей должности заниматься грязной работой, да и не отвлекали бы нас попусту, заказ был срочный.

Отец Павел искренне обиделся, будто в куске хлеба отказали. Он от всей души хотел помочь в тяжёлой работе. Видит, не богатырь в роли молотобойца. Меня, конечно, по комплекции с ним не сравнить, в два раза легче, а молот полноценный. Вызвался подменить меня, дать передохнуть, а его отшили самым категоричным способом.

– Да ну вас! – сказал в сердцах, развернулся и ушёл.

Один раз машину с картошкой, в решётчатые ящики затаренную, разгружали. В цепочку выстроились, передаём друг другу ящики. Пыль во все стороны. Торопились поскорее машину отпустить. Большую часть разгрузили, вымотались прилично. Отец Павел подходит:

– Братцы, давайте помогу!

Кто-то бросил: отец благочинный, вы бы лучше не мешались под ногами, без вас как-нибудь справимся. Он едва не плачет:

– Братцы, ну что вы! Я ведь вижу, устали, шутка ли КамАЗ разгружать! Это не ГАЗик.

Всё же внедрился в цепочку, ящиков пятнадцать прошло через его руки. Довольный отошёл. Запылился, само собой.

Когда я в девяностых годах приезжал в монастырь, отец Павел уже наместником был.

***

С батюшкой Ионой мы часто трудились вместе, в огороде или на винограднике, косили сено, помогали отцу Геннадию в его водопроводных и сантехнических делах. В минуты отдыха батюшка рассказывал о своём детстве, юности. Родился в 1925 году на Кировоградчине девятым ребёнком в семье. Назвали Владимиром. Родители крепко держались веры православной. За это попали под раскулачивание. Были в хозяйстве лошадь и коровёнка, записали в кулаки, с последующей экспроприацией движимого на четырёх ногах и недвижимого имущества. Перед самой войной, в пятнадцать лет, подался Владимир на нефтепромыслы Кавказа. Много работы за свою жизнь переделал – был нефтяником, шахтёром, трактористом. Однажды ночью пахал на тракторе. Темнота, хоть глаз коли, мотор монотонно гудит, ну и сморил сон. Вдруг будто в бок кто кулаком ткнул, встрепенулся, а в свете фар

женщина перед капотом. Остановил трактор, выскочил – оттолкнуть, наорать: «Ты в своём уме, дура набитая! А если бы не проснулся? Тебе хана, а меня на цугундер!» А никого нет, и гусеницы в метре от крутого обрыва – секунда и трактор ухнул бы в глубокий овраг.

– Богородица спасла от смерти, – сказал батюшка, перекрестившись.

О себе рассказывал, был далеко не паинькой – гордый, жёсткий и сильный. В молодости никого не боялся, ходил с ружьем. Отец упрекал, никто в семье оружия не носил... О себе в той жизни отзывался нелицеприятно. В начале шестидесятых годов заболел тяжёлой формой туберкулеза, в больничной палате лежали такими же обреченные на смерть. Одного вперёд ногами вынесли, второго... Глядя на эту картину, дал обет посвятить себя Богу, если удастся выйти из больницы. И случилось чудо. Начал на глазах оживать. По логике болезни обязан был чахнуть, происходило с точностью до наоборот. Бесповоротно пошёл на поправку. Выписали как совершенно здорового человека, даже рубцов в лёгких не осталось.

Тогда-то Владимир и побывал у Кукши. Тот ему посоветовал монашеский путь. Настоятель Свято-Успенского монастыря слушать не захотел о новом послушнике. Хрущёв остервенело боролся с церковью, строгий запрет висел над монастырями – никаких трудников, послушников, пострижений в иноки и монахи. Батюшка Иона съездил в Абхазию

к пустынножителям, которых всячески преследовала советская власть, но они продолжали служить Богу. После Абхазии батюшка вернулся в Одессу. На морском берегу, сразу за монастырём, в глиняном обрыве выкопал себе пещерку. Почти как пустынный в первые века христианства. В той пещерке несколько месяцев жил и молился, просил Матерь Божью принять в свою обитель.

Местные власти, всячески досаждая монастырю, пытались подвести его к закрытию. Придумали светлые головы темнотой скovyрнуть оплот православия – отключили электроэнергию в надежде: монахи поживут-поживут без электричества, да и разбредутся. При лучине монастырское хозяйство не потянешь, не прошлый век. Обитель не только себя содержала, государство драконовскими налогами обложило насельников. И попробуй не заплатить вовремя. Это колхозам сроки проплат сдвигались, суммы долгов скащивались, а то и подчистую списывались, монастырям – ни в коем разе. Вынь да положь в указанное время всё до копейки. Монахи в ответ на происки властей раздобыли мощный дизель-генератор военного образца. Одна загвоздка – обслуживать технику некому. Кинули клич среди братии, а нет дизелиста. Священнослужители есть, певцы, электрики, водопроводчики, водители, виноградари имеются, специалиста по эксплуатации дизеля – ни одного. Тут-то и вспомнили о трактористе, что просился в обитель.

– Я-то думал, в монастыре только и буду в молитвенной

тишине к Богу взывать, – улыбаясь, говорил отец Иона, – а у меня опять шум дизеля в ушах.

Рассказывая о протоирее Кукше, повторял:

– Ты ходи к нему на могилку, молись. Уедешь в свою Сибирь, такой возможности не будет. На моей памяти навряд ли, а на твоей, глядишь, будет прославлен. Святой человек.

Про Кукшу я много слышал от его последнего келейника отца Епифания. Тот походил на деревенского дедушку, белые волосы, сухой, на балалайке играл. Сядет с балалайкой на берегу моря, на обрыве, и поёт духовные песни. Когда он уезжал из монастыря в отпуск, передавал мне своё послушание – следить за чистотой вокруг летней патриаршей резиденцией. Стояла она в саду. Чудный уголок. Летом поутру такая благодать. Аллеи, кроны деревьев, птички поют, солнце сквозь густую листву каштанов пробивается, морская прохлада... Патриарх приезжал редко, но территорию отец Епифаний содержал в идеальном порядке. Мне не составляло большого труда подмести участок, а когда отец Епифаний возвращался, он приглашал в келью Кукши. Доставал арбуз, вина, рассказывал о Кукше, показывал его вещи, которые ревностно хранил: скуфью, рясу, книги... Тогда широкая публика ничего не знала о Кукше... Отец Епифаний и батюшка Иона в один голос заверяли: Кукша обязательно будет прославлен в лике святых. Был прозорливым, обладал даром исцеления, много лет шли к нему люди с горестями, болезнями... Я воспринимал слова о причислении Кук-

ши к лику святых, как сказку. Для меня тогдашнего святые это Александр Невский, Никола Чудотворец, целитель Пантелеимон, Сергей Радонежский. На Украине Иова Почаевского особо почитают... А Кукша – наш современник, почил в 1964 году. Не вмещалось в меня его святость. Прошло не так много времени, в 1994 году Кукша был прославлен в лике преподобных. День памяти 29 сентября.

Отец Алексей тоже хорошо знал Кукшу. И тоже наставлял молиться ему. Сейчас паломники монастыря обязательно идут к раке с мощами Кукши, и к могиле батюшки Ионы, а тогда шли к могиле Кукши.

Как-то мне бросился в глаза офицер, насколько помню – полковник. Солидный мужчина, в форме, седина. Почему заострил внимание? Не в первый раз видел его в монастыре. И не из праздно шатающихся – крестится, молится. Спросил у отца Ионы по поводу военного. Батюшка поведал следующую историю. Девушка приехала к Кукше и говорит: «Жить в миру не моё, хочу принять монашеский постриг. Дом продала, вот деньги». Достает из сумки пакет. Решительная девушка. Мол, не с пустыми руками пришла. А старец и говорит: «Возвращайся домой, выйдешь из поезда и первому, кто тебе встретится, отдай деньги». Она посчитала услышанное от старца волей Божьей. Поехала домой, вышла из поезда на своей станции, налево-направо посмотрела – никого нет. Направилась вдоль путей, вдруг навстречу военный. Ещё подумала, офицер не может быть бедным, но раз сказал батюш-

ка «отдай первому повстречавшемуся» – протянула пакет со словами: «Это вам». Лейтенант пришёл к железной дороге с твёрдым намерением броситься под поезд. Накануне проиграл в карты крупную сумму казённых денег и никакого другого выхода не нашёл, как наложить на себя руки. Оружия не было, выбрал железнодорожный вариант. С недоумением развернул полученный от незнакомки пакет, и увидел сумму как раз для погашения недостачи. А вскоре женится на спасительнице.

Мне верилось и не верилось. Тем не менее – вот он тот самый военный. Тогда увидеть человека в форме в монастыре – крайняя редкость. Второго случая и не припомню. Этот приезжал несколько раз при мне.

Я ведь не успокоился, спросил у отца Епифания про военного, и от него услышал ту же историю.

Отец Епифаний жил с радостью в сердце. В общении светлый. Но когда я в девяностые годы увидел его, был потухшим, потерянным. Произошла метаморфоза после публикации воспоминаний о Кукше. Написала монахиня, которая приезжала к нему задолго до своего пострига, в далёкой молодости. Отца Епифания изобразила злобным, ненавидящим Кукшу, считала, что через него действовал враг, изводящий схиигумена со света. По её воспоминаниям послушник Николай (будущий отец Епифаний) не дружил с головой, был страшно грубым со старцем, командовал им. Окончилось тем, что холодным октябрём выгнал из кельи, в ре-

зультате чего Кукша простудился, заболел и умер.

Зачем написала? Показать страдания святого? Хотела того или нет – впала в грех осуждения. Мне представляется, монахиня по фрагментам, которые видела сторонним взглядом, не зная всей картины, сделала заключение о целом. К примеру, отцы Геннадий и Тихон, перебирая старые доски, что шли на дрова, могли повздорить, раскричаться. Со стороны посмотришь: истеричные деды живут между собой хуже, чем кошка с собакой. На самом деле – неразлучные друзья. У Кукши сильно болели ноги, страдал тромбофлебитом, и возраст под девяносто. Скорее всего, это была своего рода игра, согласованная со старцем. Келейник отгонял паломников, шумел на старца, видя, что тот держится из последних сил и срочно нуждается в отдыхе. Тогда как паломникам казалось, келейник груб, крутит старцем, как в голову взбрѣдет. Но это была видимая сторона. Как в притче: слепой обхватил ногу слона и сделал вывод, что перед ним столб – гладкий, толстый, высокий. Кукша в последние годы по ногам кровь текла, собиралась в сапоги, когда принимал посетителей. Келейник, вырвав старца у паломников, мыл ему ноги, мазал мазями, ухаживал за ним.

Уверен, монахиня перегнула палку, написала на женских эмоциях, не подумав, что делает больно брату во Христе. Статья подкосила отца Епифания, стала для него ударом, он страшно переживал...

Никогда не замечал, что слаб умом, как писала монахиня.

Мы много лет не виделись, приехал в монастырь, с отцом Епифанием столкнулся, он обрадовался:

– О, Виталий, ты уже священник! Это хорошо!

«Сильные умом» не все сходу вспомнили меня, он сразу...

***

Два года жил раб Божий Виталий в монастыре. Увидел ту самую «кухню», о которой говорил в Омске игумен Борис. Приехал одним человеком, уехал другим. Открыл для себя мир, о котором и не догадывался, который существовал параллельно светскому и по своим законам, коими были доброта, смирение, не стяжание, вера. Жил в монастыре, как в хорошей семье, с кем-то ближе, с кем-то дальше. Нёс послушания, ходил на службы. Дни шли, а на сердце было хорошо – чувствовал себя в нужном для души месте.

И все же надо было возвращаться в Омск.

– Раз с семинарией не получается, – сказал инок Ионе, – поеду, а там как Бог даст.

– Приезжай, – обнял на прощанье Иона. – В гости ли, навсегда ли – приезжай. Молись за меня, а я тебя не забуду.

Неполковой священник

Ехал я к батюшке Виталию солнечным январским днём. Ночью выпал обильный снег, он обновил город сверкающим покровом, задрапировал серые городские краски. Скоро они снова возьмут верх, грязное дело свершат трубы ТЭЦ и оставшихся заводов, автомобили, вездесущий человек. Но пока под щедрым солнцем белым-бело, как в таёжной деревне. Четыре дня назад отпраздновали Крещение Господне. Оно как никогда выдалось тёплым. Говорить о Крещенских морозах не приходилось. Скорее – о Крещенской оттепели. Градусник показывал несерьёзные минус пять градусов. На моей памяти всего одно подобное Крещение. В конце девяностых, в нулевые годы крещенскую купель рубили в самом центре города, на Куйбышевском пляже, между Ленинградским мостом и речным вокзалом. Освящал воды иордани митрополит Феодосий. Он служил литургию в Казачьем соборе, потом крестный ход шёл на Иртыш, владыка освящал воду, у купели тут же выстраивалась очередь. Мужчины, женщины. Кто в длинных, ниже колен рубахах с крестами на спине, а кто в легкомысленном пляжном наряде.

В то аномально тёплое Крещение МЧС выставило кордон на берегу, в опасении, как бы слабый лёд не треснул, к проруби пускали страждущих крещенского экстрима небольшими партиями. Точно не скажу, но скорее всего, это был послед-

ний год, когда иордань устраивали на Куйбышевском пляже. Потом власти запретили в черте Омска делать проруби, лишив многих горожан радости крещенской купели. В том числе и меня. Надо было ехать куда-то за город, это не всегда удавалось. Я придумал для себя следующую замену. Дома надеваю рубаху с крестом на спине, набираю полное ведро холодной воды, встаю в ванну и – «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа» – выливаю ведро на себя. Затем набираю ещё одно. Кожа пылает... Одновременно и холодно, и горит тело. Второе ведро набирается слишком медленно... Желание одно – поскорее вылить его на себя, да подставить под струю третье... Наконец осеняю себя крестным знамением «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа»... Ледяная вода обрушивается на голову, плечи, грудь... В третий раз сую ведро под кран, струя воды ударяет в дно... Я в ожидании читаю «Отче наш». Мокрая рубаха прилипла к телу... Кажется, в рубахе теплее, она больше греет, чем холодит, в то же время желание – скорей бы снять её... Вода полилась через край ведра, поднимаю над головой – «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа» – опрокидываю на себя третью порцию крещенской воды... Ура! Срываю с себя рубаху, бросаю под ноги, хватаю полотенце. Класс! Слава Тебе Боже наш, слава Тебе!

Рубаху надо выжать, высушить и не позволить жене постирать, ткань пропитана благодатной крещенской водой. Ни разу не воспользовался советом: надевай при простудах и

гриппе – быстрее исцелишься. Всякий раз, как наступает недуг, забываю. Тем не менее пусть лежит наготове, вдруг в нужный момент вспомню...

В тот день мы встречались с батюшкой в офисе строительной фирмы, наши беседы в келье ушли в прошлое. Мы «сходились» на разговор или дома у батюшки или в маленьком кабинете строительной фирмы, где теперь он работал. Свершилось то, что и ожидалось, выборы батюшка Виталий проиграл. Хотел обух плетью перешибить. На своём примере удостоверился, депутату «с улицы» невозможно пройти во властную структуру. По итогам выборов разместил батюшка видеоролик в ютубе под названием «Бодался телёнок с дубом». За основным соперником «телёнка» стояли влиятельные с деньгами люди, коим места в Горсовете позарез были нужны вершить свои коммерческие и другие дела. Выборные органы давно стали кой для кого кормушкой или прикрытием. Одолеть такой «дуб», это какие ресурсы надо иметь. Одно хорошо, батюшка заставил понервничать группу соперника, слишком уж необычный противник, как с таким бороться, вдруг за него пойдёт народ. Развернули кампанию, обливали батюшку грязью, дескать, деньжат срубить идёт во власть, тогда как остальные исключительно за народ радеть. Известная тема: выбери меня, выбери меня.

Интересна история батюшкиного соперника, оппонента по избирательному округу. В Притчах Соломона есть такие слова: «Так праведнику воздается на земле, тем паче нече-

стивому и грешнику». Слова как слова, если пробежать, не задумываясь, по ним глазами. А если остановиться и поразмышлять. И на земле может Бог воздать нечестивому и грешнику. Не обязательно потом, когда предстанешь на суд Божий, когда будет раскрыта «Книга жизни» и проанализирована на предмет твоего присутствия в ней – внесён ты или не был достоин. Получается, и в земной жизни можешь быть наказан. Мы не думаем об этом. Страха Божьего нет в нас – подличаем, клеветем за ради личной выгоды, подставляем под удар ближнего. Ещё и ставим себе в заслугу, гордимся – какой я ловкий! Батюшкин оппонент по выборам «обошёл попа», избрали его в Горсовет. Как говорилось выше, в предвыборной кампании не погнушался возвести на батюшку поклёп, дескать, у того имеется незадекларированная недвижимость на Кипре. Сам ли додумался или политтехнологи подсказали сделать такой ход, подставить ножку сопернику, обмазать грязью, стремясь к светлому горсоветовскому будущему. Ложь быстро выяснилась, батюшка не только домов на Кипре не имел, по большому счёту в полной мере своего жилья не имел – ипотеку платил за квартиру, в которой жил с семьёй. Избирком за клевету ушедшего кандидата не наказал. По-хорошему, выдвинул обвинение, иди на правёж и докажи правоту. А нет – кляузнику, первый кнут. Избирком санкций за наговор не применил, не отстранил кляузника от выборов. Тот и не подумал извиняться перед «попом». Однако мудрый царь Соломон не для красного словца дал наставле-

ние: нечестивому и грешнику может воздаться и на земле. Полтора года был в Горсовете батюшкин оппонент, а потом скоропостижно умер. Прямо на рабочем месте. Не дано нам доподлинно знать, возмездие это или проявление болезни, ни с чем не связанной, поэтому не будем делать далеко идущие выводы, но факт есть факт, против него не пойдёшь.

Батюшка и выборы проиграл, и биографию иерейскую подпортил, как же – ослушался владыку. Само собой, тому не понравилось: в его епархии объявился вот такой поперечник. Владыка не поставил вопрос ребром, вот тебе Бог, а вот порог, всё откладывал принятие решения. В конце концов батюшка написал заявление с просьбой вывести за штат. Служить в соборе, да и нигде, теперь не может. И наши душевные беседы в келье ушли в историю. Встречаемся в офисе. Батюшку приютили духовные чада, дали в распоряжение небольшой кабинетик, метра три на три площадью. Вешалка-тренога, шкаф для бумаг, стол с компьютером, кулер в углу. Батюшка не просто так сидит, он штатный сотрудник,годились знания инженера. Жил бы, может, на одну пенсию, да ипотека тяжким грузом на шее, кроме этого старшие дочери в институтах учатся, а младшие сын и дочь – в школе. Старшего сына Витю, как уже говорил, в армию после окончания музыкального училища призвали. Брали в ансамбль, отказался. «Пойду как все, – сказал отцу. – Ты служил и я буду». Поступок мужчины, ничего не скажешь. Правда, тут же дали барабан. Раз ты дипломированный музыкант, будешь

на строевой подготовке ритм задавать.

Мы сидим с бабушкой в кабинете, единственное окно выходит на запад, весёлые солнечные лучи резвятся на полировке стола, линолеуме пола. Весёлость зимнего солнца диссонировала с темой нашего разговора. Обсуждали свершившийся факт: сатанинскими стараниями (а как иначе назвать?) президента Украины Петра Порошенко и Константинопольского патриарха Варфоломея создана Православная Церковь Украины. С бабушкой Виталием часто в наших беседах выходим на тему многострадальной Украины. У бабушки дядя Вова в Харькове, у меня родственники в Николаеве. Ко всем бедам страны ещё и церковный раскол. В самый канун Рождества Христова патриарх Варфоломей выдал томос на новую церковь Украины. Была слабая надежда, всё же одумается патриарх, прислушается к мнению других поместных церквей, пойдёт на попятный, не станет действовать напролом в угоду антиправославных сил. Нет, выдал томос. Сполна отработал полученные от Порошенко деньги. Кроме этого ему обещаны на Украине церкви, монастыри и приходы с их доходами. Понятно дело, турки Стамбула пожертвования не несут православному патриарху, а тут многомиллионная Украина.

В Николаеве среди прихожан храма Святого Духа, что в Корабельном районе, имеются у меня хорошие друзья. Храм расположен в частном секторе, не маленький, но по праздникам и воскресеньям переполнен. С окрестных улиц сте-

кается народ, есть прихожане из соседних микрорайонов. В Святого Духа два батюшки служат. Настоятель и актив прихода решили, зачем тесниться, если можно ещё один храм открыть своими силами. Таковые имелись. По хлопотам настоятеля церкви владыка Николаевский и Очаковский Питирим (Старинский) дал благословение приходу на строительство ещё одного храма – Свято-Богоявленского. Село, ставшее частью города, когда-то именовалось Богоявленским, и храм в честь праздника Богоявления стоял в нём, да разрушили его большевики. В ответ на прошение владыки местные власти предоставили место в заброшенном парке под новый храм. Приход сразу поставил на отведённой территории временный храм – вагончик. Владыка освятил престол. В новом храме начали служить Божественные литургии, читать акафисты. Было это до майдана 2014 года. После него администрация района и города да и области насторожились. Киев и раньше косился на Украинскую Православную Церковь Московского Патриархата. Как же – во всём незалежность и вдруг «церква» москальским духом отдаёт. Раскольник Филарет свою церковь создал – Украинского Патриархата, но туда народ не больно-то идёт. Даже некоторые филаретовские священники своих чад тайком в «москальской церкви» крестили – у настоящих попов. После майдана всё имеющее отношение к России власти стали принималось в штыки. И тут церковь Московского Патриархата. Стала она, как кость в горле. Да просто так не отделаешься – две трети

православных Украины к ней относятся, и уходить не хотят. Начали действовать, по принципу – не мытьём так катаньем, не нытьём, так карканьем: палки в колёса ставить, в газетах грязь лить, административную волюнку тянуть по любому удобному случаю. В Николаеве, чем он хуже других, объявились свои ярые противники «москальской церкви». И вдруг на этом фоне новый «москальский» храм строится. Поставлена негласная задача старые отформатировать под украинский лад, вместо этого фундамент ещё одного закладывается. Местный ловчила под эту дудку поднял кампанию против нового храма. Был у него, сугубо коммерческий интерес. На месте, выделенном под строительство церкви, ставил в тёплое время года, а оно на Украине длится месяцев семь, ларёк с алкоголем, пару-тройку столиков, мужички подтягивались пропустить стаканчик другой, пивком запить. Копейка неплохая ларёчнику капала. Ларёк стоял полулегально, крышевали свои люди в администрации района. Ловчила предложил настоятелю храма Святого Духа сделку, дескать, плати десять тысяч долларов и по рукам – я отстану, а ты себе строй сооружение с крестами. Сумму загнул неподъёмную для церкви. Настоятель руками развёл: откуда у меня такие деньги?

Ловчила не с улицы взялся, крученный-верченный, в лучшие для себя времена в облсовете депутатствовал. Когда не получилось церковь на доллары раскрутить, придумал на ней политический капитал заработать. Затеял возню, дескать,

«московские попы», оккупанты ридной нэньки Украины на наш парк покусились, захватили детскую площадку. Приплёл детей до кучи, на самом деле территория детской площадки располагалась в стороне и давно, с тех времён как советская власть приказала долго жить, стояла заброшенной, один бурьян к ней интерес проявлял. Бывший депутат школы выборов хорошую прошёл, науку Геббельса знал назубок: чем кудрявее врёшь – тем правдоподобнее воспринимается электоратом. Мёртвой хваткой вцепился в тему «москальской церкви». В будущем мечтал снова пойти в депутаты, для чего набирал политические очки.

Шум поднял на весь район и город. Но и оппоненты не дремали. Приход церкви встал насмерть – будем строить храм. Дело дошло до референдума. Ужом на сковородке крутилась администрация района. С одной стороны народ за Свято-Богоявленскую церковь, с другой ярые националисты со своим «геть москалей-оккупантов». Их всего ничего, только мал клоп, да вонюч. Администрация объявила референдум: как народ скажет, так тому быть. Не совсем, чтобы назначили избирком со всей атрибутикой: кабинки с шторками, урны прозрачные, единый день голосования. Форма референдума проще, но всё официально. В центре района у Дворца культуры корабелов поставили столы, приходишь с паспортом, тебя находят в списке жителей района, ты пишешь «да» или «нет», расписываешься. На украинском языке, само собой, «москальский» русский отменил президент.

Тут же охрана: казаки, омон, милиция, волонтеры. Самодеятельностью не назовёшь. Как ни старались противники церкви, народ сказал храму «да». Не подавляющим большинством, пропаганда о «московских попах» запудрила мозги населению, и все же перевес был за теми, кто отдал голоса за церковь.

Был утверждён во всех инстанциях проект нового храма (решили строить деревянный), нашёлся состоятельный прихожанин, выступил благотворителем, оплатил покупку сруба. Наняли рабочих, сделали фундамент, завезли стройматериал, в ту же ночь националисты, действуя по-бандеровски исподтишка, облили брёвна бензином и подожгли. Преступление было явным, ущерб значительным, но раз «попы московские», должного расследования не провели. Разбирательство начали спускать на тормозах. Земля, которая долго время не нужна была никому, вдруг понадобилась, вышло постановление суда освободить её и отдать району.

Как уже говорилось, стоит на строительной площадке церковь-вагончик, служитя литургия, народ исповедуется, причащается. Несмотря на постановление службы продолжались. Но однажды пришли яростные ребята из националистических организаций «выполнять решение суда», начали крушить опалубку фундамента, валить забор вокруг площадки, разбойничают, как тати последние. Только и прихожане подтянулись. С молитвенными песнопениями встали на защиту святого места. Самые активные прихожане, само

собой, бабушки и женщины, смело они набросились на богохульников, поднявших руку на храм. Кому-то футболку порвали, кого-то камнем приласкали. И сами не одну оплеху получили. А уж каких обвинений наслушались, кормите, дескать, москалей, убивающих на Донбассе защитников Украины. Одного ретивого бойца с бабушками милиция положила фейсом, то есть физиономией, то есть мордой лица, на землю и успокоила его ручонки наручниками. Слишком разошёлся в «майданном» порыве. Тут же к милиционерам подскочил ражий мужик с удостоверением депутата:

– Отпустите, это мой помощник, он забыл дома документы!

Одним словом, жуть под стенами церкви.

С образованием этой самой ПЦУ – Православной Церкви Украины, выдаче ей томоса, прихожанам храма Святого Духа стали предлагать: что вы упрямитесь? Переходите в ПЦУ из «москальской церкви», вам тут же разрешат строиться. Поставите себе новый храм и молитесь хоть с утра до ночи. А нет, так не только новую не позволим строить, из старой вышвырнем и отдадим настоящей украинской церкви. Бабушки в ответ начали собирать подписи, оставить храм Московскому Патриархату.

Приход дружный, не так просто еретикам-националистам одолеть. Но идёт обработка верующих, внедряются раскольнические настроения, мол, какая разница, где молиться, Бог один. Кой на кого пропаганда действует. Во всём государ-

стве, которое живёт тридцать лет как на вулкане, одна церковь была спокойным местом, но и туда вколотили клин.

А владыка Николаевский Питирим, вопреки давлению властей самых разных мастей, несмотря на получение президентом долгожданного томоса взял и провёл службу в храме-вагончике, что стоит на спорной территории. Владыка и советской власти не боялся (в 1983 году, будучи иеромонахом, был осуждён за антисоветскую деятельность на шесть лет, три из которых отсидел), и демократического бандеровского режима не испугался. На Богоявление, престольный праздник многострадальной церкви, у вагончика поставили палатку, расширили крохотный храм, владыка отслужил Божественную литургию. Сказав тем самым, пусть беснуются молодчики, пусть выносят постановление несправедные суды, а полноценному храму на этом месте быть.

Батюшка Виталий на мой рассказ о поджоге храма, противостоянии верующих националистам вспоминает давнюю свою поездку из Одесского Свято-Успенского монастыря в Киевский Флоровский монастырь. Это было в год 1000-летия Крещения Руси, Советский Союз перед этим отпустил вожжи атеизма, не совсем, чтобы совсем, тем не менее начались послабления. Даже первые храмы стали кое-где открывать.

– Заговорили мы с матушкой Александрой об этом, – вспомнил батюшка Флоровский монастырь. – Матушка прошла ГУЛАГ, что такое гонения на церковь сполна испыта-

ла. Так вот она на мои щенячьи восторги «государственный атеизм сдувается» сказала: «Я не доживу, а ты ещё молодой увидишь, как будут захватывать еретики наши храмы». Ещё подумал, бабушка что-то не то говорит, какие еретики в наше время. Как в зеркало смотрела: президент Порошенко превратил Флоровский монастырь в разменную монету – отдаёт среди других святынь православной Украины стамбульскому патриархату Варфоломею, который вершит политику ереси и раскола. Я в Одессе с батюшкой Ионой (Игнатенко), тогда он ещё батюшкой не был, поделился опасениями матушки Александры, а он говорит: «Не будет, Виталий, рая на земле, не будет». Несколько раз по разным случаям повторял: не будет рая на земле ни коммунистического, ни капиталистического, никакого другого.

В который раз высказал я сожаления отцу Виталию, что не пришлось побывать в Одесском Свято-Успенском монастыре. Не сподобился, будучи в Николаеве, совершить паломничество, Одесса в каких-то ста двадцати километрах. Знал от родственников, друзей о старце Ионе, с отцом Виталием тогда ещё не были знакомы. Но так и не собрался в Свято-Успенский. После рассказов батюшки Виталия про монастырь, изучил его историю, слежу за высказываниями насельников монастыря в интернете. Недавно попало интервью с архимандритом Титом (Бородиным). Когда-то батюшка Виталий с ним вместе нёс послушание на просфорне Свято-Успенского монастыря. Отец Тит в интервью говорит

о внедрении идентификационных номеров на Украине, прообразе печати антихриста, о которой предупреждает Апокалипсис Иоанна Богослова.

– Отец Иона в последние годы своей жизни тоже предупреждал, – подхватывает тему отец Виталий, – не кто иной, как апостолы дьявола проталкивают идентификационные номера, приучают людей к мысли о необходимости печати антихриста. А ещё батюшка говорил духовным чадам, что через год после его смерти начнутся большие нестроения на Украине, будет кровавая Пасха. Умер отец Иона в декабре 2012 года, а в ноябре 2013 начался майдан в Киеве, в 2014-м – война на Донбассе.

***

В ту нашу встречу после Крещения Господня, обсудив проблемы Украины, я попросил батюшку перейти к страницам истории и рассказать, как был он рукоположен в иереи.

– Вернулся я из Одессы в Омск, – перешёл батюшка к «историческому разделу», – и как раз началось казачье движение. Колоритные люди влились в него. Наш род по маме, по словам бабушки Анны, имел казачьи корни, были в нём уральские казаки. Подтверждением тому: в родной бабушкиной деревне Мелехино бытовали казачьи песни, по праздникам всегда пели. Я подался к казакам, они приняли. Звания тогда налево-направо раздавали, меня назначили сотником. Сотник налицо, в сотне ни одного бойца. Как в том анекдоте. «Суп будешь?» – «Ага!» – «Иди, вари!» Начал ис-

кать подчинённых. Времена шли бурные, Союз разваливался, в Молдавии, как и во многих республиках, начали бунтовать националисты. Посыпались лозунги: «Молдавия – для молдаван», «Чемодан – вокзал – Россия», «Русских – за Днестр, евреев – в Днестр». Потом и вовсе от лозунгов перешли к автоматам, уже не «в Днестр», а к стенке. Вспыхнули боевые действия в Приднестровье. Войсковой атаман Тупиков несколько раз ездил с нашими казаками воевать. В очередной раз набирает группу, я тоже записался. Назвался груздем – полезай в кузов: не для карнавала надел казачью форму. С автоматом обращаться умел, в армии как-никак служил.

Записался, вдруг поступает предложение – автомат заменить на крест наперстный. Атаман второго отделения казачьего войска Волин говорит:

– Виталий, ты в церковь ходишь, в монастыри ездешь, пришла бумага: в Новочеркасске организуются курсы полковых священников. Командируем тебя туда, отучишься и поедешь в Приднестровье священником. Казак без веры – не казак. С автоматом без тебя найдётся кому действовать-злодействовать, нам нужны казачьи батюшки. Бери благословение у владыки Феодосия и вперёд. Казаки решили, ты самая подходящая кандидатура.

Предложение атамана пришлось по душе – и казак, и священник одновременно. Поживу, думаю, в центре донского казачества, съезжу в Вёшенскую станицу, поклонюсь моги-

ле Шолохова. А после учёбы поеду в Приднестровье полковым священником. Вписали моё имя в направление на курсы. Самая что ни на есть официальная бумага, со всеми печатями. С ней отправился к владыке Феодосию, митрополиту Омскому и Тарскому, будучи уверенным, через неделю еду в Новочеркасск. Владыку Феодосия в церкви не один раз на архиерейских службах видел, но лично не знал, тем более он не знал, кто я, чем дышу.

Владыка пробежал глазами направление, улыбнулся, как только он мог улыбаться, с хитринкой, и развернул дело по-своему.

– Для начала, – говорит, – возьми квач, помоги женщинам мыть стены собора. А потом мы на тебя посмотрим.

По его тону понял, сходу не благословляет на курсы. А без благословения куда поедешь? Самочинство будет.

Владыка, отправляя на послушание, добавил:

– Завтра часам к восьми вечера приходи ко мне домой, побеседуем.

Стал к нему ходить, разговоры разговаривать. Какое-то время был вроде референта при нём и сторожа. Отвечал на звонки, когда его дома (на Успенского, 26) не было. Владыка улетит в Москву, я за домом присматриваю. Взялся он основательно за меня, стал привлекать на архиерейские службы иподьяконом, потом направил пономарём в Казачий собор к настоятелю Виктору Чухно. Владыку понять можно, зачем будет о полковых священниках радеть, когда в родной епар-

хии на иереев острый дефицит. Зная, что я холостой, матушку просмотрел, и роль свахи на себя взял.

Получилось следующим образом. Владыка прихватил меня с собой в район на церковно-светское мероприятие, где и заметил, вот уж глаз был у него, что я проявляю интерес к хористке. Евгения пела в светском хоре, отличный был коллектив, прекрасный руководитель Вера Михайловна – человек верующий, хор исполнял много духовных песен. Владыка с большой симпатией относился к этому коллективу.

Интересное было время. Церковь только-только вырвалась на свободу и владыка трудился на всех фронтах – в церкви, в миру. Депутатствовал в Горсовете, сидел в президиумах светских мероприятий, не только сидел, нёс пасторское слово, а проповедником был отменным, открывал приходы по всей области, организовывал концерты духовной музыки. На таком углядел факт моего интереса к хористке.

По отдельности мне и ей назначил прийти в одно и то же время к нему в епархию на чай. Ничего не подозревая прихожу и застаю Евгению. Не придал этому никакого значения. Мысли не возникло, что не случайно разом оказались у владыки. Евгения была правой рукой руководителя хора, я посчитал – Евгения решает с владыкой творческие вопросы, потому и пригласил к себе. С ней побеседует по делам, потом за меня возьмётся. Пьём чай, о чём-то незначительном разговариваем. Владыка вдруг выдаёт:

– Сижу и люблюсь на вас молодых и красивых, вижу – из

вас получится прекрасная пара. Виталия будем рукополагать в священники, ему нужна хорошая матушка. Благословляю вас под венец.

Евгения вспыхнула до корней волос, брызнула из-за стола. Удрала.

Владыка улыбается:

– Это хорошо! Плохо, если бы на шею тебе бросилась. Записывай её телефон, через денёк позвони.

Через день звоню Жене. Честно скажу, опасался: вдруг наотрез откажется встретиться после сватовства у владыки. Нет, пришла. Ни слова ей об инциденте у митрополита, и она молчит на данную тему. Однако владыка был человеком целеустремлённым, если что решил – не свернёшь. Касалось ли это глобальных вопросов – строительство Христорождественского собора, восстановление кафедрального Свято-Успенского или сугубо частный случай – женитьба будущего иерея. Если долго не рассказывать, после некоторых колебаний, дала Женя согласие, я доложил владыке, он определил, в каком храме будем венчаться, назначил священника. Я справил наряд жениха – костюм, туфли, рубаху. Всё чин чинарём. Женя платье подвенечное сшила. Но в последний момент струсила. Не явилась в церковь. Ждём-пождём, а невесты нет. Говорю владыке:

– Владыка святой, раз нет, не пришла, значит, насильно мил не будешь. Слишком старый я для неё.

Мне тридцать девять, ей всего двадцать пять.

Владыка как ни в чём ни бывало:

– Виталий, не хвилюйся, добивать будем!

Да ещё с украинским акцентом произнёс.

Уважаемый верующими и властями митрополит, пожилой человек выделил время, приехал на венчание, а невеста выкинула фокус. Что интересно, не обиделся, что его благословение игнорируется.

– Вот увидишь, – уверенно сказал, – гарнэнькая матушка получится!

И вторая попытка венчания оказалась неудачной – невеста повторила фокус с неявкой. Никак не могла решиться на столь важный шаг. В третий раз владыка назначил «добивать» в Казачьем соборе. Там ещё стоял орган, перед ним ряды белоснежных кресел, богослужения проходили в боковом приделе. Ничего умнее не придумали в советское время – устроить в православном храме органный зал. После возвращения храма епархии, орган долго не демонтировали, по назначению не использовался, но стоял.

В третий раз сговорились венчаться перед Петровским постом, едва не в последний день, когда можно было. Дальше бы на долгий месяц отложилось. И снова та же картина, что и в предыдущие разы. Жених во всей подвенечной красе, в тёмно-синем костюме, белой рубашке, побрит, пострижен, наглажен. Владыка приехал благословить молодую семью. Настоятель храма отец Владимир Чухно в облачении ждёт. Дружка, кому венец над моей головой держать, сто-

ит в полной готовности выполнить торжественную миссию, хор в ожидании отмашки регента, дабы поддерживать таинство пением, сочувствующие (несколько казаков, друзья) подошли, а невесты тю-тю. Обещала, божилась – больше ничего подобного не повторится, и снова-здорово... Пытаюсь дозвониться – никто не отвечает. Нервничаю, будто сам виноват. Ругаю возлюбленную на чём свет стоит. Как так можно? Ну, скажи «нет», рубани с плеча да и дело с концом.

Владыка подождал-подождал, крякнул, сел в «Волгу» и поехал в свою резиденцию. Проводили его, поднимаюсь по ступенькам паперти, впереди батюшка Владимир, я следом. Сейчас, думаю, извинюсь перед собравшимися и поставлю жирную точку в истории с венчанием. Зол был на Женю, не то слово, как зол.

Слышу, батюшка радостно возглашает:

– А вот и невеста!

Женя идёт с подругой. Постеснялась в подвенечном платье приехать, с собой взяла. Батюшка Владимир тут же владыке позвонил. И здесь он не фыркнул: раз так с митрополитом обращаетесь, венчайтесь как знаете. Пока невеста надевала подвенечный наряд, вернулся. Оказал нам честь. Женя зашла в придел, владыка уже там, будто и не уезжал.

Вскоре владыка рукоположил меня в дьяконы, месяца три служил дьяконом в Крестовоздвиженском соборе, тогда был он кафедральным, потом был рукоположен в священники.

Так стараниями владыки Феодосия, вечная ему память,

стал я священником. Отдельное спасибо владыке за матушку, если бы не его настойчивость...

Таня из Марселя, Дима из Германии

В тот день у батюшки была гостья, молодая женщина. Миниатюрная, минимум косметики, не крикливо, но стильно одета. Приталенное платье ниже колен, Сапожки с закруглённым носом.

– Моё духовное чадо, – представил батюшка, – Таня. Из Марселя к нам прилетела.

Когда Татьяна ушла, батюшка рассказал историю их знакомства.

– В моей практике было несколько случаев: люди терялись. У одной прихожанки дочь пропала. Ни письма, ни весточки, ни звонка, ничего. Мать подойдёт ко мне в церкви, на глазах слёзы: «Батюшка, как быть? Что делать?» Скажу: «Жива твоя непутёвая Женька, жива. Молись за неё как за живую, и я молюсь». Что ещё скажешь? Два года прошло, Женька нарисовалась. Не звонила, не сообщала, где она и что, тут явилась. В церковь мать привела, счастливая, нашлась дочь. А у той ни тени раскаяния. Улыбка от уха до уха, будто так и должно быть. «Женя, – говорю, – ремнём тебя отхлестать некому, а мне некогда!» Ей как с гуся вода: «Всё путём батюшка!» По понятиям матери: я Женьку вымолил. На самом деле, один Бог знает. Но молиться обязательно надо. В иных случаях, считаю, главное вовремя начать помолиться. В тот же период Таня Хохлова ко мне пришла.

Кто-то посоветовал ко мне обратиться. Худенькая, невзрачная, глаза на мокром месте – мать исчезла. С одной стороны, хорошо, что исчезла, так бы несдобровать, а с другой: у Тани никого больше нет. Совсем никого. Мать одна растила.

Дальше батюшка рассказывает, что мать Тани не промах. В районном селе бизнес организовала. Коттедж построила. И связалась с субчиками-голубчиками. Что у них произошло, батюшка не знал. Таня училась в институте сервиса, на первом курсе, жила в общежитии. В один день эти самые субчики сцапали Таню, в машину забросили: где мать? Она ни сном, ни духом. Вывозят за город... Таня ростиком метр в шляпе, ну восьмой класс, не старше, а там бугаи. Натерпелась страху. Кричат: говори, где мать, не то худо будет! Она в рёв. Слава Богу, повозили-повозили, постращали-постращали, видят, про аферы матери не в курсе и взять с неё нечего, ничего не оформлено на неё, отпустили. Не последние отморозки. Батюшка взял над Таней шефство. То подрясник попросит сшить, то своим дочкам какие-то обновы. Заказчиков среди духовных чад находил. Шила-кроила Таня мастерски, работала с выдумкой. С головой девчонка и руки золотые. Батюшка убеждать мастак, стал обрабатывать: ты, дескать, не сиди за печкой, ставь серьёзные жизненные цели, участвуй в конкурсах, активно продвигай себя. Сидя за печкой, за оной и просидишь до старости, какой бы талантливой ни была. Умеет батюшка вселить в человека уверенность.

– И знаешь, французы Таню заметили, – рассказывает ба-

тюшка, – пригласили модельером. Маленькая блоха, но настырная. Молодец. И пошло-пошло. Никогда не забуду, как в самый первый раз ко мне в соборе подошла. Пальтецо модное, шляпка, а сама пигалица. Подошла и в слёзы: «Батюшка, помогите маму найти». Молись, говорю, исповедуйся, причащайся. Ей не к кому было приткнуться. Домой к нам приезжала, с девчонками моими сошлась. Шила им вещи, а сыновьям – костюмы на Новый год. Маленькая, а характер огого! Молодец. Не затерялась без матери. Потом и мать нашлась. Она в Москве все эти годы в психушке отсиживалась. Или, на самом деле в голове шурум-бурум, или пряталась от бандитов, не скажу – не знаю...

Двадцать пять лет отдал батюшка Крестовоздвиженскому собору.

– Всякое случалось, – вспоминает. – Бывало, на полгода один оставался. Тогда священников в Омске, в миллионном городе было раз-два и счёт окончен. Человек десять, может, пятнадцать. Сам себе удивляюсь, как выдерживал. Когда все иереи в соборе на месте, мы чередуемся, и служба по накапанной идёт – четырёхнедельный цикл. Наступает твоя неделя, ты каждый день правишь утреннюю и вечернюю службы. Твоя неделя закончилась, другой батюшка принимает эстафету, а я помогаю, крещу, требы служу, в третью неделю исповедую, на четвёртой – пять дней отдыха. Потом снова служу ежедневно. Если ты остаёшься один – все службы и требы на тебе. Ни дня отдыха. Какой отдых – с утра и до вече-

ра в храме. Один как перст каждый Божий день и служишь, и крестишь, и исповедуешь. Будто на прочность проверяли меня.

Самое тяжёлое – воскресенье. Полная церковь народа. Человек сто поисповедуешь, отслужишь литургию, затем молебен. А потом человек сто окрестишь. На три партии делил, по тридцать-сорок крещаемых в каждой. Ещё и венчание. Мой личный рекорд – шестнадцать пар в один день. Физически трудно. Старался распределить силы. Полежу полчаса в келье после службы, отдохну и снова... После венчания, перед вечерней службой тоже прилягу, когда и посплю. Кроме службы и треб надо в соборе за всем следить. На тебе всё замыкается. Тогда, конечно, молодой был, ещё и пятидесяти не исполнилось. Другой батюшки неделю в соборе побудет и взмолится митрополиту: святой владыка, переведите на приход. Не по его силам ритм соборной службы.

И пасху, случалось, один служил, все уедут с владыкой Феодосием (а он любил с переездами в нескольких церквях послужить), я один. И отпуск, бывало, откладывался на неопределённый срок. Как-то пошёл к владыке с прошением на отпуск. Устал, сил никаких. Владыка прочитал бумагу, усмехнулся.

– Что ж, – говорит, – отпустить можно. С последующим переводом за штат. Согласен?

Как могу быть согласен, а семья?

– Вот и мне нечем тебя заменить. Иди, служи.

Опять впрягся.

Это случилось в тот напряжённый период, когда владыка в отпуск не отпустил. Выхожу вечером из ограды собора, ноги еле волочу, устал зверски, стоит у калитки молодой мужчина, даже парень. Я сначала прошёл мимо, шагов через двадцать, думаю, нет, вернусь. Глаза не понравились – потухшие. И весь потухший.

– Что ты? – спрашиваю.

Он ровным голосом говорит:

– Хочу забраться на колокольню и прыгнуть.

– Прыгнуть, – говорю, – всегда успеешь, пойдём лучше поговорим.

Завёл в келью. Димой звали. Начал рассказывать. Учит-ся в аспирантуре. Познакомился с девушкой, она из Питера. Там мать, а в Омске отец. Разошлись давно. Дима характером на моего брата Сашу смахивает. С людьми сходится трудно. Замкнутый. Как и Саша, если ему экзамен сдавать, от «а» до «я» учил. Все университетские годы Дима в читальном зале просидел или в шахматном клубе. И спорт-то выбрал, где, прежде всего, голова работает, не какой-нибудь бокс. А тут влюбился. Девушка интересная. По образованию химик, в совершенстве знает английский, неплохо – немецкий, мать преподаватель иностранных языков. Я, грешным делом подумал, потому и запала на Диму, он наполовину немец, в Германии родные брат и сестра. Такие люди как Дима и влюбляются без полутонов. Влюбился и больше нико-

го не видит, никто не надо – навсегда. Мой брат Саша, мне кажется, в мыслях не мог подумать о другой женщине, кроме своей жены. Дима предложил избраннице руку и сердце. Она двумя руками «за». И не белоручка – устроилась работать на нефтезавод, на хорошую должность. Отец со связями – помог. Покатилось дело к свадьбе, да она поехала в США и, как объяснила Диме по телефону, встретила там старую любовь. И осталась в Нью-Йорке.

Дима от такого потрясения собрался с колокольни сигануть на грешную землю. Как в той песне: «Удивительное дело – головой с балкона вниз». И смех, и грех.

– Дима, – говорю, – я бы сам прыгнул, до того вымотался. Но давай мы с прыжками и полётами спешить не будем, утро вечера мудренее, для начала поехали к нам поужинаем.

Забрал его к себе. Посидели втроём – я, он, матушка. Бутылочку вина распили. На раскладушку положил его.

Дня четыре у нас жил и все эти дни вместе служили. Утром приезжаем в собор, он или в келье сидит, или дворнику помогает, а то на службу возьму с собой – стой и молись, как можешь...

Отмяк, суицидальные мысли оставил. На четвёртый день после всенощной мы распрощались, Дима ушёл, была у него однокомнатная квартира на Масленикова... Не звонил, не появлялся ни разу, только года через два с половиной стук в дверь кельи, заходит, рот до ушей. Обнялись. Диссертацию защитил, живёт в Германии, женился. Спрашиваю, за-

был про любовь, из-за которой с колокольни хотел бросаться? Улыбается: сам, говорит, себе удивляюсь, как мог до такого дойти?

Иерей с шашкой и нагайкой

Вся иерейская биография батюшки Виталия связана с Крестовоздвиженском собором. В нём владыка Феодосий рукоположил в диаконы, потом – в священники. Не прерывалась связь с собором даже, когда владыка поставил новоиспечённого иерея настоятелем церкви в районном посёлке. Настоящей церкви там не было. Священники во временных помещениях молебны служили и не держались – месяц-другой побудут и к владыке с прошением перевести в другое место – ничего не получается. Пять или шесть иереев сменилось. Батюшка Виталий упрямее предшественников оказался. С администрацией посёлка деловой контакт наладил, прихожан расшевелил, человек пятнадцать активных вокруг себя собрал. Власти увидели: священник не на пару недель приехал, старый дом культуры отдали под церковь. Жена батюшки клирос организовала. Пошло дело. Батюшка субботу-воскресенье служил в посёлке, а на неделе – в Крестовоздвиженском. Везде успевал.

Это вызвало ревность католиков. Латиняне пришли в посёлок раньше православных и крепко там обосновались. Злорадствовали, что у православных священников чехарда. Ватикан для внедрения на русскую почву средств не жалеет. Католики открыли в посёлке свою церковь, вещи для нуждающихся сельчан начали распространять и зазывали к себе.

Кто-то пошёл к католикам, да не все соблазнились. Были такие, кто держался позиции: это не наше, нам нужен православный священник.

На что католики говорят: мы вам батюшку привезём, будет в нашем храме в таком же облачении как ваши священники служить и по православному обряду. Одним словом, задумали униатский приход организовать под католической крышей. Православную литературу привезли на продажу, иконки из Софрино. Дескать, как ваша душа желает, так и будет. Начали тихой сапой принялись униатство протаскивать.

И вдруг наперекор планам объявился в посёлке деятельный православный иерей. Сам владыка Феодосий представил пастве: вот ваш батюшка Виталий, прошу любить и жаловать.

– Католики месяца на два опоздали с униатским священником, – рассказывал батюшка о том периоде свой пастырской службы, – подогнали его, а уже поздно. Я служу, крещу, венчаю, владыка храм в бывшем доме культуре освятил... Поначалу даже своего кадила не было, на прокат брал. С помощью прихожан, на их пожертвования, начал обзаводиться служебной литературой, церковной утварью. Дело пошло. Храм есть, священник есть, матушка воскресную школу ведёт.

Униатского священника ни разу не видел. Некто Бурмин. История его, как рассказывали, была следующей, служил,

то ли в Воронеже, то ли в Курске, поскандалил с епископом... Похоже, был из категории вечно недовольных. Католики подсуетились и переманили обиженного к себе. И отправили в Омск. Сколько-то покрутился у нас, потом исчез, но перед этим случился с ним досадный, в прямом смысле болезненный казус. Да такой, что дело дошло до суда. Началась история в Казачьем соборе, ничего умнее не придумал Бурмин, начал всенародно на владыку Феодосия насканькать. Владыка разговаривать не хочет, он нагло вяжется, будто не митрополит перед ним, а ровня. Есть такие натуры, его в дверь, он в окно. Владыка возьми и обратись к казакам: усмирите хулигана. Казачки, бравы ребяташки, не заставили себя второй раз просить, смутьяна под белые руки и на выход...

Я не был свидетелем этой сцены, но её последствия коснулись меня самым болезненным образом. В тот раз владыка изъявил желание съездить к нам в поселок на престольный праздник, послужить архиерейскую службу. С ним целая свита: священники, хор, диакон, иподьяконы. Всё как полагается. У владыки машина, да только он в автобусе со всеми разместился. Путь длинный, сто километров, а владыка любил скрасить дорогу разговорами с паствой. Он и в церкви едва не каждый день служил, и вне храма любил общаться с народом. В машине удобнее ехать, нет, он со всеми вместе. Я тоже в автобусе разместился. Не успели отъехать, владыка достаёт газету.

– Сегодня купил местную газету, – начал вещать на весь салон, при этом многозначительно на меня глянул, я напротив сидел, – начинаю читать газету, – продолжает, – а в ней прелюбопытнейшая статья... Очень даже интересная, касается нашей с вами епархии...

Само собой, в киоск за газетой владыка не ходил, принесли и на стол положили. Но это мелочи. Взгляд владыки, что бросил в мою сторону, насторожил меня – неспроста всё это. Так и оказалось. Владыка демонстративно разворачивает газету и дальше вещает:

– В статье пишут, что какого-то Бурмина, униатского священника, омские казачки вздули. Нагайкой болезного выпороли. Что казачки экзекуцию совершили – это нас с вами не касается, у них своя епархия, нам до них никакого дела нет, пусть сами разбираются, правильно вздули или превысили должностные полномочия. Но что знаменательно, в порке участвовал наш священник иерей отец Виталий Кузнецов.

Я задохнулся от наглой грязной лжи. Какая нагайка? Какая порка? Какая экзекуция? Захотел своими глазами удостовериться, что пишет газета, вскочил со своего места:

– Владыка, дайте посмотреть.

– Успеешь, сначала сам прочитаю. Видите...

При этом поднял над головой газету и показал автобусу фото. Большая фотография, на ней изображена исполосованная розгами ли, бичом или нагайкой спина. Казаки, как

потом выяснилось, на самом деле Бурмина проучили. Высыпали ему горячих за непотребное поведение в храме и непочтительное отношение к митрополиту. Прошлись нагайкой по мягкому месту. Понятное дело, даже если бы brave казаки задокументировали факт порки на фотоаппарат, газете не предоставили бы снимок, себя обличающий. Журналисты от фонаря нашли где-то фото какой-то спины и поставили для иллюстрации скандального материала.

Весь пафос статьи был направлен не на казаков, вообще ни одной фамилии не называлось, а на меня. Автору доложили, что я с казаками дружбу водил ещё до принятия сана. Тут газета не врала, на самом деле первые организационные собрания казаков проходили в Крестовоздвиженском соборе. Я в них участвовал. Мне омские казаки, кто начинал движение, глянулись – мужики толковые, деловые. Ездили, как уже говорил, на войну в Приднестровье... Те, кто спроворил публикацию в газете, кто стоял за священником-униатом, знали моё отношение к казачеству. На этом сыграли. Нашли журналиста, который жареный факт порки Бурмина повернул в нужном ракурсе, и меня приплёл в качестве участника экзекуции. Статью была организована с провокационным прицелом – опорочить меня и убрать из посёлка. Тем самым расчистить католикам поле.

Владыка показал фотографию автобусу и дальше читает. Да с выражением подаёт текст, с театральными паузами. Это он умел.

– Казаки на широкой лавке разложили Бурмина, задрали ему рясу, стащили штаны. Отец Виталий Кузнецов решительно взял нагайку, именно ему предоставили право начать экзекуцию, размахнулся и со всей силы нанёс несколько ударов... На обнажённой спине и ниже вспухли багровые полосы, выступили капли крови... «Вот тебе! Вот тебе», – приговаривал иерей Кузнецов с каждым ударом.

Как потом выяснилось, ничего кровавого в статье в помяне не фигурировало, владыка от себя красочно нарисовал картину порки. На самом деле приводился лишь факт моего участия в экзекуции, никаких подробностей не описывалось. Была также фраза, что священник отец Виталий ходит с нагайкой, есть у него и сабля. В следующий раз может и её пустить в ход. Тоже чистейшей воды враньё. У меня была нагайка, когда в казаках ходил, но не носил её с принятием сана.

Автобус едет, я сижу бледный как мел.

Жена испугалась, шепчет: «Успокойся! Успокойся!»

Какое может быть спокойствие!

– Владыка, – говорю, – я подам в суд на газету за эту наглую клевету! Ни одного слова правды нет в статье. Меня там близко не было во время порки. И не могло быть. Ложь с первой до последней строчки. Чтобы я кого-то порол нагайкой!

Владыка одобрил.

– Подавай-подавай! А то уж совсем тебя тут разрисовали.

Хоть сана лишай.

Он, естественно, знал все подробности дела, что я никаким боком в нём не участвовал.

Друзья нашли хорошего адвоката. До сих пор с ним общаемся. А его сын стал моим духовным чадом. Состоялось несколько заседаний суда. Потерпевший Бурмин ни на одно не явился. Постоянно ходил адвокат газеты, два раза присутствовал главный редактор. В конце концов газета написала опровержение, что факты не подтвердились, мне принесли извинения.

Как только вышел номер с опровержением, я с ним поехал в епархию к владыке Феодосию.

– Вот и хорошо, – сказал владыка. – Надеюсь, с нагайкой и шашкой, больше не ходишь?

– Я и не ходил.

– Правильно, и впредь не ходи, а то напишут, что ты шашкой курей рубишь в посёлке, за свиньями почём зря гоняешься!

***

Год отец Виталий был настоятелем храма в районном посёлке, потом владыка отправил туда другого священника, батюшку вернул в Крестовоздвиженский собор. Где и служил он до той поры, пока не угораздило выдвинуться кандидатом в депутаты Горсовета.

Под покровом Божиим

В разговорах с батюшкой мы нет-нет да и вспомним владыку Феодосия, митрополита Омского и Тарского. Ничего удивительного, владыка – эпоха в истории епархиальной жизни Омска.

– Был он пусть и не без греха (а кто из нас святой?), но удивительный пастырь, – с удовольствием предаётся воспоминаниям о владыке батюшка Виталий. – Проезжаем в глухую деревню, бабушки нарядные, в платочках стоят у дома. «Давай-ка, – говорит владыка водителю, – остановимся». Представляешь, удивление старух, владыка выходит из машины, и прямым ходом к ним. Оказывается, бабушки собрались на поминки. Их односельчанин, Пётр, год назад в этот день преставился. «Крещёный?» – спрашивает владыка. «А как же – крещёный! Церковь у нас в тридцать четвёртом порушили, а он с восемнадцатого». – «Давайте панихиду отслужим!» – предлагает владыка. Заходим в дом. Старенький, но не ветхий. «Пётр после войны поставил», – говорит хозяйка. Пётр был дитя своего века, воевал, пахал землю на тракторе, строил дома, детей растил. Панихиду по Петру с владыкой отслужили. Хозяйка пригласила за стол. Карасиков поели, грибов. Владыка ест да нахваливает. Пока в эту деревню не заехали – торопились в Омск, а тут владыка все дела отложил... Помянуть раба Божьего Петра ему было важнее. Вот поэто-

му, куда бы он ни приезжал – толпы людей собиралось. Однажды, вот так же взял меня с собой в район, на разных машинах отправились. Он вперёд уехал, машина, на которой я добирался, сломалась, опоздал на службу. Приезжаю, а храм битком набит. Мне в алтарь надо, людей столько, невозможно пройти. С огромным трудом, казаки помогли, пробился.

С восхищением батюшка говорит о пристрастии владыки к купанию в проруби. Тот факт, что митрополит большой любитель рыбной ловли, я узнал от монахини Ачаирского монастыря матушки Евфимии. Она и сама любила на монастырском пруду с удочкой посидеть. Владыка Феодосий, приезжая в монастырь, обязательно уделял время рыбалке. Здесь был сродни святому Симеону Верхотурскому, которого на иконах изображают с удочкой на берегу. Пристрастие к рыбалке владыка не афишировал. Тем более – моржевание. О его зимних заплывах знал очень узкий круг.

– Одно время, ещё до рукоположения, – вспоминает батюшка, – жил я у владыки во флигеле. Как понимаю, он тогда присматривался ко мне: что я за птица? Когда приехал на Омско-Тюменскую кафедру, у нас в области было всего шесть священников. Надежды, что к нам повалят выпускники семинарий из Москвы, Ленинграда и Одессы (других не имелось), не было. Владыка решал кадровые проблемы сам. Видит, из человека может получиться батюшка, начинал его исподволь обрабатывать, потом рукополагал в диаконы, в священники. На меня тоже глаз положил. Расспрашивал о

моей жизни, о поездке в Одесский Свято-Успенский монастырь. Я рассказывал ему, в том числе и какие-то неприглядные моменты из своей биографии. «Мне, – говорю, – такому как в иереи идти?» – «Все мы не без греха, если искать идеальных для рукоположения – некому будет служить в церквях». Зимой каждое утро владыка ездил в парк Победы к проруби. Меня брал с собой. Мне, сибиряку-уральцу, смотреть на прорубь холодно. Нырнуть в иордань на Крещение – для меня подвиг. Чем только в жизни не занимался, прорубь – не моё. А он с Западной Украины и плавает у кромки льда. «Виталий, – скажет, – присоединяйся, какая благодать!» Мне сорок было, казалось бы – кровь горячая, но несколько не манило пробовать, а ему под семьдесят. Я в полушубке, шапка на уши натянута, ногу об ногу постукиваю, пальцы заоченели в ботинках. Он ещё и беседу со мной из проруби ведёт.

В ту встречу с батюшкой Виталием заговорили мы о девяностых годах. Батюшка начал разговор с владыки Феодосии. – Захожу к нему утром на Успенского, 26, пригасил к столу. Чай пьём. В то время шла борьба за Казачий собор, город сопротивлялся, не хотел отдавать. Газеты подняли гвалт: культурный центр, лучший в Сибири органнй зал. Наехать на церковь газетчикам только дай. Случалось, за публикациями стояли тёмные личности. Были у владыки проблемы по церквям и зданиям, территориям. Спорит с церковью, скажем, коммерческая структура, а не исключено, что за ней

криминалитет. Владыка в то утро говорит: «Знаешь, Виталий, побаиваюсь, как бы братки не пришли и не стали с меня что-нибудь требовать. Кто знает, что у них в голове». Владыка опасался, вдруг скажут: у вас лавки церковные есть? Есть. Торговлю ведёте? Ведёте. Надо делиться, чем вы лучше других, а мы будем вас охранять. Или пригрозят: вам лучше, прекратить тяжбу по тому или иному спорному вопросу, за землю или здание. Но Бог миловал.

Братки тема для батюшки Виталия не абстрактная.

– Не один раз приходили ко мне, слава Богу, не с наездом. Они тоже не сплошь отмороженные, как в кино показывают, чуть что, выхватывает пистолет и море трупов, после чего идёт на бильярде играть. Как-то сижу в келье, заходят три парня. Крепкие, спортивные. На них лица нет – бледные, перевозбуждены. Что, говорю, случилось? Оказывается, убили их товарища. Общий знакомый два дня как вышел из колонии... Пять лет сидел, освободился и наехал на их друга, у того кафе, а вчерашний зек стал требовать, тут, дескать, и моя доля, давай делись. Пока срок сидел, многое поменялось, а он мыслил прежними категориями. Владелец кафе возмутился: с чего это я должен тебе платить? И получил нож в сердце. «Батюшка, – спрашивают меня парни, – что делать? Мы должны его убить!»

Можно сказать, за благословением пришли.

«Вы, – говорю, – целые? Целые, ну и идите с миром. Грех на душу не берите, а убийце воздастся по делам его».

Через день приходят снова: «Батюшка, убийцу милиция повязала, в СИЗО сидит».

Слава Богу, говорю, вы кровью себя не запятнали. Один давай сень благодарить, будто я не знаю что им сделал.

Был случай, один специально из Москвы приехал. По осени. Машина мощная, вся в грязи. Двое суток гнал, и, получается, – думал по дороге о жизни своей многогрешной.

«Батюшка, – говорит, – приехал покаяться». Спрашиваю: «Никого не убил? – «Нет». – «Ну и хорошо».

Потом задаёт вопрос: «А если стрелять в человека придётся?» Он охранником служил при каком-то авторитете. Получается, где у него совесть находится, там не лопух вырос.

«Если у тебя, – говорю, – есть официальное разрешение на применение оружия по должностным обязанностям и возникнет угроза жизни твоему охраняемому объекту, действуй в соответствии с инструкцией...»

Посмотрел мне в глаза долгим взглядом, вздохнул. Не было у него никакого разрешения. Что интересно, специально из Москвы приехал на исповедь. «В Москве, – говорю, – почему не исповедовался? Там батюшек в десятки раз больше, чем у нас». – «Мне так проще».

С братками батюшка рассказал ещё такой случай. Была в соборе прихожанка тётя Нина. Из тех белых платочков, кто в церкви с молодых ногтей. Она и в молодости не шибко боевой была, в старости оказалась в положении, о котором говорят: любая курица обидеть может. Сначала мужа похоро-

нила, потом сына. Осталась одна одинёшенька. Пришла на исповедь к отцу Виталию, расплакалась.

– Великий пост, батюшка, а я грешу – гневлюсь, осуждаю, никакая молитва в голову не идёт! Да и как не согрешишь тут...

Жила тётя Нина в своём доме. По доброте душевной пустила на зиму мигрантов из Казахстана. Полдомика пустовало, когда-то сын во второй половине жил. Подумала – полегче будет. Какие-никакие деньги дополнительные. Да и всё не так боязно, не одна во всём доме. Сначала квартирантов было трое, потом целый табор добавился. Месяц живут, не платят, отговариваются – «потом-потом», второй месяц – «потом-потом». Видят, за бабушку некому заступиться. И на дрова деньги тратить не хотят, сначала все деревяшки, что были во дворе, сожгли, затем давай забор на топку разбирать, попутно приворовывали хозяйкин уголёк. Тётя Нина зиму терпела, весной принялась спроваживать квартирантов, дескать, мы договаривались до весны. Они смеются: бабуля, иди отсюда не мешай нам жить.

– К участковому пошла, – рассказывает тётя Нина батюшке, – тот, как мои квартиранты, сам из казахов, говорит: «Будут убивать, тогда, другое дело, тогда зови. А так, что я им скажу? Вселились не самозахватом, сама впустила, вот и разбирайся...» Что мне, батюшка, делать, куда идти?

– Скажи им, – сказал батюшка, – отец Виталий даёт три дня, чтобы съехали!

На ультиматум из церкви квартиранты расхохотались тётё Нине в лицо: «Ой-ой-ой, испугались твоего попа до мандража в коленках!»

Обнаглели товарищи из бывшей братской республики.

У батюшки в то время появился подержанный «Форд», ниже расскажем, как пригнал авто из Германии, тоже интересная история. Гаража у батюшки ещё не было, держал машину на автостоянке. Владельца автостоянки знал по спортзалу. Звали того Виктором. Батюшка и после рукоположения по возможности не оставлял спорт, ходил в тренажёрный зал. Считает, нагрузки в церкви преодолевал благодаря тому, что постоянно старался держать себя в форме. Сама атмосфера спортзала вдохновляла: гул голосов, команды тренера, лязг блинов штанги.

– Переступишь порог спортзала, – делился батюшка спортивными эмоциями, – окунёшься в эту волну звуков, запахов, возгласов и праздник на сердце: мышцы просят нагрузки, требуют движения. Иду к штанге, тренажёрам, а то перчатки надену – по мешку постучу. Бывало, прихожанину надо мозги вправить – к бутылке пристрастился или впал в уныние – тащу в спортзал или в бассейн. Кому-то помогало.

Владелец автостоянки Виктор, было ему лет тридцать пять, тоже ходил в тренажёрный зал, активно нагружал себя. Немного боксировал. Как-то звонит: «Батюшка, надо отпеть друга». Батюшка пришёл на отпевание и стало ему яснее ясного: хоронил Виктор не просто друга, а братка. Вокруг гро-

ба такие же, и сам Виктор в авторитете среди них.

В тот вечер батюшка машину поставил на автостоянке, Виктор к нему подходит, разговорились. У батюшки тётя Нина с дерзкими квартирантами не шла из головы. Поделился с Виктором, посетовал:

– Мой авторитет для них плюнь да разотри, дал три дня, чтобы съехали, они смеются: поп будет нам условия диктовать!

– Ну, борзота, – Виктор возмутился. – Но ты, батюшка, не парься. Пошлю туда пацанов. Тебе ехать ни к чему, разговор будет матершинный. Давай адресок бабушкин, не вопрос. Беспредельщиков надо учить уму-разуму.

На помятом листочке размером с пачку сигарет записал адрес. Через день тётя Нина в церковь прилетела:

– Батюшка, спасибо-спасибо, съехали.

«Пацаны» Виктора дали квартирантам три часа на сборы, погашение долга и освобождение жилплощади, с обязательным мытьём полов после себя.

Тётя Нина не знала, как благодарить:

– Ой, батюшка, спаситель вы мой, гора с плеч. Пять месяцев в своём дома, будто у чужих людей. Их как кипятком ошпарили. В сумки вещи как попало бросают, друг другу мешаются, одна кинулась пол мыть. Матрасы, одеяла во двор выносят. Дело к вечеру. Говорю: «Подождали бы до утра». Кого там! Машину подогнали, «газель» эту и только след простыл.

Часа за полтора до контрольного срока сдуло квартирантов, как и не было. Печки и ту почистили, золу выгребли.

– Самое-то парадоксальное, – говорит батюшка, – в девяностые годы что-то можно было решить. Сейчас хуже беспредел. Человек оформил землю, построил дом, его выбрасывают с участка – сделка незаконная. Как незаконная, подписи всех инстанций есть, официально всё оформлено. Участок приглянулся влиятельному человеку с мешком денег, он задумал что-то своё построить, и все вопросы, в том числе и в неподкупном суде, решил без проблем.

Поведал батюшка ещё оду историю. В конце девяностых позвонил ему хороший знакомый из Новосибирска со следующей проблемой. Омский завод пригласил из Новосибирска бригаду специалистов по наладке оборудования. Специалисты уникальные, в Омске таких нет. Дело происходило в первую волну удушения промышленности, государственные заводы, стремясь выжить, химичили – открывали дочерние предприятия, фирмочки со своими счетами. Таким макаром уходили от налогов, кредиторов. Бригада заключила договор через такую фирму. Связным звеном от её имени выступал мутный, суетливый из себя типчик. Бутерброды мужикам возил, когда те допоздна работали, чаем поил, анекдоты рассказывал. Всё было хорошо до поры, пока специалистам по завершении работ не начислили хорошие деньги. Тут-то типчик превратился в конкретного рэкетира. «Ребята, – говорит, – всё нормалёк. Теперь надо пятьдесят про-

центов от начисленной вам суммы отдать, иначе вообще ничего не получите». Понятно возмущение мужиков. С какого перепугу должны честно заработанные деньги делить на два и отдавать какому-то дяде, который и рядом не стоял. С рабочей прямолинейностью послали пройдоху по далёкому адресу. Ни копейки, мол, не дадим – не мечтай. Мутный тип сам пошёл в наступление, начал угрожать: «Вы, дорогие новосибирцы, не знаете, с кем связались. Да вы до дому живыми не доедете. Придут братки, мало того, вас покалечат, ещё и до ваших жён-детей доберутся. Адреса-телефоны ваши у меня аккуратненько переписаны. Всё под контролем. Лучше не дёргаться и сделать по-хорошему».

– Для меня край, – рассказывал ту историю батюшка, – когда начинают детьми стращать. Для решил встретиться с рэкетиром, посмотреть, что за птица. Сразу понял, не высокого полёта. «Вижу, – говорю ему, – ты кому-то подшестёриваешь. Не будем темнить, скажи – кому?» Он называет имя. Я не знал этого человека и решил блефовать: «Давай, – говорю, – сделаем так. Сейчас едем к Некрасу, тут недалеко его похоронное бюро и там порешаем...» Стоило мне сказать «похоронное бюро», рэкетир насторожился. Наверное, подумал, там его и прикончат. Из собора часто приглашали на отпевание в одно похоронное бюро. Времена были боевые – разборки, стрелки, перестрелки – братков частенько хоронили, труда не составило мне понять, что владелец похоронного бюро из этой среды. Для пущей важности назы-

вал типу ещё и Виктора, который тётю Нину спас. «Можно, – говорю, – к нему обратиться, с ним перетолковать, если Некрас тебя чем-то не устраивает». Озадачился мой собеседник. «Я, – говорит, – подумаю, перезвоню вас». Расстались. Через пару часов звонит: «Всё, батюшка, нет вопросов». – «Вот и хорошо, – говорю, – если кого из ваших бойцов отпеть понадобится, приглашай».

Пора нам перейти к рассказу, как батюшка машину гнал из Европы. В девяностые годы в церковь потянулся разный люд: и профессора, и учителя, и врачи, и братки. Последние отличались манерой поведения, одеждой, любили кожаные куртки, короткие стрижки. За ними стояли люди более серьёзные, тех сходу можно было и не распознать, какого они поля ягоды.

– Был такой Игорь Павлович, – рассказывал батюшка о прихожанине, – поначалу я и не понял, из какой он сферы. Бывал на праздничных службах, причащался. Потом-то узнал, его ребята гоняли машины из Германии. Я тоже в один момент подумал, что я не мужик, пригоню себе машину. В Германии можно хорошую подержанную взять. Меня как раз тогда владыка настоятелем храма в районе поставил. Служил там по субботам и воскресеньям, а в будние дни – в соборе. Иначе было не прожить. Приходилось туда-сюда ездить. Как бы хорошо свои колёса иметь. По большому счёту, автомобили – не моё, никогда тяги к технике не было. Вроде инженер по образованию... Брат Александр удивлялся мне, как

можно без машины? Пусть хоть плохонькая, но обязательно должна быть. Я и на права сдавать пошёл лет в тридцать пять за компанию с ребятами. Права есть, опыта водительского никакого, если сажусь за руль, как в первый раз. Но решил взять машину – не боги горшки обжигают. Знающие люди сказали, откуда лучше гнать – из Германии. Около Щецина есть небольшой немецкий пограничный городок, туда советовали ехать.

Приезжаю и встречаю парней из Омска – Валеру и Гену. Тогда-то и узнал, что они под Игорем Павловичем ходили. Валеру я за полгода до этого крестил. Парни брали хорошие машины, пусть не новые, но хорошие, мне такие не по деньгам, я, можно сказать, со свалки покупал. Не значит – хлам, просто люди отъездили своё, или модель устарела, или захотелось шикарнее авто. От старого избавляются. Появились фирмочки в Германии, которые занимались перепродажей. Половина бывшего Советского Союза ездили за машинами в Европу. Выбор у меня был брать «тойоту» или «форд». Валера с Геной вызвались помочь. Валера поездил на обеих машинах.

– Бери, батюшка, «форда», – посоветовал, – как игрушка! В хороших руках был.

Они тоже выбрали себе машины, вместе мы доехали до границы с Украиной. Дальше ехать было небезопасно. Времена бандитские, на каждом перекрёстке могли тормознуть – плати дань за проезд. Бывало, из машины выкидывали: нам

она нужнее. Парни говорят:

– Батюшка, один не езд. Подожди нас, вместе надёжнее. У нас стволы с собой, мы знаем, где и как лучше ехать, а ты врьюхаешься в какую-нибудь историю.

Валера с Геной тормознулись на границе ждать своих. Должны были подъехать несколько машин из Польши и Германии. Потом караваном шли до Омска. Я торопился, ждать попутчиков не захотел. Поеду, думаю, с Божьей помощью.

– У вас, – говорю, – стволы, а моё оружие – крест.

Ночь в отеле на границе переночевал и поехал. Рано утром поднялся, помолился...

Поначалу ехал осторожно. Парни, когда к границе с Украиной шли, постоянно иронизировали:

– Батюшка, не жмись к обочине, не жмись, а то вылетишь с дороги. Уверенней держись!

Хорошо говорить «уверенней», если ты много лет за рулём, а тут вообще никакого опыта.

Ну-да не боги горшки обжигают, уже в первый день на Украине стал чувствовать машину, дорогу. Машина скоростная, сто двадцать идёт, как шестьдесят. Хорошего качества «форд» попался. Пусть для немцев модель вчерашнего дня, для меня – в самый раз. Мотор работает как часики. Начал я поддавать газку, надоело плестись, все обгоняют, да и домой нетерпится быстрее попасть. Лишний раз поесть не останавливался. Набрал с собой колбасы, хлеба, булочек. На ходу пожую, воду из бутылки попью.

В одном месте заметил впереди белую «тойту», идёт хорошо, умело маневрирует. Чувствуется, профессионал за рулём. Где-то прибавит скорость, где-то наоборот сбросит и, оказывается, неспроста – пост ГАИ на пути. Удобно с таким ведущим. Я в хвост пристроился и гоню довольнёшенек, какой хороший попутчик. Однако у того, а в «тойте» грузин за рулём, возникли подозрения: что это вдруг «форд» прилип как банный лист и не отстаёт? Мысль тогда у всех на дороге работала в одном направлении – только бы не угодить в лапы бандюкам. Что можно подумать, если тебя неотступно преследует кто-то. Грузин, а звали его Георгий, не выдержал, остановился. Я – тоже.

– Ты, что, дорогой, прилип ко мне, – спрашивает, – как парень до девка?

По-хорошему спросил. Он тоже машину из Германии гнал. Сам из Подольска.

– Не переживайте, – говорю, – я вожу плохо, а вы хорошо едете, дорогу знаете. Удобно за вами идти.

Рассказал, что я из Омска. Мы почти весь день в паре шли. Останавливались заправляться вместе, потом он предложил в столовой поесть, знал, где прилично кормят.

Ближе к вечеру мы потерялись. Я свернул не на ту дорогу, пришлось возвращаться. И вот тут, как Валера говорил, я «врюхался». Нет, не на сборщиков дани попал. Кстати, ни на одном перекрёстке лихие ребята не остановили. Произошла другая напасть. Подвела самоуверенность. Показалось, ма-

шину я чувствую на все сто, скоростной режим нипочём. Начал запросто обгонять. Двигатель приёмистый, чуть нажал на газ, летит.

На одном участке впереди меня целый ряд машин медленно плелись друг за другом, я стал обгонять одну за другой. И вдруг передо мной резко выруливает «мазда»... У меня два варианта, либо в неё на скорости врезаться, либо влево руль взять, уйти от столкновения. Левее беру, но машину на трассе не смог удержать, колесо съезжает с асфальта, попадает на грунт, и я лечу. Откос настолько высокий, что потом даже пытаться не стали заезжать на него с обочины. Лечу как в самолёте, в мыслях: «Господи, как это глупо, так хорошо ехал...» Удар, машина какое-то время на двух левых колёсах едет, как в автошоу. Думал: сейчас перевернусь кверху колёсами. Нет, машина на четыре встала. Проехала вперёд, оставляя за собой чёрную колею, остановилась. Грунт не жёсткий на моё счастье, почва как осушенное болото, чуть влажная. Тут же вверху на дороге остановился джип. Выходят из него три парня в футболках. Сразу видно – качки. И физиономии соответствующие.

Я в подряснике.

– Батюшка, – говорят, – давай мы его догоним и морду набьём. Видели, как он на тебя выскочил!

– Бить морду, – говорю, – не надо, лучше помогите отсюда выбраться.

Самого колотит – такой удар по нервам.

Один спустился ко мне, сел за руль, далеко пришлось по обочине ехать, прежде чем попался въезд на трассу. Братки осмотрели мой «форд». Я-то думал, после такого удара масло побежит, что-нибудь приключится с двигателем. Ничего подобного. Что-о там подкрутили.

– Доедешь, – говорят, – до своего Омска. Только, батюшка, сломя голову не лети.

Тогда братков на дорогах хватало. Машины гоняли, за теми, кто гонял, гонялись...

Ещё одних встретил ещё раньше, в Щецине. С Геной и Валерой остановились переночевать. Следом к отелю подъезжают на трёх машинах русские парни, как оказалось, из Смоленска. Один в годах, старший у них, и ещё четверо. Машины гнали. Кроме этого везли бытовую технику. На джипах, а в них холодильники, микроволновки... Машины вместительные и под завязку забитые. На всём зарабатывали.

Старший, ему под пятьдесят, подошёл:

– Батюшка, освяти, наши машины.

Парни заухмылялись:

– Седой, на Бога надейся, да сам не плошай!

– Вы не лыбтесь, не лыбтесь, – приструнил старший, – спасибо потом скажете.

В дорогу я всегда брал кадило, святую воду, требник. Кропила не было. Сделал импровизированное из веточек. Освятил машины.

Останавливаться на ночь в отеле они не стали, торопи-

лись. Поужинали в кафе и поехали в ночь. У Седого сын служил в армии, в Подмосковье, в Болшево, он собирался сразу из Смоленска к нему сгонять.

По теории вероятности я не должен был с ним больше встретиться, но...

Перед Вязьмой остановился набрать в источнике воды. Возвращаюсь к машине, а дорогу переходит Седой. За водой идёт. Он уже успел смотаться к сыну, ехал домой.

Обнял меня.

– Батюшка, как хорошо, что ты машину мою освятил.

И рассказывает, они в Белоруссии летели по трассе. Дороги там отличные, но и на старуху бывает проруха. Седой угодил в выбоину. Собственно, не выбоина, кусок асфальта провалился, подмыло или грунт слабый. Одним колесом на скорости угодил в яму. Колесо от удара покорёжило, но машина чудом не перевернулась, осталась на дороге.

– Я с восемнадцати лет за рулём, в автороте служил, – рассказал Седой. – Кусок асфальт ушёл вниз, песок был виден. Попасть со всей дури в такую яму и не пойти винтом, такого быть не могло... Колесо всмятку. Пацаны вышли из машин: «Ну, Седой, ты везунчик!»

– Это им в назидание! – говорю. – А то ухмылялись!

– Так и сказал оболтусам!

Меня как родного ещё раз обнял:

– Спасибо, батюшка! Будешь в Смоленске, заезжай.

Чиркнул на бумажке адрес. Сели по машинам, разъеха-

лись в разные стороны. Как тут не подумаешь: все мы для Бога дети – священник ты или браток, все под Его заступничеством, под Его покровом...

Евгацино, век XXI

Я наконец-то сподобился побывать в Евгацино, не для написания сценария об иерее Багинском, на который вдохновляет меня батюшка Виталий. С оказией попал в Большеречье, С оказией попал в Большеречье, заговорил об Евгацино, о его прошлой самобытности, и друзья предложили посмотреть село своими глазами. Евгацино славилось до революции, как говорилось выше, ярмарками и крупными купцами, которые и сделали его известным. Само по себе небольшое, менее полутора тысячи жителей, в конце XIX, начале XX веков оно превратилось в экономический центр целой округи. Евгацинское сливочное масло хозяйки Европы брендом выставляли на стол. Они знать не знали, где Евгацино находится, безбожно перевирали название села, ударение ставили на последний или предпоследний слоги, при этом пальчики облизывали от сибирского масла. Чаше можно прочесть про вологодское масло, которое в дореволюционные годы на ура шло в заграницах. Евгацинское не уступало по изысканному вкусу и популярности. Ясное дело, молочко у коровки на языке. По ватсапу ходит видеоролик. В бокале жидкость, цветом напоминающая чайную заварку, её выплеснули в десятилитровое ведро воды, и чудо – прозрачная водичка на глазах приобретает молочный цвет. И вкус, как сказал комментатор, размешав ложкой бурдомагу, молочный. Вот оно

так называемое «китайское молоко». Можно ли из него приготовить масло – трудно сказать. Разве что китайское. Разнотравье на лугах близ Евгацино произрастало на удивление, местные коровки, с удовольствием щипали его, жевали в результате получалось отменное масло. Ушлые иностранцы ехали в Евгацино с желанием сделать быстрые деньги, скоренько разбогатеть на поставках завоевавшего сердца европейских хозяек молокопродукта. А ещё более ушлые европейцы вообще сидели на месте, в Тартарию не ездили, они выдавали за евгацинское масло фальсификат. Мошеннические методы хитроумных китайцев уже тогда имели место быть.

Я отказался от провожатых, сам по себе бродил по селу, и фантазия моя разыгралась – представил на улицах Евгацино иерея Виталия Багинского. Будто он через сто лет после своего бегства с колчаковцами, чудесным образом снова оказался на этой земле. Ходит по селу, сравнивает, что было в годы его пастырской службы, что стало в коммунистические восьмидесятые годы XX века (помните, один раз я «забрасывал» мятежного священника в Евгацино), и во что превратилось село в демократическо-либеральном XXI веке.

Смотрит гость из прошлого на картины настоящего и ничего другого не приходит в голову – Мамай прошёлся по селу. Безжалостный, враждебный, злобный Мамай. Уничтожил оба кирпичных завода, следа не осталось. Не работают маслозавод и нефтебаза, от них кое-какой след остался.

Тогда как профессионально-техническое училище разобрали до основания. Канул в лету, ушёл в историю села промкомбинат. Как радовался батюшка, когда тридцать лет назад услышал пение хора из окна детской музыкальной школы. Музыка батюшка любил трепетно, считал, все дети музыкально одарены от Бога, в каком бы медвежьем углу ни жили. Дай ребёнку вовремя в руки скрипку, гитару, фортепиано, научи... Любил детские ангельские голоса на клиросе... На месте евгашинской музыкальной школы одни руины. Если звучат здесь песни, исключительно пьяные... Валяются среди битого кирпича пустые бутылки, пластиковые стаканчики. Похоже, укромное место облюбовали евгашинские колдыри-пьянчужки. Батюшка грустно улыбнулся неожиданно выскочившему из памяти словечку – колдырь. Интернат, в котором много лет жили ребяташки из соседних деревень, зиял оконными проёмам. Живёт в нём один бродяга ветер.

«Но ведь нельзя вот так!» – воскликнул батюшка, ему захотелось вскочить в седло, как в Гражданскую войну...

Из двух детских садов остался один. Закрыто детское отделение в больнице. Поликлиника фактически превратилась в фельдшерский пункт. Из специалистов фельдшер да стоматолог. Времена, когда работали здесь хирург, педиатр, терапевт и гинеколог канули в лету. «Расстреливать за это надо!» – снова закипятился батюшка. Вспомнилось евангельское, из послания апостола Павла к Титу: «Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от ве-

ры и хуже неверного». Батюшка подошёл к дому с главкой, увенчанной крестом, перекрестился. Тяжело было на сердце, страшно тяжело. Село показалось уставшим, постаревшим, утомлённым, без будущего... Мало деток, мало молодых...

Он воевал ровно сто лет назад за республику, парламент, свободные всенародные выборы, свободу предпринимательству. И проиграл большевикам. За него отомстили через семьдесят лет, скинули большевиков, и сегодня торжествуют победители его победителей. Есть республика с парламентом, президентом, полной свободой для крестьянина – сей хлеб, выращивай скот, делай масло для себя и Европы. Но заросли евгашинские поля кустарником, луга дичают. Коров сельчане не держат. От совхоза остались одни слёзы. Фермеров нет. Какое там масло в Европу, для себя возят незнамо откуда, незнамо из чего сделанное, скорее всего по китайской молочной технологии, по которой пальму вместо коровы доят.

Перед Евгашино посетил батюшка Омск. Восстановлен красавец Свято-Успенский собор, восстановлены Воскресенский военный собор, часовни Серафимо-Алексеевская и Сергия Радонежского, с крестами стоит Казачий собор. Служатся литургии, всеночные, много священников... И ещё больше колдунов, экстрасенсов, магов, сектантов, воров, мздоимцев. Строятся новые церкви, но закрываются заводы, в их корпусах магазины, рестораны, ночные клубы.

В отдельные моменты батюшка чувствовал бесов. Дар от-

крылся, когда сидел в минусинской тюрьме. В минуты особого напряжения, невидимый мир проступал перед глазами, батюшка начинал видеть контуры врагов. Создатель не показывал всю мерзость тёмного мира, лишь приоткрывал завесу. Омск кишел бесами. Будто кто-то разворошил огромный пузырь, сотканный осами, и пустил жалящий многомиллионный рой на город. Бесы-осы с отвратительными физиономиями настигали людей, и впрыскивали яд властолюбия, зависти, жадности, похотливости, злобы. Бесы сторонились церкви, редко какой проникал вовнутрь, во всех остальных местах чувствовали себя вольготно – город находился в их власти.

Багинский, пройдя по Евгацино, спустился к Иртышу. С детства любил смотреть на пляшущее пламя костра и движение речной воды. Иртыш был пустынным. Ни кораблей, ни барж, ни моторных лодок. Подумалось: так было при Ермаке. Такое же поле воды, заросли тальника по берегам и ветер над ними... Когда его бросили в двадцать седьмом году в тюрьму, в первую ночь приснился сон, плывёт с женой и детьми на лодке от Евгацино на другую сторону. Вдруг налетает ураганный ветер, поднимает высокую волну, он не успевает повернуть лодку носом к ней, стремительный вал бьёт в борт, лодка переворачивается. Утонули он и два сына, старший и младший, трое остальных детей и жена спаслись. Старший сын был расстрелян вместе с ним, младшего арестуют в тридцать девятом году, и тоже расстреляют.

Безбожная власть, которая расстреляла его, уничтожила его сыновей, навсегда разлучила с женой и детьми, повержена, ушла в прошлое, но на смену ей пришло ещё безбожнее время...

«Неужели церкви открываются для того, чтобы пришли к вере и покаялись последние христиане, которым Бог милостиво даёт возможность спастись перед концом света, – думал Багинский, глядя на пустынные воды Иртыша. – Затем начнутся подмены, о которых говорит Апокалипсис: храмы заполнят лжепастыри и начнут прославлять зверя-антихриста, его чудеса, его власть, выдавать за мессию, а людей клеймить печатью зверя...»

Канон Андрея Критского

Снова я приехал к батюшке Виталию в офис. Мы пьём чай, ведём неспешный разговор. Последние наши беседы обязательно рано или поздно выходят на тему «власть и церковь». Сделав попытку сходить во власть, батюшка много думает над этой проблемой. Многие годы политикой не интересовался, был далёк, сторонился, считал, не дело священника, без него есть кому разбираться, однако погрузившись на короткое время в эту сферу, пришёл к выводу – нельзя дистанцироваться от того, что мы называем политикой. Да, церковь отделена от государства. Но когда, спрашивается, государство было в стороне от церкви. Никогда. Реформа церкви в XVII веке, приведшая к трагедии церковного раскола, разве произошли без участия царя Алексея Михайловича? Царь едва не каждый день ревностно ходил на службы, читал Апостол, поправлял хористов, если начинали врать, а то и сам вставал петь рядом с ними. Параллельно со службой тут же в церкви вершил государственные дела, читал и писал бумаги, отдавал распоряжения... И церковные дела не упускал из виду. Не самочинно начал реформу церкви патриарх Никон, а с благословения царя, которому нужны были эти преобразования. Пётр Первый вообще посадил церковь на поводок, обезглавил её, отменив патриаршество. Жесткими реформами прошлась по церкви Екатерина Вторая. Во все

века государство довлело над церковью. А церковь отстаивала свои и паствы интересы. И сегодня, считает батюшка, не дело отгораживаться церковным забором от государства и политики, которую оно ведёт. Мы сходимся с батюшкой во мнении, церковь обязана активно вести и вне храмов свою христианскую линию. Дитё не плачет, мать не понимает. Если вы игнорируете политику, она постучит дубиной в вашу дверь. Такая жестокая реальность сегодняшнего нашего бытия.

Мы тут же находим с батюшкой яркую иллюстрацию наших рассуждений. Полная отстранённость церкви от государственных дел на Украине привела к открытой войне против неё. Украинскую православную церковь Московского Патриархата ставят вне закона. Как бы повела себя Рада, будь среди её делегатов представители православной церкви. То, что они прошли бы в Раду, нет сомнений. Не так уж много в общей массе на Украине националистов и бандеровцев. Они в основном гнездятся в Западной Украине. Воцерковлённость православных на Украине выше, чем в России, храмы по воскресеньям и в праздники полны и в сёлах, и в городах. Группа священнослужителей, как бы ни противодействовали этому шулера избиркома, как бы не изгалялись националисты, прошла бы в Раду. От областей на юго-востоке точно. Священники, несущие на себе благодать Божию, даже своим присутствием оказывали бы влияние на работу парламента. Само собой, батюшка на трибуне приводил бы

в тихое, а то и буйное бешенство большую часть послемайданной Рады. Зато нормальные, вменяемые граждане имели своих посланников среди законодателей, которые могли на всю страну говорить в защиту многомиллионной паствы. Никто не скажет в защиту церкви лучше священника или епископа.

Пророки, святые, не боясь за себя, высказывали правителям самые жёсткие слова, видя преступления власть предержащих. Вспомним Иоанна Предтечу, его обличительные речи, обращённые к правителю Галилеи Ироду. А тот при всех своих пороках не решался расправиться с пророком, понимал – Иоанн избранник Господа, чувствовал, что на нём почивает Дух Божий, он под защитой Небесных Сил.

Но в Раде не было делегатов-церковнослужителей, ни один священник, ни один епископ не мог сказать с самой высокой светской трибуны ни слова в защиту матери церкви. Церковь, может, и отделена от государства, но православный человек является гражданином государства. А его духовная жизнь разве только лишь его сугубо личное дело? В обществе торжествуют дьявольские постулаты: сребролюбие, воровство, коррупция, разврат, идёт социальное расслоение. В безбожном социализме справедливости было в разы больше. Нравственные ориентиры социализма, пропагандирующего атеизм, были ближе христианству, его пониманию добра и зла. Подумать нельзя было, чтобы Верховный Совет СССР рассматривал вопрос послабления законодательства в отно-

шении педофилов.

– Патриарх на днях выступал в Думе, – говорит батюшка, – он прекрасно говорил, о социальном расслоении общества, о пагубности рекламы алкоголя, о проблемах молодёжи, в очередной раз сказал об абортах. Не назвал цифры, но только по официальным данным в год делается миллион аборт. А по неофициальным, в два раза больше как минимум. Представляешь, за двадцать последних лет сорок миллионов детей не родилось. При этом смертность превышает рождаемость. Население страны вымирает. А государство по факту поощряет аборты. Надумала женщина избавиться от ребёнка, и его законно, за государственные деньги убивают! Что фурункул вырезать, что аборт сделать.

Батюшка встаёт со стула. Одет он в тонкий свитер, брюки. После того, как батюшку отправили за штат, в облачении его ни разу не видел. Носит исключительно светский наряд. Давно в прошлом его шестьдесят три килограмма боксёра первого полусреднего веса. Килограммов на десять тяжелее, но также спортивен в движениях. Верная примета: если батюшка при разговоре встал – значит разволновался.

– Не надо действовать одними запретами! – говорит, меля шагами кабинет. – Сколько женщин приходило ко мне в слезах: не хочу рожать! Не буду рожать! Если бы совсем не хотела, не пришла. Какой бы дурёхой не была, а сердечком чувствует – идёт против Бога. Ей помочь, разъяснить, её поддержать надо. Скольких уговорил рожать. В свою оче-

редь государство, если оно обеспокоено приростом населения, должно на руках женщину-мать носить. Нужен прорыв для улучшения демографической ситуации. Реальная, а не трибунная поддержка молодёжи. Не завтра-послезавтра, а сегодня, так как надо было делать позавчера. Деньгами, рабочими местами, жильём. Количество разводов увеличивается – тоже проблема.

Патриарх раз в год выступит в Госдуме, депутаты с умными лицами покивают. Лет двадцать идёт разговор об изменении законодательства по абортам. Хотя бы не делать их за бюджетные деньги. А воз и ныне ни тпру, ни ну, ни кукареку! Понятно кому нужны аборт в России – кому Россия не нужна. И нет в Думе таких людей, как Багинский, решительных, влиятельных. Почему не организовать крестный ход на всю страну, через всю страну с иконой Петра и Февроньи в защиту семьи, против всех эти европейских ценностей с их толерантностью к сатанинским ориентациям. Крестный ход идёт – ад трепещет, бесы по углам разбегаются. Почему украинская власть начала носиться с томосом, автокефалией. Всеукраинский крестный ход привёл в ступор – такая сила прошла через всю страну. Ничего умнее не придумали – томосом расколоть её. А не выходит. И наши крестные ходы могли бы отрезвить тех, для кого народ это «алкаши и неудачники». Только вместе мы можем что-то решить.

Батюшка садится за стол. За изменение законодательства по абортам он ратовал давно. Как-то прихожу к нему в храм,

он выдаёт пару подписных листов с просьбой поучаствовать в акции сбора подписей под обращением к президенту о запрете абортов.

– В чём-то не грех с Америки пример взять! – батюшка поворачивает ко мне монитор компьютера и показывает фото с американского марша «За жизнь». – В США ежегодно проводят эти марши, они собирают сотни тысяч людей, выступающих против абортов. Выходит на марши и наша сестра во Христе – Поместная Православная Церковь в Америке. Православные вместе со всеми требуют отмену законов, разрешающих грех – убийство не рождённых младенцев. Одним из первых указов Дональда Трампа на посту президента стал запрет на финансирование из бюджета страны международных проабортных программ. А Россия более четверти века финансирует это безбожные программы. Откуда берутся у нас несколько миллионов абортов в год? Это поставлено на поток. Я в церкви говорю: рожай и ничего не бойся, а в клинике её прессуют: лучше вам сделать аборт. Запугивают – у вас будет неполноценный ребёнок. Женщина в панику, как быть-поступить. Казалось бы, какое врачу дело? Видимо, заинтересована. Глядишь, тем, кто проабртную тему ведёт, командировочку на международную зарубежную конференцию устроят зарубежные благодетели. Беременная в панике. Сколько приходили ко мне таких: что делать батюшка? Рожай, говорю. Рожают и никаких аномалий. Вчера приходила Тамара, принесла банку мёду моим детям и матушке, а

ещё килограмма два конфет всяких разных... Лет пять назад обращается ко мне: «Батюшка, врач говорит, прерывай беременность». Застрашала беднягу, прессует – делай аборт, иначе урода родишь. А они с мужем несколько лет ждали ребёнка. И я уверен, у врача был какой-то личный интерес в аборте. Почему так агрессивно действовала? Настроил Тамару: никого не слушай, молись, я тоже буду молиться. Родила славную Ульянку. Ко мне крестить принесла. Крёстная моя старшая дочь.

Зазвонил телефон, батюшка поднял трубку. А я вспомнил недавно услышанное из уст историка. Лысому кукурузнику, когда он дорвался до единоличной власти, американцы протянули «руку дружбы»: будем с вами и Советским Союзом дружить, дорогой вы наш свет Сергеевич, коль выполните три наших условия: начнёте разоружаться, клеймить сталинизм и снимите запрет с абортов. Разоружаться – понятно. Генералиссимус – тоже поперёк горла им, ведь он создал страну-альтернативу Западу, да такую, что Гитлера, подмявшего под себя всю Европу, уничтожил, Японию на обе лопатки молниеносно положил. Но при чём здесь аборт? Какое, казалось бы, дело той Америке до наших женщин. Ан нет – волнует их умножение нашего народонаселения, усиление и процветание нашего государства.

Сказал об этом батюшке, когда он положил трубку телефона, и услышал в ответ:

– Бог сказал: плодитесь и размножайтесь. Они, прислуж-

ники бесов поднебесных: делайте, русские бабы, аборт и чем больше – тем лучше. Представь, пойдёт крестный ход в защиту семьи от Владивостока до Калининграда. А к нему стекаются с разных мест другие крестные ходы. И постараться, чтобы СМИ не замолчали событие. Какой резонанс по всей стране! Дьявольские приспешники во властных структурах, лоббисты аборт и «европейской толерантности» прижмут хвосты. По норам не попрячутся, для этого Багинские нужны с шашками наголо, но и перестанут нагло плевать на всех – завибрируют, они ведь трусы, больше всего боятся, что скovyрнут их, а у них столько наворовано. И президент вынужден будет принять сторону большинства. Все они, у кого физиономия с ног до головы в пушку, боятся большинства, не дай Бог оно поднимется. Бесовская камарилья президенту во все уши нашёптывает: нужны аборт! А скажи народ громко «нет», крыть им станет нечем. И президент хошь не хошь, пойдёт на попятный: а что я сделаю, коль народ против аборт? Митрополит Сергей Страгородский обратился в первый день Великой Отечественной войны к пастве: отечество в опасности! Оно снова в опасности. И надо вставать на защиту жизни. Иоанн Кронштадтский не боялся устраивать огромные крестные ходы против пьянства, когда государство решило зарабатывать, спаивая народ. Митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский) активно поддерживал борьбу с пьянством. В 1911 году с его благословения, под его покровитель-

ством состоялся Российский противоалкогольный съезд. Почему мы мямлим? Молчок с амвона о том, что идёт грабёж страны, спаивание нации, процветает наркомания, миллионы младенцев убиваются в абортариях, телевидение насаждает с утра до утра нравственные неценности...

Мы сходимся с батюшкой во мнении: избери мы в Госдуму с десятков священников, умных, образованных, энергичных, Дума была бы другой. А ещё бы в придачу к священникам-депутатом епископа-депутата. Сотни прикормленный думцев отстаивают интересы олигархов, коммунисты проповедуют коммунистические идеи, и никто не стоит открыто на позиции православной паствы. Никто. Могут возразить, в России регулярно в храмы процентов пять от всего населения если и ходит, то хорошо. И что? Профессиональным спортом того меньше народа занимается, а спортсменов в Думе седьмого созыва насчитал пятнадцать душ. Тут тебе и титулованные хоккеисты, тут тебе и гимнастки с фигурами на загляденье, и боксёр-чемпион ростом под потолок, и миниатюрная вся в олимпийских медалях фигуристка. Может они семи пядей государственного ума во лбу. Во всяком случае, хотелось бы, чтобы так было. Только ни один спортсмен, хотя бы один для смеха, ни один не проголосовал против закона о повышении пенсионного возраста. Избиратели поголовно против, спортсмены дружно давили кнопки «за». И, надо сказать, все до одного ужасно скромные – никогда на трибуну Думы не поднимаются, семипядный ум не про-

демонстрируют избирателям, отстаивая законы в защиту народа.

Вспоминаем с батюшкой царскую Государственную думу. Батюшка тут же открывает нужную папку в компьютере. Этот вопрос он хорошо изучил. В третьей царской Думе было сорок три священника и два епископа. Подавляющее большинство относились к правым фракциям. Не по всем вопросам было единство. Одни горячо поддерживали реформы Столыпина, другие критиковали их. И всё равно это была деятельная сила, которая одним видом священнических одежд напоминала безбожникам о многомиллионном православном населении страны. В четвёртой Думе было сорок четыре священника и два епископа. Вместе они разрабатывали законопроекты, обсуждали проблемы православия в стране. По праздникам и воскресным дням соборно проводили богослужения.

Соглашаюсь с батюшкой и возражаю, священников тоже может использовать власть. Об этом писал епископ Евлогий (Георгиевский), член второй и третьей царской Думы, умница, пользовавшийся большим авторитетом и в своей епархии, и в Думе. Правительство рассчитывало, что священнослужители (как, к примеру, наши спортсмены-единороссы) будут дуть в одну дудку с ним. Ничего не получилось.

– Могут использовать и священника! – говорит батюшка. – Только священник служит литургию, стоит у Святого престола, он всё равно Бога боится и навряд ли пустится во

все тяжкие. Уж во всяком не будет проталкивать закон под свой бизнес, по той причине, что у него быть не может бизнеса. Подумать только, у нас в Совете Федерации не один год сидел малограмотный Арашуков, подозреваемый в организации нескольких убийств. У него обнаружены горы денег, тонны валюты, которые пытался сжечь, заматывая следы. Это не просто криминал, это люди с изменённым сознанием... Какой там народ и его чаяния... Бесы подсалили их на дворцы, яхты, миллиардные счета. В мозгах одна извилина и та в виде доллара...

Вдруг батюшка замолкает, после долгой паузы произносит:

– Раскипятились мы с тобой, а ведь грешим – Великий Пост начался. В храмах канон Андрея Критского читают. Давай-ка и мы помолимся. Хорошо, что зашёл – соборно помолимся. Я любил в церкви канон Андрея Критского читать. Меня он как ничто другое на пост настраивал. Ещё вчера днём в храме было праздничное настроение – хоть и Прощёное воскресенье, но ещё не пост, вечером в Свято-Успенском соборе традиционно митрополит собирал на службу всё священство. Едва не полсобора нашей братии стояло. Я старался заранее прийти, кого-то из батюшек целый год не видел, обнимаемся, радуемся встрече... Это было вчера, а сегодня под рукой у тебя канон Андрея Критского...

Мы с батюшкой остались одни на всём этаже. Минут десять назад заглянула уборщица, доложила: все ушли и она

уходит. Батюшка достаёт из стола покаянный канон Андрея Критского. В двух экземплярах, один протягивает мне.

– Я буду читать на церковнославянском, а ты следи на русском.

Иметь перед глазами русский текст, само собой, удобнее, массив текста большой, попробуй улови на церковнославянском смысл каждого слова.

Вместе поём «Царю Небесный»... Батюшка начинает читать канон:

Помощник и Покровитель бысть мне во спасение,
Сей мой Бог, и прославлю Его, Бог Отца моего,
и вознесу Его: славно бо прославися.

Вместе выдыхаем припев:

Помилуй мя, Боже, помилуй мя.

Батюшка не сбивается на скороговорку, не торопится, читает внятно:

Откуда начну плакати окаяннаго моего жития деяний?
Кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию?
Но, яко благоутробен, даждь ми прегрешений оставление.

Дуэтом поём:

Помилуй мя, Боже, помилуй мя.

В здании тишина, только голос батюшки ровно звучит, выпевая скорбные слова кающегося грешника. За окном догорает день, в сотнях церквях звучат сегодня эти строки. Слежу по переводу:

Ум изранился, тело расслабилось, дух болезнует,
слово потеряло силу, жизнь замерла, конец при дверях.
Что же сделаешь ты, несчастная душа,
когда придет Судия исследовать дела твои?

Душе, погрязшей в грехах, сказать нечего, одно остаётся
– звать к Всевышнему с молитвой:

Помилуй мя, Боже, помилуй мя.

Голос батюшки окреп, так читал когда-то в церкви, наполняя храм молитвой, увлекая за собой паству. С высокого иконостаса, колонн и стен взирали лики святых, теплились лампадки, колебалось пламя свечей, в сердца проникали призывающие к покаянию строки:

Ослабел закон, не воздействует Евангелие, пренебрежено все Писание тобою, пророки и всякое слово

праведника потеряли силу; язвы твои, душа,
умножились, без Врача, исцеляющего тебя.

Помилуй, мя, Боже, помилуй мя.

...Наконец мы поём:

Преподобне отче Андрее, моли Бога о нас.

Батюшка всё также в полный голос читает:

Андрее честный и отче преблаженнейший, пастырю
Критский, не престай моляся о воспевающих тя: да избавим-
ся вси гнева и скорби, и тления, и прегрешений безмерных,
чтущии твою память верно.

Батюшка осеняет себя широким крестом, закрывает кни-
гу:

– Вот и помолились мы с тобой и Андреем Критским. Даст
Бог, когда-нибудь и в церкви ещё почитаю канон.

– Почитаете, батюшка, – говорю я, – обязательно почита-
ете.

Он вздыхает:

– Дай-то Бог.

Я начинаю собираться, надеваю пуховик, батюшка домой
не торопится:

– Ещё посижу за компьютером, – говорит. – Кое-что надо сделать. А ты возьми-возьми канон, это я тебе принёс – дарю. Не будет возможности в храм на канон пойти – читай дома! Без него и молитвы Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего...» и пост не пост.

Я иду по городу. Весна. Скоро семь вечера, а ещё светло. На западе, окрасив в лимонно-розовые цвета полнеба, догорают за домами солнце. Днём под его лучами снег проседает, грубеет, на тротуарах грязнится. Отжил он своё, вот-вот побежит ручейками.

В полупустой маршрутке сажусь к окну, наугад открываю канон Андрея Критского, я ещё под воздействием нашей с батюшкой молитвы, взгляд выхватывает строки: «Конец приближается, душа, приближается, и ты не заботишься, не готовишься; время сокращается – восстань: Судия уже близко – при дверях; время жизни проходит, как сновиденье, как цвет. Для чего мы напрасно суетимся?»

И нет ответа: для чего суетимся? Время сокращается, сжимается, летит, а мы мельтешим-мельтешим...

***

В оформлении обложки использована картина Владимира Чупилко «Иерихонские слепые».